

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2021. Т. 43, № 3

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2021. Т. 43, № 3

Главный редактор
Е. С. Сенявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора
А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru
uchzap.petrsu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзётэ (Токио, Япония)

Т. П. ЛЁННГРЕН

д. философии, профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова (Москва, Россия)

Т. РУСЕН

д. философии, Гётеборгский университет (Гётеборг, Швеция)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения (Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

д. и. н., профессор, Университет Тромсё – Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Московский государственный областной университет (Москва, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2021. Vol. 43, No 3

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address
Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711

E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petrsu.ru

Editorial Board

E. ANISIMOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. BARISHNIKOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)

T. LÖNNGREN

Doctor of Philosophy, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

I. MULLONEN

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

TH. ROSÉN

Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Gothenburg, Sweden)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)

N. FATEEVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

A. ANTOSHCHEKHOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

M. BOBUNOVA

Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)

S. VERIGIN

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

V. GOLDIN

Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

T. GRIDINA

Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)

R. GRYÜNTHAL

Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

N. DRANNIKOVA

Doctor of Philology, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

P. ZAYKOV

Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

S. KASHCHENKO

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

D. KOBLENKOVA

Doctor of Philology, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONOZHENKO

PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)

A. KUNIL'SKIY

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

E. LELIS

Doctor of Philology, St. Petersburg State University of Film and Television (St. Petersburg, Russia)

K. MYKLEBOST

PhD in History, Professor, UiT – The Arctic University of Norway (Tromsø, Norway)

O. NIKITIN

Doctor of Philology, Professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia)

N. PATROEVA

Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

I. RAZUMOVA

Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)

V. SUPRUN

Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

L. SHESTAKOVA

Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	<i>Волкова Е. В., Закруженая З. С.</i>
ЯЗЫКОЗНАНИЕ		
<i>Садова Т. С.</i>		Несостоявшийся диалог: «Весна в Фиальте» В. Набокова и «Генрих» И. Бунина 71
Слово «надлежит» в составе императивной формулы в тексте «Устава воинского» 1716 года	8	
<i>Пашкова Т. В., Родионова А. П.</i>		<i>Матюшкина Е. Н.</i>
Словообразовательные суффиксы <i>-ndu/-ndy/-nd(e)</i> и <i>-hine</i> в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка (на примере наименований болезней)	17	«Частный» человек в романе Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов» 79
<i>Воронина Л. В.</i>		<i>Сафонов Е. А.</i>
Осознанность как когнитивный фактор экспликации суждений в текстовых единицах с семантикой цели	23	Традиции творчества Э. Т. А. Гофмана в отечественном городском фэнтези 84
<i>Галкина Н. П.</i>		<i>Шумило С. М.</i>
Типология причинных конструкций в гипотаксисе (на материале публицистики ХХ–XXI веков)	32	Повтор как художественный прием в литературе стиля «плетение словес»: к вопросу о заимствовании гимнографических тропов 92
<i>Давыдова Т. С.</i>		<i>Ушакова Д. О.</i>
Особенности передачи наименований реалий на английский язык (на материале произведений русских писателей)	41	Христианские ценности в цикле кавказских очерков Я. П. Полонского 102
<i>Рожкова А. В.</i>		<i>Фу Хэн</i>
Субстантивные словосочетания с родительным падежом в древнерусской гимнографии	48	Перевод А. Д. Кантемира трактата «Картина» Кебета Фиванского 110
<i>Чуйкова О. Ю.</i>		
Об употреблении имперфективных глаголов с родительным партитивным в русском языке	55	
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ		
<i>Черняк М. А.</i>		Рецензии
Серийность прозы цифровой эпохи: к вопросу о новых тенденциях литературного процесса	63	<i>Шарапенкова Н. Г.</i>
		Рец. на кн.: Литературное наследство. Том 105. Андрей Белый: Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов 115
Юбилеи		
		К 85-летию со дня рождения З. К. Тарланова 117
		<i>Contents</i> 118

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 10.01.2019 года по научным отраслям «Исторические науки и археология», «Литературоведение» и «Языкоизнание»

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrsu.ru/req.php>

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Ю. С. Марковой

Дата выхода в свет 31.03.2021. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 50 экз.). Изд. № 26

12+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

Профессор,
доктор филологических наук
A. E. Кунильский

**ДОРОГИЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Очередной номер журнала посвящен филологическим исследованиям. В нем публикуются статьи ученых из Петрозаводска, Москвы, Санкт-Петербурга, Рязани, Костромы, Украины – преподавателей и сотрудников высших учебных заведений и академических учреждений, докторов, кандидатов наук и аспирантов.

Языковедческий раздел составляют работы по проблемам лексикологии, словообразования, синтаксиса, семасиологии, стилистики, когнитивной лингвистики, перевода, выполненные на материале современного русского, древнерусского, карельского (представленного двумя наречиями: ливвиковским и людиковским) и английского языков.

В литературоведческой части журнала анализируются произведения отечественных авторов XVIII–XXI веков. Принадлежность текстов к разным эпохам не препятствует их сравнительно-историческому изучению, выявлению генетических и типологических связей между ними. В качестве примера можно указать на статью Е. А. Сафон (ПетрГУ) «Традиции творчества Э. Т. А. Гофмана в отечественном городском фэнтези». Данная статья написана на основе доклада, прозвучавшего на II Национальной научно-практической конференции с международным участием «Компаративистика на современном этапе: теория и практика», которая прошла 16–17 декабря 2020 года на кафедре германской филологии и скандинавистики в Институте филологии ПетрГУ.

Стоит напомнить о том, что 2021 год богат на писательские юбилеи. Некоторые из них имеют для нас особое значение: исполняется 200 лет со дня рождения Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова. Кафедра классической филологии, русской литературы и журналистики ПетрГУ является признанным в России и за рубежом центром изучения творчества Достоевского, в свое время ее возглавлял М. М. Гин (1919–1984) – известный ученый-некрасовед, автор книги «Достоевский и Некрасов: два мировосприятия» (1985). Представляется, что появление в журнале статей, посвященных двум классикам русской литературы, было бы весьма уместным.

Юбилейная тема завершает данный номер: мы поздравляем с 85-летием профессора З. К. Тарланова, известного ученого, заведующего кафедрой русского языка ПетрГУ в 1975–2011 годах, члена редколлегии нашего журнала.

ТАТЬЯНА СЕМЕНОВНА САДОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-6232-3433; tatsad_90@mail.ru

СЛОВО «НАДЛЕЖИТ» В СОСТАВЕ ИМПЕРАТИВНОЙ ФОРМУЛЫ В ТЕКСТЕ «УСТАВА ВОИНСКАГО» 1716 ГОДА

Аннотация. Обобщается научная информация об истории, внутренней мотивировке и сочетаемостных возможностях безличного глагола «надлежит» в русском языке вообще и деловых текстах XVIII века в частности. Отмечается, что коммуникативная стратегия устава как жанра предполагает активное использование устойчивых сочетаний с императивной семантикой, поэтому на материале «Устава воинского» 1716 года рассматривается формула «надлежит + инфинитив» как один из наиболее частотных способов выражения модального значения необходимости / обязательности в деловом военном тексте XVIII века. Книжный характер «надлежит», отмечаемый многими словарями русского языка, не имеет в тексте устава какой-либо стилистической маркированности, что обеспечивает его относительно свободную сочетаемость с другими глаголами-инфinitивами в рамках рассматриваемой формулы. В статье затрагиваются вопросы адаптации лексической кальки в условиях русского текста и прослеживается процесс накопления объема понятия, выражаемого калькой, под влиянием семантики исконных русских морфем (в нашем случае корня *-леж-* и приставки *над-*), ставших «строительным материалом» для ее создания в принимающем языке. Высказывается предположение о том, что безличный глагол «надлежит» со значением ‘необходимо, должно’ мог стать результатом естественного для русских приставочных глаголов переосмысливания пространственного значения в значение качественной оценки действия. Допускается также мысль о «встречных» семантических процессах – адаптации кальки в русском деловом тексте и развитии у пространственных глаголов качественной семантики.

Ключевые слова: язык XVIII века, императивная формула, модальный глагол, лексическая калька, текст военного устава

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект 20-012-00338).

Для цитирования: Садова Т. С. Слово «надлежит» в составе императивной формулы в тексте «Устава воинского» 1716 года // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.595

ВВЕДЕНИЕ

Книжный характер безличного глагола «надлежит» отмечается многими словарями современного русского языка.

НАДЛЕЖАТЬ, -жит; (неопр. не употр.); **безл.**, **несов.**, **кому-чemu**, с **неопр.** **Книжн.** Должно, нужно, следует. [Иван Кузмич] сказал мне: – Эх, Петр Андреич! надлежало бы мне посадить тебя под арест. Пушкин, Капитанская дочка. Вольнонаемной команде надлежит утром получить в управлении порта расчет. Л. Соболев, Топовый узел¹.

Возможно, именно по причине своей стилистической маркированности безличный глагол «надлежить» не входит в ядро лексических модификаторов, эксплицирующих значение необ-

ходимости / обязательности в современных деловых текстах. Последовательно отмечается, что он находится в так называемой «переходной зоне от центра к периферии микрополя необходимости в русских официально-деловых текстах» [4: 14].

В «Уставе воинском» 1716 года, напротив, императивные формулы с модальным модификатором «надлежить» употребляются весьма активно: они зафиксированы в 141 контексте, что в сравнении с формулами, включающими другие лексические экспликиаторы того же модального значения, – число довольно значительное. Так, очевидно ожидаемый в рассматриваемом значении модификатор «должен» встречается в 87 контекстах, «долженствует» – в 39 контекстах, «надобно» и «повинен» – в 7 и 6 соответственно.

О МНОГОАСПЕКТНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИМПЕРАТИВНОЙ СЕМАНТИКИ ДЕЛОВОГО ТЕКСТА XVIII ВЕКА

Столь активное использование безличного глагола «надлежит» в качестве экспликатора значения необходимости / обязательности привлекает внимание по нескольким причинам. Во-первых, совершенно ясно, что жанр военного устава (любого времени) требует использования формул с императивной семантикой, однако очевидно и то, что способы ее речевого выражения уже к XVIII веку были весьма разнообразны – как в грамматическом, так и лексико-стилистическом планах (см., напр.: [11], [19]). Следовательно, предпочтение «надлежит» на фоне других лексических модификаторов значения необходимости / обязательности должно иметь серьезные основания – и с точки зрения функционально-семантической, и сугубо pragматические. Во-вторых, безличный глагол «надлежит» имеет не отчетливо ясную историю семантических преобразований в связи с его исходной внутренней формой. Уже при начальном рассмотрении становится ясно, что она содержит идею *над-лежания* или *нависания* (‘нахождения над чем-либо’), напрямую выраженную в значении личного глагола «надлежать», зафиксированном в словаре древнерусского языка И. И. Срезневского:

Надълежати – лежать на чем, над чем, Есть бо мала гора надълежащи надъ монастырь тъмь. Нест. Жит. Феод. 23².

Значение же безличной формы того же глагола («надлежит») ‘должно, нужно, следует’ представляется не вполне логичным развитием внутренней формы исходного слова. Неслучайно в этой связи довольно категорично замечание В. В. Виноградова, высказанное им по этому поводу: «Едва ли допустимо генетически связывать с этим глаголом (надлежать. – Т. С.) глагол *надлежит* в значении ‘следует, должно’» [5: 344–345]. О том же, но уже в связи с современным языком, говорит и М. А. Кронгауз:

«Для глагола “надлежать” едва ли можно говорить о связи с глаголом *лежать* на синхронном уровне, тем не менее приставка *над-* и соответствующий корень (с отличным от *леж-* значением) все же выделяются благодаря сравнению с глаголом *подлежать*» [9: 94].

Заметим также, что безличный «надлежит» В. В. Виноградов предположительно квалифицирует как кальку с немецкого, причем имеющую явный «отпечаток официально-книжного стиля»:

«Рождается предположение, не появляется ли *надлежит* в качестве калькированного слепка с латинского или немецкого слова. В Лексиконе Вейсмана (1731) это

слово уже отмечено и поставлено в связь с латинским *id tibi incumbit* и немецким *es liegt dir ob*» [5: 344–345].

Однако безличный «надлежит», правда, без инфинитива, встречается, по свидетельству В. И. Борковского, уже в деловом языке XVII века [3: 123]. О том же пишет и Л. В. Табаченко в докторской диссертации, посвященной истории приставочных глаголов русского языка:

«С конца XVII в. глагол *надлежать* употребляется в значении, сохранившемся в современном русском языке: в формах *надлежасий* – ‘соответствующий, такой, какой нужно’ и *надлежит*, *надлежало* – ‘необходимо, следует’»³.

Примечательно и то, что в качестве иллюстраций использования этого слова В. И. Борковский приводит контексты из «Учения и хитрости ратного строения пехотных людей» (1647), предвестника военных уставов XVIII века.

«Важно отметить существенное отличие этого памятника от рассматриваемого Устава 1716 года: его основу составил перевод с немецкого языка известного труда И. Я. фон Вальхаузена “Kriegskunst zu Fuss”» [7: 15].

Следовательно, предположение о калькированном характере безличного глагола «надлежить» с немецкого, в том числе через посредство польского языка, не лишено оснований [20: 21].

В-третьих, безличный глагол, отмечаемый в современных словарях русского языка как книжный⁴, в текстах XVIII века также имел некоторые стилистические ограничения в сравнении с другими лексическими экспликаторами-modalного значения необходимости / обязательности. Причем эти ограничения, видимо, зависели и от жанровой характеристики текста, и от его «социального статуса». Так, И. Ю. Кукса, исследуя особенности выражения значения необходимости в газетах XVIII века, отмечает, что, например, в рукописных «Вестях-Курантах» безличный глагол *надлежит* представлен достаточно редкими примерами [12: 27]; сходную картину она фиксирует и на материале других газетных текстов того же времени [11: 19]. Е. М. Шелтухина и О. А. Горбань отмечают, что в воинских грамотах Войска Донского, имеющих, как и рассматриваемый Устав, «ярко выраженный предписательный характер», императивные конструкции с *надлежит* довольно редки и в употребительности значительно проигрывают, например, конструкциям с независимым инфинитивом [19: 9–10]. При этом следует заметить, что в «Словаре русского языка XVIII века» (под ред. Ю. С. Сорокина) ожидаемые в связи с этими наблюдениями стилистические пометы отсутствуют.

НАДЛЕЖАТЬ (-ти), жу́, жйт, несов.; **Надлежащий**, прич. <...> 3. безл. С инф. *Должно, нужно, следует*. У родителей рѣчей перебивать не надлежит. ЮЧЗ 3. <...>⁵.

Рассмотрению этих и других вопросов, связанных с семантикой и функционированием в тексте Устава 1716 года глагола «надлежит», посвящена наша статья.

О ТЕКСТЕ «УСТАВА ВОИНСКАГО» 1716 ГОДА

Когда речь заходит о языке официальных (как, собственно, и других) письменных текстов XVIII века, первое, о чем приходится говорить, – в какой степени эти тексты являются собственно русскими, оригиналными, не переводными или стилизованными под переводные.

Языковая ситуация XVIII века в области документной коммуникации не совсем ясна с точки зрения степени влияния на нее западноевропейских деловых текстов [14: 43]. Очевидно другое: сочетание книжных и разговорных элементов в официально-деловой документации XVIII века, а также сохранившиеся в ней черты приказного языка предшествующих эпох⁶ не были бессмысленным нагромождением генетически разнородных языковых элементов, но свидетельствовали о последовательном процессе поиска нормы деловой коммуникации, отвечающей прагматике конкретного жанра.

«Должно было пройти много времени, прежде чем этот язык, освобожденный и от архаических норм церковнославянского, и от неопределенных по выразительности диалектных слов, (и от многочисленных заимствований. – Т. С.), представит в качестве известного нам теперь русского литературного языка» [6: 27].

По указанным причинам анализ любого документного текста XVIII века требует – хотя бы первоначальной – информации об истории его создания и мере неизбежного влияния на него иноязычных текстов того же жанра. Интересующий нас «Устав воинской», утвержденный Петром Великим 10 апреля (по новому стилю) 1716 года, по свидетельству историков права и военных историков, явился тем документом, который на долгие годы определил «порядок внутренней жизни русской армии <в условиях> регулярной организации войск» [7: 5]. Полный текст Устава 1716 года включает три части: сам «Устав воинский» (68 глав), «Артикул воинский с кратким толкованием» (209 статей); «Об экзерциции» (3 раздела). Материалом предметного рассмотрения в нашей статье является первая часть (по изданию 1755 года)⁷. Источниками «Устава», как утверждают исследователи, послужили «лучшие образцы иностранного уставного творчества:

имперские германские, шведские (в артикуле), саксонские (в процессах), французские (в экзерцициях)» [13: 165]. При этом принципиальным для нас является утверждение авторитетнейшего в XIX веке военного историка П. О. Бобровского о том, что

«ни одна из книг “Устава” не составляет буквального перевода какого-либо одного законодательного памятника европейской культуры»⁸. И далее: «Всеобъемлющий гений Петра I не мог довольствоваться буквальным переводом законов какого-либо государства, и в “Уставе воинском” явственно замечаются следы его самостоятельной работы, в большей или меньшей степени»⁹.

Об этих «следах» руки самого Петра I в рукописном тексте «Устава» и егоオリジナルной природе вполне определенно высказывались и советские историки. Так, П. П. Епифанов пишет:

«Нетрудно заметить при чтении рукописи, что редакционные поправки Петра во всех случаях уточняют и делают более ясными и доступными пониманию читателя статьи Артикула <...> Здесь не было механического заимствования; оно исключалось творческим характером всей преобразовательной деятельности Петра» [7: 7].

Известно, что существовал «Устав» и на немецком языке, но это был вторичный текст относительно русского, поскольку

«назначался исключительно для иноземных офицеров, служивших в русской армии в качестве наемников; а к этой службе иностранцы привлекались в течение двух столетий до Петра»¹⁰.

Итак, нам важно то, что текст «Устава», несмотря на его естественную для XVIII века ориентированность на западные образцы военного уставного творчества, был оригинальным текстом, в первой же своей редакции написанным на русском языке, причем в его создании активно участвовал сам Петр I.

О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СОЧЕТАНИЯ «НАДЛЕЖИТЬ + ИНФИНИТИВ» В «УСТАВЕ» 1716 ГОДА

Конструкции с безличным глаголом «надлежит», присутствующие в тексте Устава, строятся, как правило, по модели «надлежит + инфинитив»:

При семъ надлежитъ примѣчать, что оному, рунду паролю отъ караулу на постахъ обрѣтающающа не отдается, но долженъ самъ онымъ пароль отдавать, куды придетъ (Книга УВ, 222);

Такожде надлежитъ вѣдать, что передъ главнымъ рундомъ весь карауль стоящей на посту выступить, и въ ружье стать и Оберъ-офицеръ и сержантъ тому главному, рунду пароль отдать (Книга УВ, 221).

Очень редко инфинитив находится в препозиции относительно «надлежит»:

И когда какой неправой судь учинится, тогда оныхъ судей судить надлежитъ (Книга УВ, 29);

Въдати же надлежитъ, что пароль принимать только главный съ вечеру, и утренний рундъ (Книга УВ, 219);

Смотрѣть надлежитъ, чтобы въ началѣ силный корпусъ или половина кавалеріи на передѣ всѣ дорѣги и пасы осмотрѣли (Книга УВ, 151).

Велика доля контекстов, где «надлежит» используется с отрицательной частицей *не*: в таких случаях императивность как основная прагматическая стратегия уставного жанра значительно усиливается, запретительная семантика интенсифицирует модальное поле обязательности:

При таковыхъ проходахъ обыкновенно для багажу подставы требуются, того ради не надлежитъ тотъ часъ на оное позволить (Книга УВ, 118);

На квартирахъ стоящихъ солдатъ сбирать не надлежитъ но только къ единой о 9 часѣ бывающей молитвѣ (Книга УВ, 217);

Такожде и карауль другъ отъ друга далъе ставить не надлежитъ (Книга УВ, 208).

Примечательно, что в качестве компонента «инфinitив» в конструкции может выступать устойчивое словосочетание, близкое к понятию «профессиональный фразеологизм» [8: 183]:

Ежели же что важное, то на писмѣ а не на словахъ указы давать надлежитъ, равно же и рапорты о таковыхъ дѣлахъ на писмѣ принимать, како кавалеріи тако и инфантеріи и артилериї (Книга УВ, 25);

Когда рундъ или кто изъ Офицеровъ часоваго на его посту спящаго найдеть, то надлежитъ [немедленно] его перемѣнить и за арестъ взять (Книга УВ, 209);

А для лучшаго порядку не надлежитъ прежде съ караулу сойти, пока всѣ часовые смирены будуть (Книга УВ, 186).

Можно предположить, что выражения типа *указы давать, за арест взять, с караулу сойти, зборь бить, учреждать походы, голосы давать, с тылу стать и под.* были известны в русской военной среде еще до создания Устава 1716 года и, вполне вероятно, имели устноречевое происхождение. В тексте официального документа в таком случае они несут безусловно прагматическую нагрузку – «создание более ясного и доступного пониманию читателя» текста [7: 40]. Вхождение этих «простых», «простонародных» [10: 25] выражений в состав устойчивой формулы официального правового документа несомненно повышает их речевой статус и как бы «консервирует» исходную устноречевую природу: злую дорогу вычистить, проспрос учинить, побудок бить, с караулу сойти, за арест взять, назад уступать. Помимо профессиональных фразеологизмов, в состав императивной формулы с безличным глаголом «надлежит» включаются

и общеязыковые, литературные устойчивые выражения, что добавляет в текст Устава некой «художественности», образности, чуждой современному деловому тексту: *(надлежитъ) со славою командовать; (надлежитъ) командующему Генералу въ добромъ послушаніи быть; (не надлежитъ) безчестное житіе купить* и под.

В тексте Устава применяются (или только формируются?) канцелярские речевые клише, например, с часто используемым в таких случаях глаголом «иметь» (возможно, под влиянием немецких деловых клише типа «eine Meinung haben» – «иметь свое мнение»): *(надлежитъ) извѣстіе имѣть, (надлежитъ) имѣть попеченіе, (надлежитъ) оное въ памяти имѣть, (надлежитъ) надзiranіе имѣть* и под.

Значение обязательности при использовании рассматриваемой формулы усиливается с помощью ряда лексических интенсификаторов; наиболее отчетливо в этой функции выступают наречия, чаще других – *отнюдь* в значении ‘совсем, вовсе, никоим образом (употребляется с отрицанием *не*)’¹¹:

Когда кто инкогнито пропѣхать, и себя объявить не похочеть, хотя во время войны или миру, оного не надлежитъ отнюдь пропускать (Книга УВ, 202);

<...> Ружье надлежитъ, сколь долго оный на часахъ будетъ, отнюдь изъ руки не упускать (Книга УВ, 206);

Такожде отнюдь не надлежитъ, чтобы часовые стоя на своихъ постахъ табакъ курили (Книга УВ, 206);

<...> Ежели безграмотные, кто всѣхъ выучить не можетъ, то хотя одно Отче нашъ, что конечно надлежитъ умѣть (Книга УВ, 217);

Тогда надлежитъ оные ключи съ Сержантомъ и съ четырьмя солдатами, Преміэръ или Секундъ Маюру обрѣтающемуся на главномъ карауле *паки вручить* (Книга УВ, 189).

Примечательно расширение конструкции «надлежит + инфинитив», во-первых, за счет подбора синонимов к семантически нагруженому глаголу-инфinitиву, во-вторых, с помощью употребления цепочки однородных глаголов-инфinitивов при одном модификаторе «надлежит» и, в-третьих, за счет включения в формулу слов различных грамматических категорий, служащих для разъяснения, уточнения, подчеркивания важности основного действия, которое необходимо исполнить. Опосредованно, но и эти лексические средства становятся интенсификаторами императивной функции текста:

Таковыи людямъ надлежитъ прильжно всего подробно спрашиватъ, учиться, и примѣнчатъ, что примѣнїю достойнаго во время кампаніи случилось (Книга УВ, 4–5);

Ему надлежитъ жалобы ихъ и доношенія добровольно слушать, добрыя ихъ дѣла похвалять, и за оныя

воздавать, за худыя же накрѣпко и со усердіемъ наказывать, чтобы онъ всякому возлюбленъ и страшенъ быль (Книга УВ, 25);

Того ради всякому командиру надлежитъ сie не престанно въ памяти имѣть, и отъ онаго блюстися, ибо можетъ таковыемъ богатствомъ легко смерть, или безчестное житie купить (Книга УВ, 30);

Надлежитъ ему напередъ по прильжному разсужденію всѣхъ обстоятельствъ учиненнаго преступленія <...> правомѣрной приговоръ учинить (Книга УВ, 68) и др.

При этом важно отметить, что не в каждой статье Устава присутствует лексическое выражение субъекта императивного действия, хотя он (субъект) всегда имеется в виду. Устройство этого текста таково, что глава начинается с указания на то должностное лицо, к которому обращены императивы-сентенции, перечисленные в ней, например: *Глава четвертая надесять.*

О ГЕНЕРАЛѣ отъ инфантеріи. В таких случаях субъект (имя лица в дат. п.) исполнения содержащихся в этой главе предписаний, будучи обозначен «заглавно», «постатейно» может и не указываться. Чаще всего бессубъектные формулы «надлежитъ + инфинитив» употребляются в сложноподчиненных предложениях:

При сѣмъ надлежитъ примѣчать, что оному, рунду паролю отъ караула на постахъ обрѣтающаюся не отдается (Книга УВ, 222);

И ежели кто въ другой рядъ главнымъ рундомъ себя объявитъ, то его надлежитъ по правамъ за арестъ взять, и въ гауптвахту отдать (Книга УВ, 225).

О ВОЗМОЖНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ СЕМАНТИКИ И ПРОИСХОЖДЕНИЯ БЕЗЛИЧНОГО ГЛАГОЛА «НАДЛЕЖИТЪ»

Вопрос о семантической «нелепости» (по словам М. В. Ломоносова [5: 345]) слова «надлежитъ» и, как следствие, различных трактовках его «семантической истории» оказывается наиболее интересным. Словообразовательный анализ как будто не дает отчетливых свидетельств о мотивировке приставочного образования от глагола «лежать» с помощью *над-*, приведшей безличную форму этого глагола к значению ‘необходимо, надобно, должно’¹². Уже отмечалось, что большинство ученых, вслед за В. В. Виноградовым, усматривают в нем кальку с немецкого – либо через польское, либо через украинско-белорусское языковое посредство [18], [20]. Некоторые полагают, что это кальку с греческого или латинского языка, но старославянского происхождения [1: 116]. Так, Л. В. Табаченко замечает:

«Большинство зафиксированных в памятниках письменности позиционных глаголов с пространственными приставками – книжно-славянского происхождения: это генетически старославянские глаголы или созданные по их образцу» [16: 18].

Если это калька, очевидно и другое: отрицать неизбежного влияния семантики исконно русского статального глагола «лежать» и пространственной приставки *над-* на процесс семантической адаптации кальки и дальнейшего ее вхождения в лексическую систему русского языка вряд ли возможно. Неслучайно появляются противоположные общепринятым мнению суждения о том, что «превращение» личного глагола «надлежать» (‘находиться сверху’) в безличный «надлежитъ» (‘необходимо’) могло быть естественным внутриязыковым семантическим процессом без всякого влияния извне:

«Образ пространственного расположения над чем-либо в этом случае послужил основой формирования модального значения требования, долженствования: 1) ‘наступать’; 2) ‘насильствовать, притеснять’; 3) ‘быть над кем, угрожать’» [17: 149].

Такие предположения отчасти подкрепляются и тем, что семантика «нависания», метафорически преображенная в значение «угрозы», отмечается и для древнерусского языка, что зафиксировано в том же словаре Срезневского отдельной строкой:

Надълежати <...> – угрожать: – Толицъмъ напастьмъ надълежаштамъ. Изб. 1073 г. (В.)¹³.

Подобное метафорическое преобразование пространственных значений в иные, качественно-квалификативные в том числе, – естественный процесс в истории русских приставочных глаголов:

«История позиционных глаголов с пространственными приставками <...> – это в основном история развития ими переносных абстрактных значений, связанных с прямым пространственным, и история их сочетаемости» [15: 101].

Иными словами, пространственная семантика приставочного «надлежать» позволяла естественному (даже типичному) приобретению этим глаголом абстрактного значения, в данном случае – угрозы и долженствования. «Идея верха преобразуется в идею высокого и низкого статусов» [9: 92].

Метонимические «мены» в истории развития лексических значений многих слов – явление не редкое. Глагол «надлежать», в исходном значении ‘находиться над чем-л.’, в историческом развитии мог сместить семантические акценты со способа действия на цель действия: наиболее отчетливо это смещение фиксирует В. И. Даль: **НАДЛЕЖАТЬ**, безлч. Быть надобну, быть должно, нужну, следовать¹⁴ – от пассивного нахождения над чем-л. к главенству – долженствованию. Следовательно, даже в том случае, если безличный «надлежитъ» со значением

‘должно, необходимо’ – генетическая калька, появление ее в языке регламентирующего документа XVIII века не может быть расценено как совершенно не свойственное семантико-словообразовательной системе русского языка. Известно, что не всякая калька (как любое лексическое заимствование) приживается в принимающем языке, многие из вполне удачных и, как кажется, необходимых для языка калек исчезают почти бесследно, отмечаясь в ограниченном количестве текстов, причем часто – отдельной жанрово-функциональной группы. Таков, например, «повинен» в том же значении ‘обязан, должен’ в истории русского языка и деловой письменности того же XVIII века [20: 27]. Иными словами, возможно и вполне допустимо двойное толкование семантической истории безличного «надлежит» – как полностью адаптированной кальки с немецкого языка, с одной стороны, и естественного для словообразовательной системы русского языка процесса семантического переосмыслиния исходно пространственного значения в пользу абстрактного, с другой стороны. Это могли быть обусловленные друг другом («встречные») семантические процессы. Возможно, это тот самый случай, когда следует говорить о так называемых ресурсных возможностях языковой системы, позволяющей ей на данном историческом этапе (в случае необходимости) «извлекать их» и «реализовывать максимальное количество своих возможностей» [2: 9]. С этой точки зрения следует допустить, что любая калька, если она не отторгается системой принимающего языка, является для этого языка фактом «реализованного ресурса», поскольку использует имеющиеся в нем (языке), онтологически присущие только ему единицы (в нашем случае – морфемы) и системные возможности.

О системном характере развития модально-го значения «необходимости / обязательности / долженствования» в русском языке XVIII века, что отражено в том числе в языке анализируемого устава, может служить тот факт, что та же идея долженствования присутствует в другом приставочном образовании от той же основы – «подлежит», по мнению ряда ученых, также являющегося калькой. Однако ожидаемые системные связи, мотивированные антонимической парой пространственных приставок *под-* и *над-*, не оправдываются, что, с одной стороны, воспринимается как системная «дефектность» калькированных форм [16: 18], с другой – как проявление «разрушающейся системы» [9: 93]. И все же идея вполне допустимого и даже весьма типич-

ного для семантической палитры словообразовательных аффиксов русского языка алогизма, может быть доказана довольно оригинально:

«В связи с глаголом *надлежать* нельзя не сказать и о глаголе *подлежать*, в котором выделяется приставка *под-*, системно антонимичная приставке *над-*. Понятия “верх – низ” являются конверсивами. Глагол *подлежать* также выражает модальное значение долженствования, однако он, таким образом, представляет собой не столько конверсив к глаголу *надлежать*, сколько его синоним» [17: 149],

ср. подобные случаи: надъесть – подъесть, надрубить – подрубить, надрезать – подрезать (в значении ‘немного’).

При этом следует иметь в виду и то, что глагол «подлежать» – не безличный, чаще всего он выступает в составе устойчивого глагольно-именного сочетания в форме 3 л. ед. или множ. ч. Причем именная часть сочетания, как правило, выражена отглагольным существительным: *подлежит уничтожению, (не)распространению, расселению* и под. Однако исходная пространственная семантика словообразующих приставок (*под-* и *над-*) не может не отразиться как на сочетаемостных возможностях двух однокорневых слов, так и на грамматических способах выражения ими значения обязательности / долженствования. Употребление сочетания с «подлежит» в тексте Устава 1716 года представлено единичными контекстами.

«Надлежит» имеет непосредственную связь с субъектом действия, чаще всего человеком; синтаксически субъект действия в этих случаях выражен именем в дат. п. «надлежит кому-л.»:

Вышереченному патрулю во время опасное вилю го́рода не надлежитъ далеко тъздитъ (Книга УВ, 232).

«Подлежит» – несмотря на вхождение в состав глагольно-именного сочетания «подлежит + дат. п. имени» – имеет с субъектом действия весьма слабую связь; в этих случаях синтаксическое подлежащее является объектом действия со стороны лица (субъекта действия), которое не называется, но которому адресована данная императивная сентенция:

Такомужъ штрафу подлежитъ Фискалъ, ежели въдая чье преступлениe а не донесетъ, въ чемъ оправдатися никакими причинами не можетъ (Книга УВ, 105).

Неслучайно, видимо, у слова «подлежать» в МАС в качестве устаревшего значения фиксируется следующее:

ПОДЛЕЖАТЬ, -жу́, -жышь; *несов.*, *чему*. 1. Устар. Быть в ведении кого-, чего-л., в подчинении у кого-, чего-л. <...>¹⁵.

Иными словами, мотивированное приставкой *под-* значение подчиненности, иерархической зависимости становится важнейшим семантическим поводом возникновения у этого глагола значения ‘постоянно подвергаться чему-л. насилиственному со стороны кого-л.’. Поэтому, видимо, указание на субъект действия в таких случаях вовсе не обязательно.

В случае же со словом «надлежит», по причине его противоположной «иерархической семантики», мотивированной приставкой *над-*, указание на субъект необходимо, поскольку ‘нахождение над, главенство, на-висание’ требует обозначения субъекта императивного действия. В тексте рассматриваемого Устава такая семантическая зависимость просматривается весьма отчетливо:

Чего для не надлежитъ тѣмъ часовыи о лозунгѣ спрашивать (Книга УВ, 230).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Способность модификатора «надлежит» выражать синкетичное значение необходимости / долженствования / обязательности, его «книжное происхождение» и обширная лексическая сочетаемость делают его незаменимым в тексте «Устава воинского», соединившего в себе и риторические (художественные) черты, и черты официального правового документа XVIII века с его стремлением к строгости речевых выражений.

Следует отметить, что модальное микрополе необходимости / обязательности, создающее императивную (приказную) пропозицию уставного текста, создается, конечно, не только с помощью лексических модификаторов, но их роль в создании текста предписывающего характера, ритмически организованного и стандартно оформленного, более чем существенна.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения 20.08.2020).
- ² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. СПб.: Изд-во отд. рус. яз. и словесности Имп. АН, 1893. Т. II. С. 281.
- ³ Табаченко Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка: полиаспектный анализ: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Рост н/Д: Изд-во ЮФУ, 2011. С. 26.
- ⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1990. С. 377.
- ⁵ Словарь русского языка XVIII века: В 22 т. / Гл. ред.: Ю. С. Сорокин. Л.; СПб.: Наука, 1984–2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/s118/slov-abc> (дата обращения 20.08.2020).
- ⁶ Майоров А. П. Региональный узус деловой письменности XVIII века (по памятникам Забайкалья): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. 2006. С. 10.
- ⁷ Книга Устав Воинской: О должности Генераловъ, Фельдмаршаловъ, и всего генералитета и прочихъ чиновъ, которые при войскѣ надлежить быть, и о иныхъ воинскихъ дѣлахъ и тенденціяхъ, что каждому чинить должно. СПб.: Имп. АН, 1755. 260 с. (далее в тексте статьи – Книга УВ).
- ⁸ Бобровский П. О. Военные законы Петра Великого в рукописях и первопечатных изданиях: Историко-юридическое исследование. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1887. С. III.
- ⁹ Там же. С. V.
- ¹⁰ Там же. С. II.
- ¹¹ Словарь русского языка XVIII века: В 22 т. ...
- ¹² Словарь Академии Российской: В 6 т. СПб.: Имп. АН, 1789–1794. Т. III. С. 1165.
- ¹³ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам... Т. II. С. 281.
- ¹⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 2003. Т. II. С. 402.
- ¹⁵ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А вилова Н. С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука, 1976. 288 с
2. Б о г у с л а в с к и й А . Глагольная префиксация в современном русском языке // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1. С. 7–36.
3. Б о р к о в с к и й В . И . Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: Типы простого предложения. М.: Наука, 1968. 300 с.
4. В а у л и н а С . С . Модальное микрополе необходимости в официально-деловых документах русского и польского языков // Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. 2012. Вып. 8. С. 12–17.
5. В и н о г р а д о в В . В . История слов. М.: Изд-во РАН, 1999. 1138 с.
6. Д е м и д о в Д . Г ., К а л и н о в с к а я В . Н ., К о л е с о в В . В ., Ч е р е п а н о в а О . А . Язык и ментальность русского общества XVIII века / Отв. ред. В. В. Колесов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. 318 с.

7. Епифанов П. П. Военно-уставное творчество Петра Великого // Военные уставы Петра Великого / Под ред. Н. Л. Рубинштейна. М.: Изд-во Отдела рукописей Государственной ордена Ленина Библиотеки СССР имени В. И. Ленина, 1946. С. 5–45.
8. Игнатенко О. П., Фатеева Ю. Г. Профессиональные фразеологизмы в практическом курсе русского языка как иностранного (на материале языка медицины) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкоизнание. 2017. Т. 16. № 4. С. 181–188.
9. Кронгауз М. А. Опыт семантического описания приставки *над-* // Московский лингвистический журнал. 2001. Т. 5. № 1. С. 85–94.
10. Круглов В. М. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка. СПб.: Нестор-История, 2015. 442 с.
11. Куса И. Ю. Функциональная специфика модальных конструкций «лексический модификатор + зависимый инфинитив» в текстах первых российских газет // Вестник Балтийского Федерального университета им. И. Канта. Серия: филология, педагогика, психология. 2011. Вып. 8. С. 14–20.
12. Куса И. Ю. Модальная специфика русской рукописной газеты «Вести-Куранты» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. № 4. С. 23–29.
13. Мартынов В. Ф. Развитие военно-дисциплинарного законодательства в период правления Петра I // Власть. 2012. № 12. С. 163–166.
14. Руднев Д. В., Садова Т. С. Кристаллизация деловой речи в Петровскую эпоху // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 5 (182). С. 43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350
15. Табаченко Л. В. Позиционные глаголы с приставкой *в-* в памятниках письменности русского языка XI–XVII вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5 (39). С. 101–104.
16. Табаченко Л. В. Приставочные позиционные глаголы в истории русского языка // Вестник Московского государственного университета. 2010. № 1. С. 7–33.
17. Тимошенко Е. И. О функции приставки в словах с модальной семантикой // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. 2013. № 1. С. 147–151.
18. Трофимова А. В., Косова В. А. Русские префиксальные глаголы с позиционным значением как средство вербализации пространственного мышления // Ученые записки Казанского университета. 2017. Т. 159. Кн. 5. С. 1231–1243.
19. Шелтухина Е. М., Горбань О. А. Войсковые грамоты середины XVIII века в аспекте категории модальности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоизнание. 2015. № 5 (29). С. 7–17.
20. Besters-Dilger J. Модальность в польском и русском языках: Историческое развитие выражения необходимости и возможности как результат вне- и межславянского влияния // Harrassowitz Verlag; Austrian Academy of Sciences Press. Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1997. Vol. 43. P. 17–31.

Поступила в редакцию 26.08.2020; принята к публикации 19.02.2021

Original article

Tatyana S. Sadova, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-6232-3433; tatsad_90@mail.ru

THE WORD “NADLEZHIT” AS PART OF THE IMPERATIVE FORMULA IN THE MILITARY CHARTER OF 1716

Abstract. The article summarizes scientific information about the history, internal motivation and collocation possibilities of the impersonal verb “*nadlezhit*” (*must*) in the Russian language in general and in the official texts of the XVIII century in particular. It is noted that the communication strategy of the charter as a genre involves the active use of stable combinations with imperative semantics, therefore, the author investigates the formula “*nadlezhit* + infinitive” as one of the most frequent ways of expressing the modal meaning of necessity or obligation in official military texts of the XVIII century using the Military Charter of 1716. The bookish character of the word “*nadlezhit*”, recorded in many dictionaries of the Russian language, does not have any stylistic markers in the text of the Charter, which ensures its relatively free compatibility with other infinitive verbs within the studied formula. The article also addresses the adaptation of a lexical calque in the Russian text and traces the process of accumulating the volume of the concept expressed by the calque under the influence of the semantics of the original Russian morphemes (in our case, the root *-lezh-* and the prefix *nad-*), which became the “building material” for its creation in the host language. It is suggested that the impersonal verb “*nadlezhit*” with the meaning ‘must’ could be the result of transforming spatial meaning into the meaning of the qualitative assessment of an action, quite natural for Russian prefixed verbs. The author also allows the possibility of “oncoming” semantic processes – the adaptation of the lexical calque in the Russian official text and the development of qualitative semantics in spatial verbs.

Keywords: official style history, 18th century language, imperative formula, modal verb, lexical calque, text of military regulations

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No 20-012-00338).

For citation: Sadova, T. S. The word “nadlezhit” as part of the imperative formula in the Military Charter of 1716. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.595

REFERENCES

1. Avilova, N. S. Verb type and semantics of the verb word. Moscow, 1976. 288 p. (In Russ.)
2. Boguslavskiy, A. Verb prefixation in modern Russian. *Moscow Journal of Linguistics*. 2001;5(1):7–36. (In Russ.)
3. Borkovskiy, V. I. Comparative historical syntax of East Slavic languages: Types of simple sentences. Moscow, 1968. 300 p. (In Russ.)
4. Vaulina, S. S. Modal microfield of necessity in the official documents of the Russian and Polish languages. *IKBFU's Vestnik. Series: philology, pedagogy, and psychology*. 2012;8:12–17. (In Russ.)
5. Vinogradov, V. V. History of words. Moscow, 1999. 1138 p. (In Russ.)
6. Demidov, D. G., Kalinovskaya, V. N., Kolesov, V. V., Cherepanova, O. A. Language and mentality of Russian society in the XVIII century. St. Petersburg, 2013. 318 p. (In Russ.)
7. Epifanov, P. P. Military regulations of Peter the Great. *Military regulations of Peter the Great*. (N. L. Rubinstein, Ed.) Moscow, 1946. P. 5–45. (In Russ.)
8. Ignatenko, O. P., Fateeva, Yu. G. Professional idioms in a practical course of Russian language for foreigners (based on the language of medicine). *Science Journal of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*. 2017;16(4):181–188. (In Russ.)
9. Krongauz, M. A. Experience of semantic description of the prefix *nad-*. *Moscow Journal of Linguistics*. 2001; 5(1):85–94. (In Russ.)
10. Kruglov, V. M. Normative and stylistic marks in the explanatory academic dictionaries of the Russian language. St. Petersburg, 2015. 442 p. (In Russ.)
11. Kuksa, I. Yu. Functional specificity of modal constructions “lexical modifier + dependent infinitive” in the texts of the first Russian newspapers. *IKBFU's Vestnik. Series: philology, pedagogy, and psychology*. 2011;8:14–20. (In Russ.)
12. Kuksa, I. Yu. Modal specificity of the Russian handwritten newspaper “Vesti-Curanti”. *Izvestia of Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism*. 2011;11(4):23–29. (In Russ.)
13. Martynov, V. F. Development of military disciplinary legislation during the reign of Peter the Great. *The Authority*. 2012;12:163–166. (In Russ.)
14. Rudnev, D. V., Sadova, T. S. Crystallization of formal speech in the Petrine era. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2019;5(182):43–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.350 (In Russ.)
15. Tabachenko, L. V. Positional verbs with the prefix *v-* in the written monuments of the Russian language between the XI and the XVII centuries. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2009;5(39):101–104. (In Russ.)
16. Tabachenko, L. V. Prefixed positional verbs in the history of the Russian language. *MSU Vestnik*. 2010;1:7–33. (In Russ.)
17. Timoshenko, E. I. The function of a prefix in words with modal semantics. *Proceedings of Francisk Scorina Gomel State University*. 2013;1:147–151. (In Russ.)
18. Trofimova, A. V., Kosova, V. A. Russian prefixal posture verbs as a means of spatial thinking verbalization. *Proceedings of Kazan University*. 2017;159(5):1231–1243. (In Russ.)
19. Sheltukhina, E. M., Gorbani, O. A. Don cossack army charters of the mid 18th century via the category of modality. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2015;5(29):7–17. (In Russ.)
20. Besters-Dilger, J. Modality in Polish and Russian: Historical development of the expression of necessity and possibility as a result of extra- and inter-Slavic influence. *Harrassowitz Verlag; Austrian Academy of Sciences Press. Wiener Slavistisches Jahrbuch*. 1997;43:17–31. (In Russ.)

Received: 26 August, 2020; accepted: 19 February, 2021

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ПАШКОВА

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой прибалтийско-финской филологии Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-0505-4767; tpashkova05@mail.ru

АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВНА РОДИОНОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник Сектора языкоznания Института языка, литературы и истории Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-5645-9441; santrar@krc.karelia.ru

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ *-NDU/-NDY/-ND(E)* И *-HINE*
В ЛИВВИКОВСКОМ И ЛЮДИКОВСКОМ НАРЕЧИЯХ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА
(на примере наименований болезней)**

Аннотация. Рассматривается один из морфологических аспектов карельского языка – именное суффиксальное словообразование, уделяется внимание ливвиковскому и людиковскому наречиям. Научная новизна определена отсутствием исследований по рассматриваемой проблематике на карельском материале. Актуальность исследования видится в том, что морфология является одним из базовых разделов при изучении любого языка, а в настоящее время ливвиковское наречие карельского языка активно преподается в образовательных учреждениях Республики Карелия. Людиковское наречие, напротив, находится на начальном этапе ревитализационного процесса. В связи с тем что упомянутые наречия состоят в тесном родстве друг с другом, проведенный сравнительный анализ может заложить основу для дальнейшего рассмотрения их грамматического строя, а именно морфологического способа словообразования в карельском языке. Исследование проводилось с использованием сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного методов. В качестве рассматриваемого лексического пласта исследователями выбраны наименования заболеваний, собранные из словарей карельского языка, образцов карельской речи, Открытого корпуса вепсского и карельского языков (dictorus.krc.karelia.ru), а также от носителей ливвиковского наречия. Данный выбор объясняется тем, что на примере именований болезней можно проследить значение и употребление (присоединение) суффиксов *-ndu/-ndy/-nd(e)* и *-hine*, что и удалось осуществить в результате проведенного исследования. В результате рассмотрения на примере наименований заболеваний значений суффиксов *-ndu/-ndy/-nd(e)* и *-hine* в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка мы отметили их идентичность, то есть с их помощью обозначают результат действия или названия процесса действия, а с помощью суффикса *-hine* – названия живых и мифических существ (в конкретном случае – заболеваний мифологического происхождения). При присоединении сложного девербалного аффикса *-ndahine/-ndähine*, состоящего из двух суффиксов *-ndu/-ndy/-nd(e)* + *-hine*, каждый из которых имеет свою семантическую особенность, примечательно то, что его семантика становится единой, то есть одна часть лексем приобретает значение результата действия, другая – мифологического существа или в данном случае некой болезни мифологического происхождения.

Ключевые слова: карельский язык, ливвиковское наречие, людиковское наречие, именное словообразование, словообразовательные суффиксы, морфология, наименования заболеваний

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

Для цитирования: Пашкова Т. В., Родионова А. П. Словообразовательные суффиксы *-ndu/-ndy/-nd(e)* и *-hine* в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка (на примере наименований заболеваний) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 17–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.596

ВВЕДЕНИЕ

Словарный фонд любого языка непрерывно меняется: устаревшие слова уходят из активного обихода, а на их место приходят новые. Этот процесс непрерывен. Пополнение лексического состава происходит разными путями: заимствование из других языков, образование новых лексем на базе уже бытующего в языке словарного материала, появление новых значений слов и др. Исследователи отмечают, что морфологический способ словообразования в карельском языке является достаточно продуктивным [4], [5]. Посредством суффиксации в языке появляются новые имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия. Присоединенный к коренному слову суффикс может изменить его значение (в данном случае речь идет о словообразовании), а может только придать ему определенный оттенок (в данном случае речь идет о формообразовании) [5: 123].

К проблеме именного суффиксального образования в карельском языке обращались некоторые ученые (см., напр.: [4], [5], [14], [15] и др.), однако глубокого исследования этого раздела морфологии не проводилось, в отличие от фонетики карельского языка, а также других разделов морфологии, которые достаточно хорошо изучены (синтаксис карельского языка также слабо изучен) (см., напр.¹: [3], [6], [7], [8], [9], [10], [11]). На материале собственно карельского наречия (северно-карельских диалектов) к данной проблеме обращался П. М. Зайков [4], [17]. В грамматике тверского карельского новописьменного языка И. П. Новак представлены основные правила и нормы некоторых грамматических аспектов, включая морфологический способ образования имен [5]. О девербальных и деноминальных именах в ливвиковском наречии карельского языка упоминается в учебных пособиях и учебниках Л. Ф. Маркиановой [14], [15], а также в некоторых работах финляндских исследователей [12], [16]. Суффиксальное образование в галлезерском диалекте людиковского наречия карельского языка изложено только в работе П. Виртаранта [19].

* * *

В рамках данного исследования мы обратимся к морфологическому способу образованию имен, а именно имен существительных, акцентируя внимание на двух суффиксах: *-ndu* (и его фонетических вариациях) и *-hine* в контексте наименования заболеваний в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка.

В научных и учебных изданиях значение суффиксов *-ndu/-ndy* в ливвиковском и *-nd(e)* в людиковском наречиях определено как результат

действия или название процесса действия [2: 314], [15: 56–57], [19: 51]. По мнению Д. В. Бубриха, эти суффиксы являются сложными по происхождению и не поддаютсяциальному анализу [1: 117]. Однако Л. Хакулиnen отмечает, что по происхождению суффикс *-nta/-ntä*, очевидно, тот же, что и отыменный *-nta/-ntä*, то есть его прежнее значение могло быть деминутивным [13: 199]. Среди наименований заболеваний в рассматриваемых наречиях карельского языка можно выделить следующие лексемы:

1) (ливв.) *ryvindy* ~ *rygindy* ‘кашель’ (Неккула, Рыпушкица); *ryvindeä läziy*, *kai ailastau rygihez* ‘кашляет, все колет из-за кашля’ (Сямозеро); *häi gu otti poroškan, sit heitti ryvindän* ‘он выпил порошок, и сразу кашель прошел’ (Видлица)²; (люд.) *rügind*, *rüginde*³ ‘кашель’, *rügind* *muokičou* ‘кашель мучает’, *rügindän dälgez loga* ‘после кашля выделяется мокрота’⁴ (в ливвиковском и людиковском наречиях кашель обозначают отглагольными существительными: (ливв.) *gyvindy* ~ *gygindy*, (люд.) *rügind* < (ливв.) *rygie* → *rygi-*; (люд.) *rügidä* → *rügi-* ‘кашлять’ + суф. (ливв.) *-ndy*, (люд.) *-nd(e)* с обозначением процесса действия);

2) (ливв.) *gaipruandu* ‘радикулит’ (Ковера, Корбинаволок, Лахта, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица)⁵ (в ливвиковском наречии радикулит обозначают отглагольным существительным: *gaipruandu* < *raipata* → *raippua-* ‘схватить (о боли в пояснице)’ + суф. *-ndu* с обозначением процесса действия), ср. люд. *raippaiduz*⁶;

3) (ливв.) *palandu* ‘ожог’ (Большие Горы)⁷ (в ливвиковском наречии ожог обозначают отглагольным существительным: *palandu* < *palua* → *pala-* ‘обжечься’ + суф. *-ndu* со значением результата действия). В новом электронном финско-русско-людиковском словаре можно встретить наименование ‘ожог’ в качестве сложного слова *palandkoht*⁸, состоящего из отглагольного существительного *paland* ‘ожог’ и *koht* ‘место’;

4) (ливв.) *pakundi* ‘эпилепсия, падучая’ (Большие Горы, Ковера, Корбинаволок, Лахта, Ляпякке, Мегрозеро, Печная Сельга, Царь-порог, Юргилица)⁹ (в ливвиковском наречии эпилепсию обозначают отглагольным существительным: *pakundi* < *pakkuo* → *pakku-* ‘падать, упасть’ + суф. *-ndu* со значением результата действия).

Обратимся к значениям и происхождению суффикса *-hine* в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка. Исторически образования на *-hinen(-hise-)* находятся в связи с внутреннеместными падежами, для которых является характерным чередование согласного *s*

с согласным *h*, то есть с иинессивом на **-s-na/*-s-nä, -ssa/-ssä*, элативом на *s-ta/-s-tä* и иллативом на **-he-n, se-n*. Это объясняет значение образований на *-hinen(-hise-)*: они указывают не просто место, а место внутри чего-либо (ср. (фин.) *maahinen* ‘гном’ – *maassa* ‘в земле’, *vetehinen* ‘водяной’ – *vedessä* ‘в воде’) [1: 92]. Посредством суффикса *-hine* со значением названия мифологических существ образуются следующие наименования болезней:

1) (ливв.) *vigahine* ‘недуг, приставший от земли, воды, леса, колодца и т. д.’ (Сямозеро), *vigahine heitti* (esimerkiksi, *kaivosta*) ‘болезнь утихла (например, от колодца)’ (Тулмозеро)¹⁰ (в ливвиковском наречии деноминальное наименование *vigahine* образовано от словообразовательной основы имени существительного *viga* → *viga* ‘изъян, недуг, причина’ + суф. *-hine*);

2) (ливв.) *muahine* ‘некая болезнь кожи, которая может, по суеверным представлениям, пристать в бане или от земли’¹¹, *muahin’e* (Салми), (Неккула, Рыпушкалица), *muahiine*, *muahin’e* (Олонец); (люд.) *muahine*, *muahin’e* ‘какая-то экзема, воспаление, которая могла пристать от бани, умывальника к рукам, ногам’ *muahine tarttu kylyls libo käzästäs* ‘экзема пристает в бане или от умывальника’¹² (ср. (фин.) *maahinen*, *maahiainen*¹³ [21: 14]). В словаре Т. Вуорела финская лексема *maahinen* трактуется как ‘по поверхьям, кем-то насланные плохие кожные болезни’ [20: 260]. В ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка наименование *muahine* является дериватом от словообразовательной основы имени существительного *тиа* ‘земля’ + суф. *-hine*, посредством которого образуются названия живых и мифических существ: напр. (ливв., люд.) *teččähine* ‘леший’. Также предполагается, что лексема *muahine* может быть образована из двух слов: *тиа* ‘земля’ и *alahine* ‘нижний’ (ср. эст. *maa-alused*, *mailased*, *maaljad* ‘подземные существа; кожные болезни, насланные ими’)¹⁴;

3) (ливв.) *kylyhine* ‘хворь от бани’ (Сямозеро) *kylyhine on viručaz* ‘хворь от бани у больного’ (в ливвиковском наречии деноминальное наименование *kylyhine* образовано от словообразовательной основы имени существительного *kyly* → *kyly-* ‘баня’ + суф. *-hine*)¹⁵.

В ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка зафиксированы лексемы рассматриваемого пласта лексики, в которых прослеживается сложный девербалльный аффикс [13: 213] *-ndahine/-ndähine* (*-ndu/-ndy/-nd(e)* + *-hine*), история которого уходит своими корнями в далёкое прошлое, поскольку он продуктивен во всех

карельских наречиях, а также встречается в других прибалтийско-финских языках (ср. (фин.) *-ntainen/-ntäinen* [13: 213]):

1) (ливв.) *satundahine* ‘ушиб’ (Салми, Сямозеро); (Неккула, Рыпушкалица) *satandahiine jälg on rožaz* ‘на лице остался след от ушиба’¹⁶ (лексемы образованы от словообразовательной основы глагола *sattuakseh* → *satta-* ‘ушибаться’ + суф. *-ndahine*) (ср. (ливв.) *sattavuo* ‘ушибаться’, *satattua* ‘повредить, ушибить’);

2) (ливв.) *hierondahin’e* ‘натертьость’ (Салми), *hierondahine* (Сямозеро)¹⁷ (лексемы образованы от словообразовательной основы глагола *hieruo* → *hiero-* ‘тереть’ + суф. *-ndahine*);

3) (ливв.) *palandahin’e* ‘ожог’ (Неккула, Рыпушкалица, Салми), (Сямозеро) *palandahine sproavih* ‘ожог прошел’¹⁸ (лексемы образованы от словообразовательной основы глагола *palua* → *pala-* ‘обжечься’ + суф. *-ndahine*);

4) (ливв.) *heitändähine* ‘от чего-то приставшая болезнь (мифологическое)’ (Сямозеро) *kibe on vies heitändähine* ‘болячка – это от воды приставшая болезнь’; (Неккула, Рыпушкалица) *viez on heitändähiine* ‘от воды приставшая болезнь’¹⁹ (лексемы образованы от словообразовательной основы глагола *heittiä* → *heitä-* ‘прекращать, переставать’, напр., *kiviständän heittämäine* ‘прекращение боли’ с присоединением сложного суффикса *-ndähine*) (ср. (ливв.) *heittyö* → *heitty-* ‘(о болезни) пристать от чего-то’). Можно предположить, что ранее глагол *heittiä* имел идентичное с глаголом *heittyö* значение ‘(о болезни) пристать от чего-то’, но в дальнейшем утратил его;

5) (ливв.) *jiäksindähine* ‘болезнь, полученная от земли, воды, воздуха’ (Коткозеро)²⁰ (лексема образована от словообразовательной основы глагола *jiäksie* → *jiäksi-* ‘свято обещать, зарекаться’ + суф. *-ndähine*);

6) (ливв.) *tartundahine* ‘болезнь, приставшая от сил или явлений природы; некая заразная болезнь’ (Сямозеро) *veiz on tartundahine, pidäy proškennoa ruydeä* ‘от воды болезнь, нужно прощения просить’²¹ (лексема образована от словообразовательной основы глагола *tartuo* → *tartu-* ‘передаваться от одного к другому (о болезни)’ + суф. *-ndahine*);

7) (люд.) *tulendahine* ‘болезнь, приставшая от сил или явлений природы’ [19: 32] (Галлозеро) *kell ol’i tulendahine, teččannena, prost’it* ‘у кого была приставшая болезнь, от леса болезнь, просиши прощения’ [18: 263] (лексема образована от словообразовательной основы глагола *tulda* → *tule-* ‘приставать (о болезни, недуге)’ + суф. *-ndahine*).

ВЫВОДЫ

Таким образом, рассмотрев значения суффиксов *-ndu/-ndy/-nd(e)* и *-hine* в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка на примере наименований заболеваний, отметим их идентичность, то есть с помощью суффиксов *-ndu/-ndy/-nd(e)* обозначают результат действия или названия процесса действия, а с помощью суффикса *-hine* – названия живых и мифических существ (в данном случае – заболеваний мифологического происхождения). При присоединении сложного девербального аффикса *-ndahine/-ndähine*, состоящего из двух суффиксов *-ndu/-ndy/-nd(e)* + *-hine*, каждый из которых имеет свою семантическую особенность, примечательно то, что его семантика становится единой, то есть одна часть лексем приобретает значение результата действия (например, *palandahin'e* ‘ожог’, *hierondahin'e* ‘натертость’), другая – мифологического существа или в данном случае некой болезни мифологического происхождения (например, *jiäksindähine* ‘болезнь, полученная от земли, воды, воздуха’, *tulendahine* ‘болезнь, приставшая от сил или явлений природы’, *tartundahine* ‘болезнь, приставшая от сил или явлений природы; некая заразная болезнь’).

Можно предположить, что данное явление связано напрямую со значением глаголов, от которых они образованы. Стоит обратить внимание на то, что при сборе языкового материала из опубликованных источников и от информантов нами было идентифицировано большее количество примеров из ливвиковского наречия. Это связано с тем, что в людиковском наречии рассматриваемые наименования заболеваний образованы посредством других суффиксов, а не исследуемых в данной статье (напр., (ливв.) *raippandu* ‘радикулит’ ср. (люд.) *gaippaiduz* ‘радикулит’). Некоторые лексемы в людиковском наречии, в отличие от ливвиковского, образованы путем словосложения, а не с помощью суффиксов (напр., (ливв.) *palandu* ‘ожог’ ср. (люд.) *palandkoht* ‘ожог’). Несмотря на это рассмотренные нами примеры наименований заболеваний на людиковском материале помогают проследить значение и употребление исследуемых суффиксов. Проведенное исследование можно продолжить, изучив употребление суффиксов *-ndu/-ndy/-nd(e)* и *-hine*, а также сложного аффикса *-ndahine/-ndähine* на примере других пластов лексики и получив таким образом представление о частотности их употребления и значениях.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Богданова Е. В. Возвратное спряжение в диалектах карельского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003. 219 с.; Гилоева Н. М. Вопросительные, неопределенные и обобщительно-определительные местоимения в диалектах карельского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2003. 148 с.
- ² Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricæ V, 1997. S. 216.
- ³ Открытый корпус вепсского и карельского языков [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dictorus.krc.karelia.ru/ru/dict/lemma/30030?search_meaning=кашель (дата обращения 08.02.2021).
- ⁴ Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. S. 370.
- ⁵ Полевой материал авторов.
- ⁶ Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. S. 350.
- ⁷ Полевой материал авторов.
- ⁸ Новый электронный финско-русско-людиковский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sanat.csc.fi/wiki/Lud:palandkoht> (дата обращения 08.02.2021).
- ⁹ Полевой материал авторов.
- ¹⁰ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricæ VI, 2005. S. 622.
- ¹¹ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 209.
- ¹² Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. S. 243.
- ¹³ Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, II, 1994. S. 324.
- ¹⁴ Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia, II, 1995. S. 134.
- ¹⁵ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricæ, II, 1974. S. 520.
- ¹⁶ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricæ V, 1997. S. 296; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki: SKST, 1950. S. 302.
- ¹⁷ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricæ, I, 1968. S. 252; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki: SKST, 1950. S. 42.
- ¹⁸ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricæ, IV, 1993. S. 132; Pohjanvalo P. Salmin murteen sanakirja. Helsinki: SKST, 1950. S. 228.
- ¹⁹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricæ, I, 1968. S. 209.
- ²⁰ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект)... С. 102.
- ²¹ Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fennno-Ugricæ VI, 2005. С. 56.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бубрих Д. В. Историческая морфология финского языка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1995. 186 с.
- Бубрих Д. В. Прибалтийско-финское языкознание: Избранные труды / Под ред. Г. М. Керта, Л. И. Сувженко. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 382 с.
- Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 293 с.
- Зайков П. М. Грамматика карельского языка: фонетика и морфология. Петрозаводск: Периодика, 1999. 120 с.
- Новак И. П. Грамматика тверского карельского языка. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2020. 177 с.
- Новак И., Пенттонен М., Руусканен А., Сиилин Л. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. 479 с.
- Патроева Н. В., Пашкова Т. В. К вопросу о коннекторах сложного предложения (на примере ливвиковского наречия карельского языка) // Вестник угроведения. Ханты-Мансийск, 2020. Т. 10, № 3. С. 517–526. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-517-525
- Пашкова Т. В., Родионова А. П. К проблеме классификации типов основ и спряжения глаголов в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка // Вестник угроведения. Ханты-Мансийск, 2020. Т. 10. № 4. С. 692–700. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-692-699
- Пашкова Т. В., Родионова А. П. О временной парадигме кондиционала в ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 1. С. 42–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.431
- Родионова А. П. Семантика карельской грамматики. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2015. 169 с.
- Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск: Карелия, 1990. 157 с.
- Ahtia E. V. Karjalan kielioppi II. Johto-oppi. Kopijuvä: KSS, 2014. 113 s.
- Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki: Kustannusosakeyhtiö Otava, 1979. 633 s.
- Markianova L. Karjalan kielioppi. Petroskoi: Periodika, 2002. 296 s.
- Markianova L. Livvin murdehen morfolougii. Nominat da abusanat. Petroskoi: PetrGU, 1993. 100 s.
- Pööli R. Livvinkarjalan kielioppi. Helsinki: KKS, 2014. 199 s.
- Zaikov P. Vienankarjalan kielioppi. Helsinki: KSS, 2013. 284 s.
- Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki: SUST, 1963. 419 s.
- Virtaranta P. Haljärven lyydiläismurteen muoto-oppia. Helsinki: SUS, 1986. 179 s.
- Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1975. 776 s.
- Ylinen H. Miten kansa paransi. Joensuu: Pohjois-Karjalan museo, 1990. 186 s.

Поступила в редакцию 11.01.2021; принята к публикации 26.02.2021

Original article

Tatyana V. Pashkova, Dr. Sc. (History), Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-0505-4767; tvashkova05@mail.ru

Aleksandra P. Rodionova, Cand. Sc. (Philology), Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5645-9441; santrar@krc.karelia.ru

**DERIVATIONAL SUFFIXES *-NDU/-NDY/-ND(E)* AND *-HINE*
IN THE LIVVI AND LUDIC DIALECTS OF THE KARELIAN LANGUAGE
(in the names of illnesses and diseases)**

Abstract. The article examines one of the morphological aspects of the Karelian language, nominal suffixal word formation, with special focus on the Livvi and Ludic dialects. The research novelty is determined by the lack of studies of this matter using the Karelian materials. The relevance of the study is seen in the fact that morphology is one of the basic sections in the study of any language, and currently the Livvi dialect of the Karelian language is actively taught in the educational institutions of the Republic of Karelia, while the Ludic dialect is at the initial stage of the revitalization process. Since the aforementioned adverbs are closely related to each other, the conducted comparative study can lay the foundation for further research of their grammatical structure, namely the morphological word formation in the Karelian language. The research was carried out using comparative method and comparative historical analysis, for which the authors selected the names of illnesses and diseases from the dictionaries of the Karelian language, samples of the

Karelian oral language, and the Open Corpus of Veps and Karelian languages (VepKar), as well as the corresponding lexical units collected from the speakers of the Livvi dialect. This choice of study material can be explained by the fact that the analysis of the names of illnesses and diseases makes it possible to trace the meaning and usage (attachment) of the suffixes *-ndu/-ndy/-nd(e)* and *-hine*, which the authors managed to achieve as the result of the study. Having examined the suffixes *-ndu/-ndy/-nd(e)* and *-hine* in the names of illnesses and diseases from the Livvi and Ludic dialects of the Karelian language, the authors concluded that they had identical meanings: the suffixes *-ndu/-ndy/-nd(e)* denote the result of an action or an action process, while the suffix *-hine* denotes the names of living and mythical creatures or phenomena (in this particular case, mythological diseases). It is interesting to note that when a complex deverbal affix *-ndahine/-ndähine* comprised of two suffixes (*-ndu/-ndy/-nd(e)* + *-hine*), each with its own semantic specifics, is added, they acquire the same semantic meaning: one part of lexemes starts meaning the result of an action, while another – a mythological creature or, as in this case, a certain mythological disease.

Keywords: Karelian language, Livvi dialect, Ludic dialect, word formation, suffixes, morphology, names of diseases

Acknowledgments. The article was written as part of the state project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Pashkova, T. V., Rodionova, A. P. Derivational suffixes *-ndu/-ndy/-nd(e)* and *-hine* in the Livvi and Ludic dialects of the Karelian language (in the names of illnesses and diseases). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):17–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.596

REFERENCES

1. Bubrikh, D. V. Historical morphology of the Finnish language. Moscow, Leningrad, 1995. 186 p. (In Russ.)
2. Bubrikh, D. V. Baltic-Finnic linguistics: Selected works. St. Petersburg, 2005. 382 p. (In Russ.)
3. Zaykov, P. M. Verbs in the Karelian language. Petrozavodsk, 2000. 293 p. (In Russ.)
4. Zaykov, P. M. Grammar of the Karelian language: phonetics and morphology. Petrozavodsk, 1999. 120 p. (In Russ.)
5. Novak, I. P. Grammar of the Tver Karelian language. Petrozavodsk, 2020. 177 p. (In Russ.)
6. Novak, I., Penttonen, M., Ruuskanen, A., Siilin, L. The Karelian language in grammar books. Comparative research of phonetic and morphological systems. Petrozavodsk, 2019. 479 p. (In Russ.)
7. Patroeva, N. V., Pashkova, T. V. To the question of connectors in a complex sentence (on the example of the Livvi-Karelian language). *Bulletin of Ugric Studies*. Khanty-Mansiysk, 2020;10(3):517–526. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-517-525 (In Russ.)
8. Pashkova, T. V., Rodionova, A. P. On the problem of classification of types of stems and conjugation of verbs in the Livvik and Ludik dialects of the Karelian language. *Bulletin of Ugric Studies*. Khanty-Mansiysk, 2020;10(4):692–700. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-692-699 (In Russ.)
9. Pashkova, T. V., Rodionova, A. P. Temporal conditional paradigm in the Livvian and Ludian dialects of the Karelian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(1):42–48. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.431 (In Russ.)
10. Rodionova, A. P. Semantics of Karelian grammar. Petrozavodsk, 2015. 169 p. (In Russ.)
11. Fedotova, V. P. Essay on the syntax of the Karelian language. Petrozavodsk, 1990. 157 p. (In Russ.)
12. Ahtia, E. V. Karjalan kielioppi II. Johto-opp. Kopijyvä, 2014. 113 s.
13. Hakulinen, L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1979. 633 s.
14. Markianova, L. Karjalan kielioppi. Petroskoi, 2002. 296 s.
15. Markianova, L. Livvin murdehen morfolougii. Nominat da abusanat. Petroskoi, 1993. 100 s.
16. Pyöli, R. Livvinkarjalan kielioppi. Helsinki, 2014. 199 s.
17. Zaikov, P. Vienankarjalan kielioppi. Helsinki, 2013. 284 s.
18. Virtaranta, P. Lyydiläisiä tekstejä. Osa II. Helsinki, 1963. 419 s.
19. Virtaranta, P. Haljärven lyydiläismurteen muoto-oppia. Helsinki, 1986. 179 s.
20. Vuorela, T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki, 1975. 776 s.
21. Ylinen, H. Miten kansa paransi. Joensuu, 1990. 186 s.

Received: 11 January, 2021; accepted: 26 February, 2021

ЛЮБОВЬ ВАЛЕНТИНОВНА ВОРОНИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманистических дисциплин

Рязанский агротехнологический университет имени П. А. Костычева (Рязань, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-4333-6685; lv-voronina@rambler.ru

ОСОЗНАННОСТЬ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФАКТОР ЭКСПЛИКАЦИИ СУЖДЕНИЙ В ТЕКСТОВЫХ ЕДИНИЦАХ С СЕМАНТИКОЙ ЦЕЛИ

Аннотация. Рассматриваются вопросы репрезентации событий в сознании в форме суждений о потенциальной цели, аспекты ее порождения, а также факторы, обусловливающие последующую экспликацию суждений в текстовые единицы с целевой семантикой в политическом дискурсе. Опираясь на подходы к интерпретации цели, принятые в философии и психологии, автор выделяет ее облигаторные признаки – осознанность и субъектность, дает определение, актуальное в плоскости психолингвистического исследования. Прибегая к методам сплошной выборки, контент-анализу, наблюдению и самонаблюдению, на основе логико-семантического подхода к трактовке текстовых единиц квалифицирует осознанность как когнитивный фактор, определяющий особенности реализаций суждений в жанре политического интервью по отношению к объективной действительности, потребностям, ресурсам, соответствуя желаемого результата реальному, а критерием осознанности называет вербализацию. На основе анализа корреляций нескольких суждений выявляются факторы их оформления в целевую оболочку, степень референтности содержания суждений высказываниям с точки зрения полноты информации и объема. В ходе исследования автор приходит к выводам о принципиальном несоответствии суждений их реализаций в дискурсе как на уровне денотата, так и формально, полагая, что экспликация в речи – процесс, связанный не только с объективными факторами, в числе которых особенности конкретного языка, но и с субъективными – мышлением субъекта, его воспитанием, образованием, возрастом, полом, эмоциональным состоянием на момент речи и др. Данная работа имеет научную перспективу в направлениях исследования коннотативного слоя семантики высказываний о цели, их коммуникативной организации, а также в pragmatischem аспекте.

Ключевые слова: осознанность, референция, суждение, экспликация, дискурс, текстовые единицы с семантикой цели

Для цитирования: Воронина Л. В. Осознанность как когнитивный фактор экспликации суждений в текстовых единицах с семантикой цели // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 23–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.597

ВВЕДЕНИЕ

Философское понимание цели как «антиципированного представления» о результате действий¹, ее дефиниции в психологии как «желаемого результата» [16] или «осознанного образа предвосхищаемого, желаемого результата, на достижение коего направлено действие человека»², релевантны известным лингвистическим трактовкам: цель – это «желательное следствие» [2: 190], «нечто, что хочет X» [10: 24] или «то, что некто хочет» [1: 319]. Прагматическая сущность цели отражена в лексикографических описаниях – в контекстах того, «к чему стремятся, чего хотят достичь»³, или как «главная задача какой-либо практической деятельности человека», «основной предпола-

гаемый результат чего-либо», «намерение, желание»⁴ и др.

Выделяя актуальные для своей отрасли научного знания аспекты цели, ученые логики, психологи и лингвисты едины в одном: цель идеальна – это образ, представление о результате действий; она предметна, или конкретна, настолько, насколько предметны мысли [18: 21]; субъектна – так как принадлежит человеку, рождается в его сознании, лежит в плоскости его деятельности, направляет ее и определяется ею. И в то же время ни один из подходов к определению понятия цели – будь то психология, философия и тем более лингвистика – не дает ответа на вопросы, каким образом цель, точнее ситуация цели, репрезентуется в сознании, во-первых,

насколько суждение как «мысль, в которой утверждается наличие или отсутствие каких-либо положений дел» [7], соотносится с высказыванием, во-вторых, и каковы факторы, обусловливающие реализацию суждений в коммуникативные единицы с целевой семантикой, в-третьих.

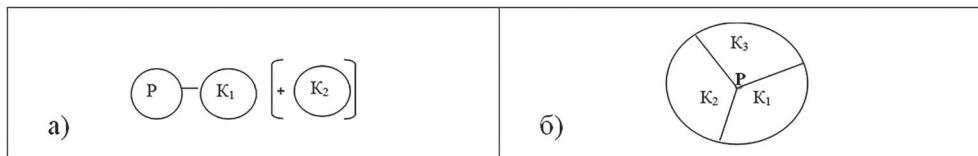
Объектом внимания в данной работе являются текстовые единицы с семантикой цели, функционирующие в жанре политического интервью – наиболее частотной событийной жанровой форме из всех видов политического дискурса [17: 61].

Интерес к данному жанру как источнику языкового материала и полю для наблюдения над процессом порождения высказывания, реализацией социально-речевых интенций респондента, включением средств персуазивности, оценочности в информационную составляющую текста обусловлен спонтанным характером речепроизводства, позволяющим максимально приблизиться к процессу перехода от идеального представления о желаемом результате (суждение) к его словесному оформлению средствами языка (высказывание). Изучение же «естественного языкового материала», интерес к языку «как он есть на самом деле» в формате «on-line» [5: 25] предполагает иссле-

дование в том числе и некоторых «неправильностей» в речи:

«Но наша задача заключается в том, чтобы *видеть* все эти проблемы и вовремя и должным образом на это *реагировать*» (Интервью В. В. Путина CBS и PBS; 29.09.2015); «Этими *целями* было *урегулирование* различных сложных и простых, но все-таки *вопросов* о приграничном сотрудничестве» (Интервью В. В. Путина ИА «Синьхуа»; 17.06.2016)⁵.

Как правило, структурно-семантическая аномальность приведенных выше высказываний в полной мере не осознается при непосредственном восприятии речи, поскольку реципиент следует за мыслью говорящего (денотативный слой семантики), а не за способами ее выражения (прагматика). Специфика репрезентаций целевых событий (Р) в суждения и последующие их экспликации в высказывания отражены на рисунке: в первом случае (а) изначальной установке субъекта соответствовало простое атрибутивное суждение, которое впоследствии, по мере его экспликации, получило структурное осложнение путем добавления конъюнктива – компонента цели; второе высказывание является примером того, как целостное целевое событие осмысливается субъектом как дискретное (б) и эксплицируется соответствующим образом:

Актуализация pragmaticального слоя высказывания о цели
Actualization of the pragmatic layer of statements with purpose semantics

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ОСОЗНАННОСТИ ЦЕЛИ

Ключевым в интерпретации цели, на наш взгляд, должно выступать понятие осознанности, потому как «осознается только то, что связано с деятельностью, выполняемой человеком, с реализацией его мотивов и целей» [18: 19], с тем, что представляется субъекту актуальным, лежит в плоскости его потребностей. Таким образом, основными условиями порождения цели в сознании является наличие субъекта и осознаваемая им потребность в чем-либо (предмете, действии, состоянии), которая мотивирует его к действиям: «сам по себе образ будущего результата еще не образует цели, он становится ею, лишь связываясь с мотивом»⁶. Так, отсутствие защиты и потребность в ней порождает ситуацию ее поиска, которая эксплицируется в целевое высказывание:

«Турецкое руководство... кинулось в штаб-квартиру НАТО *искать защиты*, выглядит это очень странновато и, на мой взгляд, для Турции унизительно» (Интервью В. В. Путина Bild; 05.01.2016).

Более отчетливо мотив выступает в ситуации непринятия цели:

«Но могут быть какие-то и другие промежуточные решения с целью сохранения в зоне евро имеющегося количества членов сегодня. Это не наша задача, но мы всегда очень внимательно следим и желаем успехов нашим европейским партнерам» (Интервью В. В. Путина Bloomberg; 01.09.2016).

Крайне показателен в ситуации, когда на вопрос о цели следует ответ в формате причины:

«Или заставляют... вывозить кругляк из Карпат... Зачем это делать, когда мы, объединяя усилия, многократно повышаем свои конкурентные преимущества. Зачем же этого было лишаться? Зачем это все

нужно было выбрасывать, ради чего? Потому что те, кто возглавлял Украину или добрался до власти в Украине, они преследовали личные интересы» (Интервью В. В. Путина ТАСС; 21.02.2020).

В аспекте психолингвистического исследования свое осознание цель получает в отношении к реальной действительности (референту), потребностям (мотивационный аспект), способу достижения, установлению соответствия желаемого результата реальному, то есть на каждом этапе целеполагания, а объективным критерием осознанности выступает вербализация цели⁷: словесное оформление представления о желаемом результате – материальная оболочка, обеспечивающая узнавание контролируемой субъектом каузативной ситуации, – безусловный маркер ее квалификации как целевой.

Обе ситуации – потребность и деятельность – репрезентуются в суждениях недифференцированной обусловленности (общей зависимости), утверждая целостную объективную ситуацию или ее отрицая. Они эксплицируются в форме текстовых единиц с каузативным значением – цели, условия, уступки, следствия, причины (заметим, что семантически близкими цели оказываются последние два: следствие – поскольку, как и цель, представляет собой результат, отличаясь от нее характером (закономерный в случае утверждения / отрицания некоей ситуации; предполагаемый при утверждении / отрицании условий ее реализации), причина – в связи с тем, что включена в семантику цели и может быть интерпретирована как обратная цель).

Например, объективная реальность – плохие дороги в регионе (референт) – репрезентуется в сознании соответствующим атрибутивным суждением, которое не сообщает ни о цели, ни о причине, ни о следствии, ни об уступке, однако может стать источником – мотивирующим фактором – порождения другого суждения – о необходимости их ремонта. Смысловая корреляция рассматриваемых суждений осуществляется в нескольких направлениях и определяется тем, какой аспект ситуации осознается субъектом в большей степени актуальным: 1) *В регионе плохие дороги, поэтому необходим ремонт* – актуальное следствие; 2) *В связи с тем что в регионе плохие дороги, необходим ремонт* – актуальная причина + следствие; 3) *Если в регионе плохие дороги, необходимо их ремонтировать* – актуальное условие + следствие; 4) *Необходимо выделить деньги на ремонт дорог* – актуальная цель; 5) *В связи с тем что в регионе плохие дороги, необходимо выделить деньги на их ремонт* – актуальная причина + цель; 6) *Если в регионе плохие*

дороги, необходимо выделить деньги на их ремонт – актуальное условие + следствие + цель; 7) *Наша цель – ремонт дорог* – актуальная цель (прямая экспликация суждения).

На фоне указанных примеров экспликации суждений в высказывания о цели (примеры № 4, 7) выглядят особенно. На поверхностном семантическом уровне – языковые средства, оформляющие значение цели, назначения действия, на глубинном – несколько взаимодействующих ситуаций, они сжаты, сконцентрированы, свернуты: эксплицируется цель – *ремонт дорог*, в нее включен мотив – *плохие дороги*, который имплицитен (в отличие от № 1, 2, 5, где он реализован и более (№ 2, 5) или менее (№ 1) актуализирован), но однозначно осознан как провоцирующий ситуацию фактор. То же суждение о плохих дорогах может быть интерпретировано и как условие, которое определяет потенциальность реализации второй ситуации в целом (№ 3) и целесообразного действия в частности (№ 6).

Более того, если примеры № 1–3 ограничиваются констатацией зависимости ситуаций в реальном или ирреальном планах, то в № 4, 7 очевиден вектор контроля: субъект не просто наблюдает и соотносит между собой события, он вмешивается в эту зависимость, оценивая событие как желаемое, осознает и избирает средства для реализации с точки зрения их релевантности предвосхищаемому результату (№ 4) или ограничивается декларированием цели (№ 7). И в этом смысле ситуация получает иные характеристики: она становится подконтрольной субъекту. Следовательно, экспликация суждения в высказывание о цели становится возможной при соблюдении минимальных условий, в числе которых:

- 1) наличие субъекта, способного к сознательным действиям;
- 2) осознанная им потребность, которая будет эксплицироваться в цель;
- 3) осознание наличия / отсутствия средств, необходимых для ее достижения, а также их оценка и выбор из ряда оптимальных, соответствующих ситуаций.

Реализация указанных условий соответствует определению цели в лингвистическом смысле как желаемого результата целенаправленных действий субъекта [3: 11] и обуславливает облигаторные ее признаки – субъектность и осознанность, которые будут оказывать существенное влияние на экспликацию суждения в «языковой знак, у которого есть номинативное значение (денотация) и значение коннотативное» [11].

В связи с этим лингвистический интерес вызывают следующие вопросы:

- 1) соответствие суждения форме высказывания о цели;
- 2) степень референтности содержания суждения высказыванию с точки зрения полноты, с одной стороны, и объема – с другой.

ФОРМАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЭКСПЛИКАЦИИ

Оперируя понятиями «высказывания о цели», «текстовые единицы с семантикой цели», мы имеем в виду коммуникативные единицы, реализующие соответствующую семантику. При этом денотативный уровень (референция) предполагает формулирование содержания цели, в то время как логистическое понимание суждения как «мыслительного акта, выражающего отношение какого-либо лица к содержанию (смыслу и истинностному значению) высказываемой им мысли»⁸, в лингвистическом отношении проецируется на формирование у коммуникативной единицы информационного поля особенностного типа – «о говорящем, о его внутреннем состоянии, отношении к собственному высказыванию, к тому, о чем он говорит, к собеседнику и другим аспектам коммуникативной ситуации» [9: 258] – pragматического слоя семантики. Таким образом, суждения о цели оказываются референтными некоей ситуации и будут эксплицироваться в речи соответствующими данному языку средствами и формами согласно установкам субъекта.

В этом смысле отношения языка и сознания взаимообусловлены: с одной стороны, язык структурирует мысли «в соответствии с собственными семантическими ресурсами» [15: 70], с другой стороны, функция сознания – контролировать использование языка [6: 129].

Суждения о цели получают свою реализацию в языке в рамках отдельных высказываний, эквивалентных простым или сложным предложениям, в виде отдельных компонентов, дополняющих (облигаторно / факультативно) семантически и (или) осложняющих структуру предложений (словосочетания, инфинитивные обороты), а также в рамках текста.

Формируемый в сознании образ предполагает развертывание потенциально целевой ситуации, которая в языке реализуется через описание [13: 78]:

- 1) желаемого события:

«*Будем обсуждать намерение других стран присоединиться к нашей работе*» (Интервью В. В. Путина ИА «Синьхуа»; 17.06.2016);

- 2) процесса:

«*Но новое руководство, надеюсь... не будет прикрываться русофобскими измышлениями и идеями,*

для того чтобы уклоняться от решения внутренних украинских проблем...» (Интервью В. В. Путина ТРК «Мир»; 13.06.2019);

- 3) состояния:

«*Так вот, чтобы успокоить, я Вам могу сказать, что Россия проводила и собирается проводить абсолютно миролюбивую внешнюю политику, направленную на сотрудничество*» (Интервью В. В. Путина Bloomberg; 01.09.2016).

Специфика референций в высказываниях о цели не ограничивается целостным событийным планом – свою актуализацию («фокус сознания», по У. Чейфу [14]), а следовательно, и осознание в рамках общей ситуации может получать тот или иной аспект события, процесса или действия:

«*У нас с США есть намерение возобновить более предметную работу по стратегической стабильности в целом*» (Интервью С. В. Лаврова; 14.04.2010); «...*Но делал Центральный банк это для того, чтобы миллионы не пострадали. Чтобы слабые финансовые учреждения не набрали денег у населения....*» (Интервью В. В. Путина ТАСС; 13.03.2020).

Их значимость подчеркивается коммуникативно – включением в предикативное ядро высказывания.

Уточним, что суждений о цели не существует: человек осознает потребность, которая может быть реализована в высказывания с частной каузативной семантикой (целевой в том числе). В этом смысле словосочетание *суждение о цели* не совсем точно соответствует ситуации: логичнее – *суждение о потенциальной цели*. Потенциальной – с точки зрения возможной ее экспликации известным репертуаром средств. Кроме того, структурно суждения о потенциальной цели не когерентны их конкретным реализациям в речи: «если бы мысли были идентичны языку, их вербализация была бы куда более простой и прямолинейной задачей, чем это есть на самом деле» [15: 64].

Суждения дифференцируют на простые и сложные [8]. В простых – экзистенциональных и атрибутивных – препрезентуется одно событие, структурно они эквивалентны простым предложениям:

«*Нужно решать все-таки очень важную задачу – повышение реальных доходов граждан*» (Интервью В. В. Путина ТАСС; 18.03.2020); «*Мы не собираемся в нее [гонку вооружений] втягиваться*» (Интервью В. В. Путина газете «Коррьеरе делла Сера»; 04.07.2019).

Конструктивно сложные суждения о потенциальных целях эксплицируются в речи иначе.

1. $S \rightarrow I \rightarrow P$ ($P_1 = P_2$): целевое событие (S) референтно простому суждению (I), которое

реализуется в высказывание с несколькими семантическими компонентами цели ($P_1, P_2 \dots$):

а) $P_1 \sim P_2$:

«У нас есть совершенно точно **точки для сближения наших позиций, для совместной работы по ключевым направлениям**» (Интервью Владимира Путина французской газете Le Figaro; 31.05.2017);

б) $P_1 \leftrightarrow P_2$:

«Только в этом случае можно будет создать... условия для того, чтобы они не бежали в Европу, а жили в своих собственных домах на своей собственной родине» (Интервью В. В. Путина немецкому изданию Bild; 05.01.2016).

Вне зависимости от того, сколько компонентов сообщают о цели и в каких отношениях они находятся между собой (синонимия, противопоставление), в речи эксплицируется одно суждение, которое соответствует одному «положению дел», – использование синонимов и антитезы – эффективное средство риторической выразительности.

2. $(S_1 + S_2) \rightarrow I \rightarrow (P_1 + P_2 + \dots)$: целевые события (S_1, S_2) референтны сложному конъюнктивному суждению (I), которое эксплицируется в речи в высказывание с несколькими компонентами цели ($P_1, P_2 \dots$) – конъюнктивами. Их расположение не случайно: нанизывание P_1, P_2 осуществляется в соответствии с коммуникативным принципом приоритета: первая – самая значимая цель, остальные по убывающей.

С точки зрения семантики все целевые компоненты организуются в отношения:

а) равноправия:

«Пандемия, конечно, обозначила очень серьезные проблемы, прежде всего, в том, что касается непосредственно главной задачи – спасения жизни людей, обеспечения их безопасности, медико-биологической безопасности, а также поддержания среды обитания человека, которая была бы комфортна и не содержала бы угроз для жизни и здоровья» (Интервью С. В. Лаврова; 14.04.2020);

б) обусловленности:

«И наша задача... заключается в том, чтобы стабилизировать законную власть и создать условия для поиска политического компромисса» (Интервью В. В. Путина В. Соловьёву; 10.10.2015);

более отчетливо с несколькими целями:

«Что касается таких трагических вещей, как гибель людей, в том числе журналистов, – к сожалению, это происходит во всех странах мира. Но если это происходит у нас, мы делаем все для того, чтобы виновники были найдены, изобличены и наказаны» (Интервью В. В. Путина телеканалам CBS и PBS; 29.09.2015).

3. $S_1 + S_2 \rightarrow I \rightarrow (P_1 / P_2)$: целевые события (S_1, S_2) референтны сложному дизъюнктивному

суждению (I), которое эксплицируется в речи в высказывание с несколькими компонентами цели ($P_1, P_2 \dots$):

«Я здесь совершенно не собираюсь, знаете, **пронизировать... или показывать пальцем на кого-то**» (Интервью В. В. Путина для телеканалов CBS и PBS; 29.09.2015).

4. $S / S_1 \rightarrow I \rightarrow P / P_1$: целевые события (S, S_1) соотносятся между собой по принципу общее / частное, референтны сложному суждению (I), которое эксплицируется в речи в высказывание с двумя компонентами цели (P, P_1), находящимися в отношениях уточнения, выделения:

«Но на Дальнем Востоке расположена российская база атомных подводных лодок, мы там развиваем свой оборонный потенциал в соответствии с нашими планами, в том числе для того, чтобы обеспечить безопасность Северного морского пути, который мы собираемся развивать» (Интервью В. В. Путина газете The Financial Times; 27.06.2019).

Чем сложнее в структурном отношении суждения, тем разнообразнее их экспликации в речи:

– $R_1 \leftrightarrow (R_2 \sim R_3)$:

«Да, я не скрываю, конечно, это факт, мы никогда его не скрывали, наши Вооруженные Силы, прямо скажем, блокировали вооруженные силы Украины, расквартированные в Крыму, но не для того, чтобы кого-то заставить идти голосовать, это невозможно сделать, а для того, чтобы не допустить кровопролития, чтобы дать возможность людям выразить свое собственное отношение к тому, как они хотят определить свое будущее и будущее своих детей» (Интервью В. В. Путина телеканалу ARD, 17.11.2014);

– $R_1 \rightarrow R_2 \rightarrow R_3$:

«За последние два года они [торгово-экономические связи], к сожалению, очень потеряли в объемах товарооборота между Россией и Японией, и нужно сделать все для того, чтобы восстановить прежний уровень – хотя бы восстановить – и увеличить его, двигаться дальше» (Интервью В. В. Путина ТК «Ниппон» и газете «Иомиури»; 13.12.2016);

– $R_1 \left\{ \begin{array}{l} \sim R_2 \\ \sim R_3 \rightarrow R_4 \end{array} \right.$

«Поэтому мы искренне заинтересованы в том, чтобы в соседний регион вернулись мир и спокойствие, чтобы там перестали гибнуть люди, открылись границы, возобновились экономические связи. Делаем для этого все возможное» (Интервью В. В. Путина ИА «АзерТАДЖ»; 05.08.2016).

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЭКСПЛИКАЦИИ

Не все суждения в принципе эксплицируются в дискурсе [13: 40], а потенциально целевые в первую очередь: осознанность цели действительно

выступает ее критерием, но не является обязательным условием ее вербализации. Скорее наоборот: принадлежа субъекту, направляя его деятельность, цель объективно не нуждается в экспликации, если только не включается в ситуацию, которая провоцирует ее словесное выражение: «создание дискурса всегда сопровождается коммуникацией» [4: 57]. Например, в жанре политического интервью. Это первое.

Во-вторых, специфика субъекта цели в политическом дискурсе – а он не типичен в том смысле, что говорящий редко выступает от своего имени [12: 75], сообщая о личных целях, – на-против, являясь представителем страны / ведомства, информирует о тех намерениях, которые отражают интересы государства, – становится тем самым обусловливающим экспликацию / импликацию суждения фактором, который за-действует прагматический слой высказывания и детерминирует таксономию речевых стратегий: **эксплицировать** → содержание (что) → объем (в какой мере) → способы (каким образом) / **не эксплицировать**.

Цель предметна в том смысле, что ее содержание всегда конкретно, в полной мере развернуто в сознании, максимально детализировано. Однако степень ее реализации в высказывании может быть различной: от минимальной – констатации факта наличия цели:

«Мы ставили перед собой, повторю, скромные задачи» (Интервью В. В. Путина медиакорпорации Китая; 6.06.2018)

или ее отрицания:

«Мы его [Газпром] продавать пока не собираемся...» (Интервью В. В. Путина холдингу Bloomberg; 01.09.2016)

до развернутого описания:

«На мой взгляд, это было сделано только с одной целью: объяснить, почему нужно к Асаду применять дополнительные меры воздействия...» (Интервью В. В. Путина Le Figaro; 31.05.2017).

Решение вопроса об объеме экспликации лежит в плоскости прагматических установок субъекта:

«А. Вольф: Господин Пригожин занимается не только ресторанами, у него много фирм, которые заключили договоры с Министерством обороны и получают много госзаказов, миллионы долларов он тратит на фабрику троллей, чтобы они производили эти посты. Зачем это нужно ресторатору?

В. В. Путин: Спросите у него. Российское государство не имеет к этому никакого отношения» (Интервью В. В. Путина австрийской ТРК ORF; 04.06.2018).

Осознание отношения целей к реальной действительности предполагает их квалификацию как возможных и невозможных⁹ – в дискурсе проявляется в экспликации суждения о действиях – «ресурсах» – и определяется степенью их соответствия цели: потенциальные цели являются таковыми, если субъект квалифицирует ресурсы как оптимальные, достаточные для реализации задуманного, и, наоборот, в случае если субъект осознает их недостаточность, цель осознается как невозможная:

«Наши партнеры и в Европе, и в Соединенных Штатах должны оказать соответствующее влияние на киевские власти сегодня. У нас нет на них такого влияния, которое есть в США и в Европе, чтобы киевские власти выполняли все, о чем договорились в Минске» (Интервью В. В. Путина газете Il Corriere della Sera; 16.06.2015).

Утверждая и конкретизируя ресурсы, субъект тем самым подчеркивает их релевантность цели в аспекте ее потенциальной достижимости. При этом классическое построение высказывания о цели соответствует ее семантической структуре: R → P (где R – ресурсы, P – цель):

«Потребовалось время и большая подготовительная работа для того, чтобы саммит стал отправной точкой для выстраивания справедливых партнерских отношений...» (Интервью В. В. Путина ТАСС; 21.10.2019).

Умалчивание лежит в плоскости прагматики: субъект не знает, не хочет говорить и т. д.:

«Россия все будет делать, для того чтобы эта нормализация наступила и наступила как можно быстрее» (Интервью В. В. Путина Al Arabiya, Sky News Arabia и RT Arabic; 19.10.2019).

Обусловленный жанрово, спонтанный характер речи позволяет наблюдать, как меняются установки говорящего (от нежелания конкретизировать ресурсы до их детализации):

«И то мы сейчас предпринимаем определенные шаги, для того чтобы навести порядок в этой сфере, даже в России. Мы работаем в странах, откуда исходят эти мигранты, мы там русском языку начинаем учить и здесь работаем с ними. Где-то ужесточаем законодательство: если приехал в страну, пожалуйста, уважай законы страны, ее обычай, культуру и так далее» (Интервью В. В. Путина газете The Financial Times; 27.06.2019).

Достаточность ресурсов определяет потенциальную достижимость цели – центральное понятие в ситуации целеполагания. Ее референтом выступает сложная в событийном отношении ситуация обусловленности, которая разворачивается вокруг действий субъекта. Цель, таким образом, получает двойную зависимость: во-первых, от мотивов, которые имплицитно включены в ее содержание, а во-вторых, от ресурсов, определяющих ее реализацию.

Рефлексия – важнейшая составная часть мыслительного процесса, в аспекте темы нашего исследования обеспечивает анализ успешности / неуспешности действий, установление соответствия желаемого результата действительному, выступает тем самым маркером его осознанности [18: 27–28]. В политическом дискурсе, в высказываниях о цели, этот компонент (назовем его аналитическим) факультативен, однако в сравнении, например, с языком классической прозы он частотен именно потому, что текстовая единица в спонтанном тексте, несмотря на свою подчеркнутую декларативность, а возможно, и в связи с нею, погружается в довольно сложный структурно-семантический контекст: цель актуализирует иные аспекты деятельности, механизмы сознания (анализ, обобщение, сравнение) и операции (рассуждение).

В жанре политического интервью аналитический компонент реализуется в двух модально-временных планах:

1) реальном – в ситуации, когда действие имело место, результат очевиден и субъект констатирует его соответствие / несоответствие желаемому:

«Люди хотят с нами работать, а им не дают, их сдерживают, чтобы Россию сдержать. Вот сдерживали-сдерживали... вот вчера мы с Вами обсуждали, – получилось что-нибудь? **Нет, не получилось**, сдержать Россию не удалось и не удастся никогда» (Интервью В. В. Путина телеканалу NBC; 02.03.2018);

2) потенциальном – субъект предполагает, прогнозирует соответствие / несоответствие реального результата желаемому:

«У меня создается впечатление, что кто-то хочет использовать в том числе отдельные подразделения либо ИГИЛ в целом, для того чтобы снести Асада, а уже потом думать, как избавиться от ИГИЛ. Это сложная задача, и, мне кажется, **она практически неисполнима**» (Интервью В. В. Путина телеканалам CBS и PBS; 29.09.2015).

Степень развернутости таких суждений различна: от констатации факта успешности / неуспешности действия, как в примерах выше, до более развернутых высказываний – пояснений, обоснований причин неудачи:

«Вы знаете, у нас и с действующей администрацией были намерения также развивать отношения, но как-то они не очень сложились по ключевым направлениям, на мой взгляд, **не по нашей вине**» (Интервью В. В. Путина ТК «Ниппон» и газете «Иомиури»; 13.12.2016)

или выдвижения необходимых условий успешной реализации:

«Только нужно делать все так, как договорились, а для этого нужен общественный контроль, для этого нужны общественные организации. **Вот если всем ми-**

ром будем решать эту задачу, мы ее решим» (Большая пресс-конференция В. В. Путина; 19.01.2020).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экспликация цели в политическом дискурсе – вопрос реализаций потенциально целевых суждений в речи политиков с точки зрения мотивированности и интенций (речевая стратегия) на уровне денотата – предметного содержания высказывания о цели, коннотаций – эмоционально-оценочного слоя семантики коммуникативной единицы, с учетом ее семантической неоднородности и субъективной значимости.

Суждение о цели и высказывание о цели – понятия не эквивалентные, и дело не только в том, что суждение порождается в сознании и материализуется в дискурсе в форме высказываний. Суждений о цели в принципе не может быть: цель осознается как цель, а не как причина, условие и прочие каузативы только в дискурсе, только приобретая свою словесную оболочку, код, реализуя свои признаки – интенциональность, гипотетичность, потенциальность: до момента экспликации в речи в сознании субъекта цель – явление иного порядка. И это не цель в привычном для носителей языка смысле, это возможность цели, реализация которой в известном целевом формате потенциальна.

Осознание цели – это ее принятие, понимание, квалификация по отношению к содержанию (событие, процесс, состояние), мотивации (тематические доминанты, которые могут быть сопоставимы с потребностями и скорректированы относительно известной их классификации, разработанной А. Маслоу), ресурсам (потенциальные и невозможные цели), соответствуя реальному результату – ключевой фактор в экспликации цели в дискурсе.

Его воздействие распространяется на все уровни смысловой организации текстовой единицы: на поверхностном семантическом – описание репертуара лексических и грамматических средств, формирующих высказывание о цели, а также средств, участвующих в стимулировании эмоциональных, оценочных реакций и ассоциаций адресата, – формальный (инструментальный) аспект реализации; на более глубинном – описание типов реализаций семантических нюансов целевого значения в денотативном, коммуникативном, прагматическом компонентах; констатацию коммуникативной неоднородности компонентов целевого высказывания, описание способов его организации с точки зрения актуализации тех или иных аспектов целеполагания в соответствии с целесообразностью, эффективностью и с расчетом на успешную реализацию.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Философский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.harc.ru/> (дата обращения 12.04.2020).
- ² Словарь практического психолога. Мн.: Харвест, 1998. 800 с.
- ³ Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения 05.05.2020).
- ⁴ Толковый словарь русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003. 1578 с.
- ⁵ В качестве языкового материала использованы фрагменты стенограмм интервью с В. В. Путиным, опубликованные на сайте Президента России (режим доступа: <http://kremlin.ru>), а также с С. В. Лавровым, опубликованные на сайте Министерства иностранных дел Российской Федерации (режим доступа: <https://www.mid.ru>).
- ⁶ Тихомиров О. К. Понятие «цель» и «целеобразование» в психологии // Хрестоматия по педагогической психологии. М.: Международная педагогическая академия, 1995. С. 66–82.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Ивлев Ю. В., Новосёлов М. М. Суждение // Гуманитарная энциклопедия: Концепты [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/7000/> (дата обращения 22.04.2020).
- ⁹ Тихомиров О. К. Указ. соч.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1. М.: Школа «Языки русской культуры»: Издат. фирма «Восточные литература» РАН, 1995. 472 с.
2. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.
3. Воронина Л. В. Семантика цели и способы ее выражения средствами русского языка. Рязань: РВВДКУ, 2011. 232 с.
4. Демьянков В. З. Прагматика коммуникации и когниция // Когнитивные исследования языка. М.: Инт-языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. Вып. 29. Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях. С. 55–63.
5. Кибrik А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 90 с.
6. Кибrik А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкоznания. 1994. № 5. С. 126–139.
7. Ивлев Ю. В. Логика. М.: ТК Велби: Проспект, 2008. 304 с.
8. Кириллов В. И., Старченко А. А. Логика. М.: Проспект, 2015. 240 с.
9. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
10. Крейдлин Г. Е. К проблеме языкового анализа концептов «цель» vs «предназначение» // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 23–30.
11. Ревзина О. Г. О понятии коннотации // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. М.: МГУ, 2001. С. 436–446.
12. Тен А. ван Дейк. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
13. Тен А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
14. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1982. Вып. XI. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. С. 275–315.
15. Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 60–89.
16. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Л. Социальная психология. СПб.: Питер, 2016. 848 с.
17. Чащина А. М. Политическое интервью как особый жанр политического дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 37 (328). Филология. Искусствоведение. Вып. 86. С. 60–62.
18. Шадриков В. Д. Мысль, мышление и сознание // Мир психологии. 2014. № 1 (77). С. 17–32.

Поступила в редакцию 17.05.2020; принята к публикации 08.02.2021

Original article

Lyubov V. Voronina, Cand. Sc. (Philology), Ryazan State Agro-technological University named after P. A. Kostychev (Ryazan, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-4333-6685; lv-voronina@rambler.ru

MINDFULNESS AS A COGNITIVE FACTOR FOR EXPLICATION OF JUDGMENTS IN TEXT UNITS WITH PURPOSE SEMANTICS

Abstract. The article deals with the issues of representing situations in one's mind in the form of judgments with potential purpose semantics. The author investigates the aspects that influence the generation of such representation

and the determining factors for the explication of such judgments through their implementation into text units with purpose semantics in political discourse. The author analyzes the psychological, philosophical and linguistic interpretations of the concept of purpose, gives the definition of purpose appropriate for psycholinguistic research, and reveals its obligatory characteristics – mindfulness and subjectivity. Using the methods of continuous sampling, content analysis, observation, and self-observation within the logic-based semantic approach to the interpretation of text units, the author qualifies mindfulness as a cognitive factor that defines various aspects of judgment implementation in political interviews with regard to objective reality, needs, resources, and correlation between desired and actual results, with verbalization being an important criterion of mindfulness. Analyzing correlations between several judgments, the author identifies the factors of their language explication, and the degree of reference between the judgments content and the statements in terms of information completeness and statements' volume. The author comes to certain conclusions about the fundamental discrepancy between judgments and their realizations in discourse at the denotation and formal levels, and suggests that explication in speech is a process associated not only with objective factors (including the peculiarities of a specific language), but also with subjective ones, including the subject's way of thinking, their upbringing, education, age, gender, emotional state at the time of speaking, etc. This research has perspective of being useful for studying the connotative semantic layer of statements with purpose semantics, their communicative organization, and pragmatic aspect.

Keywords: mindfulness, reference, statement, explication, discourse, text units with purpose semantics

For citation: Voronina, L. V. Mindfulness as a cognitive factor for explication of judgments in text units with purpose semantics. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):23–31. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.597

REFERENCES

1. A p r e s y a n , Yu. D. Selected works. Vol. 1. Moscow, 1995. 472 p. (In Russ.)
2. B e l o s h a p k o v a , V. A. Modern Russian language. Syntax. Moscow, 1977. 248 p. (In Russ.)
3. V o r o n i n a , L. V. Semantics of purpose and methods of its explication by means of the Russian language. Ryazan, 2011. 232 p. (In Russ.)
4. D e m 'y a n k o v , V. Z. Pragmatics of communication and cognition. *Cognitive Studies of Language*. Moscow, Tambov, 2017. Issue 29. Cognition and communication in linguistic research. P. 55–63. (In Russ.)
5. K i b r i k , A. A. Discourse analysis from a cognitive perspective: Author's abstract of Diss. Cand. Sc. (Philology). Moscow, 2003. 90 p. (In Russ.)
6. K i b r i k , A. A. Cognitive research of discourse. *Topics in the Study of Language*. 1994;5:126–139. (In Russ.)
7. I v l e v , Yu. V. Logic. Moscow, 2008. 304 p. (In Russ.)
8. K i r i l l o v , V. I., S t a r c h e n k o , A. A. Logic. Moscow, 2015. 240 p. (In Russ.)
9. K o b o z e v a , I. M. Linguistic semantics. Moscow, 2000. 352 p. (In Russ.)
10. K r e y d l i n , G. E. The problems of language analysis of the concepts of “purpose” vs “destination”. *Logical language analysis. Models of action*. Moscow, 1992. P. 23–30. (In Russ.)
11. R e v z i n a , O. G. The concept of connotation. *Language system and its development in time and space*. Moscow, 2001. P. 436–446. (In Russ.)
12. T e u n A. v a n D i j k . Discourse and power: Representation of dominance in language and communication. Moscow, 2013. 344 p. (In Russ.)
13. T e u n A. v a n D i j k . Language. Cognition. Communication. Blagoveshchensk, 2000. 308 p. (In Russ.)
14. C h a f e , W. Givenness, contrastiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view. *Novel Issues in Linguistics Abroad*. Moscow, 1982. Issue XI. Modern syntactic theories in American linguistics. P. 275–315. (In Russ.)
15. C h a f e , W. On the way to thought-based linguistics. *Language and thought: modern cognitive linguistics*. Moscow, 2015. P. 60–89. (In Russ.)
16. C i a l d i n i , R., K e n r i c k , D., N e u b e r g , S. L. Social psychology. St. Petersburg, 2016. 848 p. (In Russ.)
17. C h a s h c h i n a , A. M. Political interview as a specific genre of political discourse. *Chelyabinsk State University Bulletin. Philology and Study of Art*. 2013;37(328):60–62. (In Russ.)
18. S h a d r i k o v , V. D. Thought, thinking and consciousness. *World of Psychology*. 2014;1(77):17–32. (In Russ.)

Received: 17 May, 2020; accepted: 8 February, 2021

НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА ГАЛКИНА

кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков

Военная академия радиационной, химической и биологической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко (Кострома, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-7019-2413; gprav@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ ПРИЧИННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ГИПОТАКСИСЕ (на материале публицистики XX–XXI веков)

Аннотация. Представлен статистический и структурно-семантический анализ сложноподчиненных предложений со значением причины, используемых в современной публицистике. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного описания возможных строительных средств для выражения причины в современном русском языке. Тема также представляет интерес в стилистическом и историческом аспектах, поскольку функционирование языка – процесс, с одной стороны, стабилизирующийся на основе укоренившихся языковых средств, а с другой стороны, постоянно изменяющийся, приобретающий новые черты. Корпус анализируемых конструкций составил 1300 причинных сложноподчиненных предложений, отобранных методом сплошной выборки из произведений различных жанров публицистики (книги, журналы, газеты, интернет-ресурсы). В публицистическом стиле в той или иной мере представлен практически весь спектр союзных средств каузативного гипотаксиса, включая нейтральные, архаические и стилистически маркированные. Показано, что средства связи причинных сложноподчиненных предложений распределены неравномерно и в соответствии с общей тенденцией развития современного русского языка. Наиболее частотными являются союзы *потому что, поскольку, ибо, так как*. Их представительство, структурная и семантическая модификация определяются разнообразием задач и форм публицистических произведений. Остальные союзные скрепы каузальной семантики малопродуктивны, но оказываются необходимы в определенной коммуникативной ситуации, так как указывают на конкретные оттенки причинных значений, нюансы причинно-следственной связи, интенцию или позицию автора и т. п.

Ключевые слова: причина, обоснование, средство связи, стилизация, оттенок значения, сложноподчиненное предложение

Для цитирования: Галкина Н. П. Типология причинных конструкций в гипотаксисе (на материале публицистики XX–XXI вв.) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 32–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.598

ВВЕДЕНИЕ

Необходимость изучения структурно-семантических конструкций сложноподчиненных предложений со значением причины (далее ПСПП), используемых в публицистических текстах XX–XXI веков, обусловлена несколькими причинами. Во-первых, в общелингвистическом плане требуется системное описание возможных строительных средств для выражения причины в современном русском языке. Во-вторых, в стилистическом отношении важно иметь достаточно ясную и полную картину того, что может и чего не может быть в данной разновидности языка, с учетом различных факторов (жанровых, функциональных, семантических, исторических, коммуникативных, интенциональных, индивидуальных и т. д.). Немаловажным также является

изучение синтаксических конструкций в диахронии, так как существование (функционирование) языка – процесс исторический, с одной стороны, стабилизирующийся на основе укоренившихся языковых средств, а с другой стороны, постоянно изменяющийся, приобретающий новые черты.

Публицистический стиль реализуется в многочисленных жанрах: выступление, доклад, очерк, репортаж, интервью, статья, хроника, заметка, фельетон, эссе, рецензия и др. «Публицистика тематически неисчерпаема, огромен ее жанровый диапазон, велики выразительные ресурсы» [20: 203]. Публицистические произведения выполняют не только информационную, но и просветительскую, воздействующую функцию, сопряженную

с оценочной авторской позицией, проявлением «авторского я». Многогранность задач, обширность тематики и жанровое разнообразие публицистики обуславливают неоднородность форм предъявления читателю (книги, журналы, газеты, интернет-ресурсы). В качестве источников мы использовали печатные и онлайн-книги, относящиеся к области политico-идеологической (К. Сёмин, Ю. Мухин, С. Алексиевич), социальной (Ф. Г. Углов, В. Кожинов), культурной (Н. Синдаловский, В. Полухина), исторической (В. Гиляровский, В. Вересаев, И. Ямпольский), мемуарной/автобиографической (И. А. Бунин, В. Познер, А. Ширвиндт), а также периодические газеты и журналы, публикующие аналитические статьи, очерки, репортажи, интервью на общественно значимые темы («Новый мир», «Комсомольская правда», «Новая газета», «Солидарность», «Секретные материалы», «Секретные архивы», «Аргументы и Факты» и др.).

Союзные средства СПП причины в публицистике XX–XXI веков
Cause and effect conjunctions in complex sentences in the journalism
of the XX and the XXI centuries

Потому что	Поскольку	Ибо	Так как	Малочастотные средства (из-за того что, благодаря тому что, оттого что, в связи с тем что, ввиду того что, раз и т. п.)	Ведь	Ведь в начале предложения	Всего
43 %	≥ 14 %	10,5 %	10 %	≥ 8 %	5 %	≥ 9 %	100 %

ПОТОМУ ЧТО

Исследование показало, что большая часть (43 %) ПСПП в нашей выборке оформлена союзом *потому что*. Многие исследователи характеризуют его как наиболее употребительный и стилистически нейтральный причинный союз в общелитературном языке [1: 43], [2], [17: 177]. Как отмечает А. Н. Гвоздев, «союз *потому что* употребляется и в разговорной, и в книжной речи, может быть, он не проникает только в лирику» [13: 356]. В то же время в результате анализа мы приходим к выводу, что высокая продуктивность обеспечивается тем, что *потому что* обладает широким синтаксическим потенциалом [8: 83]. Это и возможность присоединения различных модификаторов, и относительная свобода структурного расположения как элементов самого союза, так и связываемых им частей предложения. Бессспорно, в подавляющем большинстве данный союз присоединяет придаточное, следующее после главного. Это его основная, категориальная, позиция. См., например:

1) Я боялась, что меня не возьмут, потому что в детстве часто болела...¹ 2) Князь Игорь, о котором идет речь в «Слове о волку Игореве», был на три четверти половец и, конечно же, говорил в детстве на половецком языке, потому что мать и бабушка его были половчанками². 3) ...Тебя никуда не зовут, потому

Корпус анализируемых конструкций составил 1300 ПСПП, выписанных из указанных произведений методом сплошной выборки. Учитывая широкий тематический и временной диапазон исследуемого материала, мы старались отбирать его примерно в равных пропорциях: произведения первой половины XX века; публицистика из журнала «Новый мир» 1950–1990-х годов; книги и статьи из газет/журналов XXI века.

Как известно, причинные отношения отличаются широтой и разнообразием оттенков и, соответственно, средств их выражения [2], [16], [18]. В исследуемых конструкциях мы обнаружили в той или иной мере практически весь спектр союзных средств гипотаксиса, присущий данной разновидности сложноподчиненных предложений (далее СПП), включая нейтральные, архаические и стилистически маркированные (см. таблицу).

что на ТВ нужны яркие персонажи...³ 4) Этот факт имеет особенно большое значение потому, что гипертонация в настоящее время получила очень широкое распространение даже среди молодых людей...⁴

Вместе с тем встречаются случаи оформления союзом/коннектором *потому что* придаточного в интерпозиции, препозиции, а также раздельное/дистантное употребление его компонентов в главной и придаточной частях. Такие примеры тем более интересны, поскольку они нетипичны и малочастотны (менее 5 % ПСПП с *потому что* в нашей выборке). Например:

Я создавал «Баруа», не покуривая сигареты, а труясь в поте лица в течение 10 лет, подбирая, фрагмент за фрагментом, разные мысли, сохраняя и перечитывая (потому что я постоянно перечитываю свои архивы) эти статьи...⁵

Придаточное предложение, включенное в главное, выполняет функцию авторского уточнения, замечания, на что в данном случае также указывает обособление его в скобках. Расположение придаточного перед главным предложением, в препозиции, напротив, акцентирует внимание на порождающем характере причины, тем самым усиливая причинно-следственную связь:

Именно потому, что во многих колхозах оплата труда на первых порах может оказаться недостаточно высокой, необходимы также и другие меры...⁶

Поскольку союзу *потому что* не свойственно вводить препозитивные придаточные, это становится возможным за счет подключения частицы-модификатора (в данном примере – *именно*), которая, с одной стороны, семантически усиливает причинное значение, а с другой стороны, структурно расширяет синтаксические возможности *потому что*. Подобные конструкции довольно редки, гораздо чаще встречается дистантное употребление элементов *потому что*. См., например:

1) *Потому мы и новые люди, что боремся с этим и побеждаем*⁷. 2) ...*Именно потому вдруг через сто пятьдесят лет после начала монгольского нашествия вся страна выходит на смертный бой, что нависла угроза ее самостояльному путию*⁸. 3) *Ведь читатели «Стрингера» потому его и читали, что их уже тошило от тупости и подлости телевизионных рож «российской элиты»* (Мухин: 62).

Строго говоря, в таких конструкциях *потому что* утрачивает формальные признаки союза, так как *потому* становится коррелятом (обстоятельством причины) в составе главной части сложного предложения, а *что* – союзом в составе придаточной части. Коррелят *потому* в главной части несет на себе логическое ударение и прямо указывает на следующую за ним причину, создавая более тесную связь между частями предложения, между причиной и следствием. Выполняя основную связующую функцию, свойственную союзам, по форме такое сочетание становится союзной скрепой, относящейся к коннекторам – более широкому классу слов, активно исследуемых в современной лингвистике в контексте изучения дискурса, в рамках функционального и типологического описания языков [4], [15: 20], [22].

Синтаксическая гибкость и обобщенное причинное значение *потому что* обеспечивают также его продуктивность при построении параллельных и парцеллированных конструкций ПСПП, которые хорошо представлены в публицистике как экспрессивные синтаксические средства. Примеры:

1) *Это происходит не потому, что они таким образом соблюдают равновесие, а потому, что у них наблюдаются глубокие дегенеративные изменения в суставах* (Углов: 24). 2) *Я решила, что это раненый, а одежду с него сорвало взрывом. Потому, что я сама голая...* В белье осталась... Темнотища (Алексиевич: 16). 3) *Нет, не стал. Потому что правды за тобой нет*⁹. 4) *Можно размножать, можно сокращать/увеличивать поголовье, но нельзя относиться как к равному. Как к человеку. Потому что это природная данность* (Сёмин: 12).

Детальный анализ различных вариантов употребления коннектора *потому что* изложен нами в статье «Условия функционирования коннек-

тора потому что в публицистических текстах» [8]. Здесь же отметим, что в исследуемых материалах из всего корпуса причинных конструкций, оформленных *потому что*, четверть приходится на парцеллированные структуры, а предложения, в которых данный союз функционирует в неосложненном, немодифицированном, непарцеллированном виде, занимают менее половины (около 40 %).

ПОСКОЛЬКУ

Следующим по частоте употребления в качестве союзного средства ПСПП является союз *поскольку*. В наших материалах он оформляет чуть более 14 % причинных сложноподчиненных конструкций, в отличие от научного стиля, где, по данным нашего предыдущего исследования, союз *поскольку* использовался в 60 % причинных СПП [10: 155].

В исследуемом материале придаточные, оформленные союзом *поскольку*, находятся преимущественно в постпозиции (60 %). См., например:

1) *В целом это очень малоценные сведения, поскольку их в собственных решениях не используешь* (Мухин: 23). 2) *Только ранний приход домой мамы способен был заставить меня забыть о переговорном процессе, поскольку перед сном она читала мне разные книжки*¹⁰.

Менее трети причинных конструкций, оформленных союзом *поскольку*, имеют придаточное в начальной позиции:

1) *Поскольку мы знаем об этом заболевании еще не все, мы не можем дать категорического ответа на этот вопрос...* (Углов: 29). 2) *Поскольку Березовский сам шантажист, Токаревой он вряд ли что-нибудь бы дал* (Мухин: 44).

Встречаются единичные случаи включения придаточной части в главную, то есть употребления придаточного в интерпозиции:

Скоро появился призыв ЦК комсомола и молодежи, поскольку немцы были уже под Москвой, всем стать на защиту Родины (Алексиевич: 25).

Отметим, что даже такой, казалось бы, стандартизованный союз, столь продуктивный и однозначный в научном стиле, имеет свойство более свободного употребления в публицистике и может оформлять парцеллированные придаточные предложения. См., например:

1) *Повторяю: слово значит больше, чем кто-либо может в нем открыть. Поскольку слово – это всегда ино-бытие человеческой жизни* (Кожинов: 3). 2) *Кто не согласен с этим, тот пусть докажет обратное. Себе. Поскольку себе я уже все доказал* (Мухин: 20).

Такие парцеллированные структуры встречаются в 6 % случаев употребления союза *поскольку* в нашей выборке. Приведем также

один выписанный нами пример употребления союзной пары *постольку, поскольку*:

*В рациональное я верю постольку, поскольку оно способно подвести меня к иррациональному*¹¹.

ИБО

Большой интерес, на наш взгляд, представляет функционирование в современном русском языке причинного союза *ибо*. Как писал автор «Исторической грамматики русского языка» В. И. Борковский:

«*Ибо* – единственный сохранившийся в современном русском языке союз причины, употребление которого зафиксировано в древнейших памятниках письменности восточнославянских языков» [5: 301].

Многие лингвисты отмечают, что этот союз является исключительно книжным (А. Н. Гвоздев, С. И. Ожегов, Н. С. Валгина и др.)¹². «Русская грамматика» маркирует его пометой «высокое»¹³. Л. А. Булаховский в книге «Русский литературный язык первой половины XIX века» писал, что в XIX веке союз *ибо* за его архаичность был рекомендован «замене через *так как* и потому что» [6: 395]. Тем не менее он оказался востребованным и занял определенную нишу в современной прозе, научном и публицистическом стилях современного русского языка [3: 260–261]. А. Н. Стеценко подчеркивает, что основное значение данного союза – это значение логического обоснования, что, по мнению исследователя, является причиной его «достаточной употребительности в публицистической и научной литературе советского периода» [21: 249]. В своих исследованиях мы неоднократно давали специальную характеристику условиям функционирования данного союза в научных и публицистических произведениях [9], [11]. По материалам текущего анализа среди всех причинных СПП в публицистических текстах союз *ибо* уверенно следует после общеупотребительных и стилистически нейтральных *потому что, поскольку* и по частоте использования даже немного опережает, казалось бы, более употребительный союз *так как*. В корпусе исследуемых СПП на конструкции с *ибо* приходится 10,5 % выборки. В пропорциональном отношении обнаруживается более высокая частотность употребления этого союза авторами книг (как в XX, так и в XXI веке) и статей в толстых журналах («Новый мир»). Тем не менее конструкции с *ибо* встречаются и в газетном корпусе («Новая газета», «Наша версия», «Завтра», «Совершенно секретно», «Комсомольская правда», «Аргументы недели»). Исходя из нашей статистики, можно сделать вывод, что предпочтительность употребления данного союза определяется скорее жан-

рово-тематическим, чем временным/историческим фактором.

Придаточные с союзом *ибо* обычно находятся в постпозиции, после главной части. Рассмотрим несколько примеров:

- 1) Я не страшусь за будущее человечества, ибо я верю в человеческий разум¹⁴.
- 2) Необходимо сказать еще одну вещь, ибо об этом, по-моему, никто не говорил или говорил, но не был услышан (Полухина: 49).
- 3) А что это за цели нам можно не объяснять, ибо благородные цели не достигаются подкупом (Углов: 16).
- 4) Но она (вода. – Г. Н.), во всяком случае, была сравнительно безопасна... ибо регулярно наполнялась дождевой водой все сезоны, пока работал Северо-Крымский канал¹⁵.

В приведенных примерах содержание придаточных, оформленных союзом *ибо*, представляет собой компонент рассуждения, обоснования в ходе построения субъективного умозаключения. Значение причины в них имеет оттенок при соединительности, субъективности, способствует выражению «авторского я», присущего публицистической речи [20: 204]. Союз *ибо* также участвует в построении парцеллированных структур СПП (в нашей выборке чуть менее одной пятой из всех ПСПП, оформленных союзом *ибо*):

- 1) И никто не скажет им: не кощунствуйте, господа! Ибо видеть в религии подспорье для финансов – это и есть кощунство¹⁶.
- 2) Пример не вполне удачный. Ибо в данном случае авторы письма противоречат себе... (раз картины представлены на государственной выставке – значит их не скрывают)¹⁷.

Такое дробление компонентов рассуждения является отражением квантования мыслей автора в процессе их порождения: утверждение, затем его обоснование, с точки зрения автора высказывания.

ТАК КАК

Как уже говорилось выше, в исследуемых материалах союз *так как* имеет примерно такую же частотность, как и *ибо* (10 %). Союз *так как* характеризуется как нейтральный, общеупотребительный, он выступает как выразитель действительной причины, не требующей какой-либо модификации. Примечательно, что причинное значение *так как* начало развиваться из сравнительного с конца XVIII века и в первой половине XIX века этот союз «весьма редко использовался образцовыми писателями как неблагозвучный» [7: 1026]. Но уже во второй половине XIX века его рекомендуют как замену для *ибо* [6: 395]. Как отмечает Л. Д. Беднарская, союз *так как* в пушкинскую эпоху считался принадлежностью «простого слога», однако уже к концу XIX века он «осознается как союз книжного стиля, преимущественно

научного, делового, публицистического» [3: 260]. Как и в случае с союзом *поскольку*, мы обнаруживаем значительно меньшую частотность данного союза по сравнению с научными произведениями [10]; [11: 144]. В 80 % выборки данный союз прикрепляет придаточное в постпозиции:

1) Бесконтрольное же применение гормонов может оказаться опасным, так как нарушает баланс старческого организма и походит на излишнее применение бича к усталой старой лошади (Улов: 4). 2) Но нет: я вынужден ждать, так как кроме своего участка мне некуда обратиться (Улов: 9). 3) Значит, люди не только хотели знакомиться с иностранными новинками, но и могли это сделать, так как владели европейскими языками (Кожинов: 1).

В случае актуализации причинно-следственных отношений придаточное причины располагается перед главной частью, в препозиции. См., например:

1) ...Так как любила свое дело, то другой жизни себе просто не представляла (Улов: 12). 2) ...И так как сразу столько стран проявили единство с британцами, это возымело реальное воздействие¹⁸.

Союз *так как* может участвовать и в подключении парцеллированных придаточных, которые, как мы уже говорили, широко распространены в публицистике. См., например:

На следующее утро Театр сатиры пригласили к секретарю МГК партии по идеологии. Так как меня одного – в силу стойкой беспартийности – пригласить в МГК было нельзя...¹⁹

Очевидно, что относительно низкая частотность данного союза в публицистических произведениях объясняется тем, что в них преобладают конструкции, в которых причинное придаточное описывает не просто причину, вызывающую следствие, а причинное обоснование с позиции говорящего, логический вывод, ироническое замечание, оценку, авторское предположение, маркировке которых способствуют другие семантические/функциональные союзы.

Как мы отмечали в начале статьи, в исследуемых материалах в той или иной мере был обнаружен практически весь спектр соединительных средств причинных СПП. Помимо описанных широко употребительных союзов недифференцирующего типа²⁰ авторы публицистических произведений используют различные союзы и союзные сочетания, указывающие на конкретные оттенки причинных значений: *из-за того, что; оттого, что; благодаря тому, что; ввиду того, что; в связи с тем, что; на том основании, что; под предлогом того, что; по причине того, что; тем более, что; коль скоро; благо; бо; раз* и др. «Русская грамматика» характеризует их как союзы дифференцирующего типа, которые

передают те или иные оттенки собственно-причинных значений, так как семантика союза вносит в собственно-причинное значение свой дополнительный смысловой элемент²¹. Понятно, что узкие рамки конкретных значений таких скреп объективно накладывают ограничения на частоту использования, предопределяя их малую продуктивность. Относительно всего корпуса ПСПП указанные союзные средства встречаются в единичных случаях, в целом составляя примерно 8 % из всех выписанных конструкций. Отметим, что в произведениях научного стиля мы обнаружили их меньшую продуктивность (5 %) и разнообразие [11: 144], чем в публицистике, где наблюдается практически весь спектр причинных союзных средств. Приведем примеры.

ИЗ-ЗА ТОГО ЧТО

Из-за того, что страна вовремя не вышла из ЕС, компании пришлось заплатить 100 млн фунтов стерлингов за выбросы углекислого газа²². В ходе нашего повествования мы еще расскажем о памятнике императору Александру III на Знаменской площади и Покровской церкви в Коломне, снесенных из-за того, что они якобы мешали трамвайному движению²³.

ОТТОГО ЧТО

Но оттого, что события развиваются все время в этой каса маре, то, что в ней происходит, приобретает, понятно, несколько особый смысл²⁴. Я испытал необычное оживление оттого, что остался один (Полухина: 42). Парцеллированная структура: Трудно сказать. Может быть, оттого, что сначала они были чересчур агрессивны, а потом мое имя стало своеобразным табу, запретной темой (Полухина: 42).

БЛАГОДАРЯ ТОМУ ЧТО

Уже из этого видно, как много теряет человечество благодаря тому, что государственные мужи никак не могут договориться о таком, в сущности, простом и естественном решении, как всеобщее и полное разоружение²⁵.

БЛАГО

Их периодически гонят в дверь, они снова и снова входят в окно других аналогичных программ – благо их в российском эфире тьма-тьмущая²⁶.

В СВЯЗИ С ТЕМ ЧТО

В связи с тем, что я говорил вам перед вашим уходом, обращаюсь к вам еще со следующей просьбой...²⁷

ВВИДУ ТОГО ЧТО

Ввиду того, что этот сложный вопрос затронут и в моем выступлении и в многочисленных откликах, давайте его выяснять (Андроников: 187). Кстати, я выделил отдельной строчкой сведения об афере свиного гриппа, ввиду того что в прошлом году СМИ замордовывало им граждан (Мухин: 23).

НА ТОМ ОСНОВАНИИ ЧТО

...Так, раздобыв одного Коровина, они откажутся от второго, может быть лучшего, на том основании, что второй не нравится им по сюжету (Андроников: 192).

ПОД ПРЕДЛОГОМ ТОГО ЧТО

В соцсетях иногда встречается чуть ли не активная поддержка тех, кто поджигает либо допускает огонь на населенные пункты под предлогом того, что государство должно выплатить им огромные компенсации²⁸.

ПО ПРИЧИНЕ ТОГО ЧТО

И даже в поэзии оно в лучшем случае нашло себе приют только в творчестве романтиков, и не столько по причине того, что оно существует, сколько, на мой взгляд, как дань романтической традиции, байронизму и т. д. (Полухина: 47).

ТЕМ БОЛЕЕ ЧТО

Моя святая обязанность ему помочь, тем более что он не так давно закончил Консерваторию (Углов: 21). Парцеллированная структура: И сейчас Алена ответно вспыхивает. Тем более, что поезд уже подъезжает²⁹.

КОЛЬ СКОРО

На Цое, коль скоро в сотрудничестве с ЦРУ его обвинил сам депутат Фёдоров, стоило бы остановиться подробнее (Сёмин: 3).

РАЗ

…Раз не приведены имена и фамилии должностных лиц, эти доводы должны быть проигнорированы³⁰. (Ибо в данном случае авторы письма противоречат себе): раз картины представлены на государственной выставке – значит их не скрывают (Андроников: 193).

Разные авторы относят союз *раз* либо к причинным [17: 179], либо к условным союзам [14: 240], [19: 488]. В приведенных примерах элемент гипотетичности, характерный для условных предложений, ослаблен, и на первый план выступают причинно-следственные отношения.

Нами отмечено даже употребление архаического *бо*. Автор использует его в целях стилизации при передаче оригинальной речи Агафьи Лыковой, героя очерка, повествующего о жизни семьи старообрядцев, переселившихся в глухую тайгу в середине прошлого века:

(Той же чередой, что и прежде, Агафья рассказывает, как) она живет, одновременно творит огонь (исключительно лучиной), ставит хлеб в печь, кипятит воду, готовится к причащению, бо с нами Иерей Игорь³¹.

Говоря о типологии причинных средств связи ПСПП, нельзя не упомянуть в качестве такового неоднозначно маркируемое слово *ведь*. В «Русской грамматике» *ведь* характеризуется как «обладающий наиболее широкими возможностями среди недифференцирующих союзных средств»

и маркируется пометой «разговорное»³². В «Объяснительном словаре русского языка» под редакцией В. В. Морковкина слово *ведь* трактуется и как союз, указывающий на непосредственную причину, основание, аргументацию, доказательство, и как частица, используемая для подчеркивания основного содержания высказывания и усиления экспрессивности³³. Детальному описанию различных аспектов функционирования этого слова в качестве средства связи внутри СПП и между отдельными предложениями мы посвятили специальное исследование [12]. На данном этапе мы включили конструкции с ним в общую статистику, которая показала примерно 5 % употреблений *ведь* в качестве средства связи ПСПП. См., например:

1) Тогда я не понимал, что люблю его, ведь дети редко думают о таких вещах (Познер: 75). 2) Не думаю, что она удачная, ведь она работает на политическом уровне, но не с людьми… (Азар).

Мы отметили более 9 % предложений с *ведь* в начальной позиции, которые семантически тесно связаны с предшествующим утверждением и по аналогии с вышеупомянутыми примерами употребления других союзов могут квалифицироваться как парцеллированные придаточные причины. См., например:

1) И в самом деле я был идиотом. Ведь в последний раз я видел Мэри будучи подростком – я помнил молодую, обаятельную, красивую женщину, и Мэри, перешагнувшая уже семидесятилетний рубеж, хотела остаться в моей памяти только такой (Познер: 81). 2) Не я, а ваши пастыри СМИ считают вас идиотами, мне лишь обидно за вас и досадно. Ведь вы не дети, вы-то способны задуматься над тем, что вам говорят (Мухин: 98).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в публицистическом стиле различные средства связи причинных СПП представлены неравномерно и в соответствии с общей тенденцией развития современного русского языка. Наиболее частотными являются союзы *потому что*, *поскольку*, *ибо*, *так как*. Их представительство, структурная и семантическая модификация определяются разнообразием задач и форм публицистических произведений. Остальные союзные скрепы каузальной семантики малопродуктивны, но оказываются необходимы в определенной коммуникативной ситуации, так как указывают на конкретные оттенки причинных значений, нюансы причинно-следственной связи, интенцию или позицию автора и т. п.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Алексиевич С. А. У войны не женское лицо. WebKniga, 1985. С. 25. В дальнейшем в круглых скобках будет указана фамилия и через двоеточие страница.

² Кожинов В. Пятый пункт. Межнациональные противоречия в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=159420> (дата обращения 10.06.2019). С. 4. В дальнейшем в круглых скобках будет указана фамилия и через двоеточие страница.

- ³ Мухин Ю. И. Тирания глупости [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.libfox.ru/310970-yuriy-muhin-tiranija-gluposti.html#book> (дата обращения 19.06.2019). С. 61. В дальнейшем в круглых скобках будет указана фамилия и через двоеточие страница.
- ⁴ Углов Ф. Г. Человеку мало века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=93005> (дата обращения 25.04.2019). С. 23. В дальнейшем в круглых скобках будет указана фамилия и через двоеточие страница.
- ⁵ Новый мир. 1960. № 3. С. 276.
- ⁶ Новый мир. 1960. № 3. С. 265.
- ⁷ Новый мир. 1960. № 11. С. 250.
- ⁸ Кожинов В. Пятый пункт. Межнациональные противоречия в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=159420> (дата обращения 10.06.2019). С. 9. В дальнейшем в круглых скобках будет указана фамилия и через двоеточие страница.
- ⁹ Сёмин К. Агитпроп. Идеология победы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=268163> (дата обращения 30.04.2019). С. 11. В дальнейшем в круглых скобках будет указана фамилия и через двоеточие страница.
- ¹⁰ Познер В. В. Прощание с иллюзиями. Изд-во АСТ, 2012. С. 34. В дальнейшем в круглых скобках будет указана фамилия и через двоеточие страница.
- ¹¹ Полухина В. Иосиф Бродский. Большая книга интервью [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rubooks.net/book.php?book=7351> (дата обращения 20.04.2019). С. 45. В дальнейшем в круглых скобках будет указана фамилия и через двоеточие страница.
- ¹² Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. II. Синтаксис. М.: Учпедгиз, 1958. 302 с.; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.; Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка: Учебник [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01> (дата обращения 12.07.2019).
- ¹³ Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. С. 578.
- ¹⁴ Новый мир. 1960. № 3. С. 206.
- ¹⁵ Грач Л. Сорвет ли курортный сезон в Крыму новая эпидемия холеры? // Наша версия. 2019. № 17 (692). 13–19 мая. С. 21.
- ¹⁶ Кураев А. Трудное восхождение // Новый мир. 1993. № 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/6/akuraev.html (дата обращения 15.06.2019).
- ¹⁷ Андроников И. О собирателях редкостей // Новый мир. 1960. № 11. С. 193. В дальнейшем в круглых скобках будет указана фамилия и через двоеточие страница.
- ¹⁸ Азар И. Россия – восставшее государство, которое пытается прыгнуть выше головы // Новая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/25/80642-rossiya-vosstavshee-gosudarstvo-kotoroe-putaetsya-prugnut-vyshe-golovy> (дата обращения 25.05.2019). В дальнейшем в круглых скобках будет указана фамилия.
- ¹⁹ Ширвиндт А. А. Склероз, рассеянный по жизни. Азбука Аттикус, 2014. С. 12.
- ²⁰ Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис... С. 585.
- ²¹ Там же.
- ²² Волохова П. 5 отраслей, разорившихся из-за BREXIT // Солидарность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.solidarnost.org/articles/5-otrasley-razorivshisya-iz-za-brexit.html> (дата обращения 30.05.2019).
- ²³ Синдаловский Н. Легенды петербургских садов и парков [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rubooks.net/book.php?book=3274> (дата обращения 10.05.2019). С. 25.
- ²⁴ Новый мир. 1960. № 11. С. 257.
- ²⁵ Новый мир. 1960. № 3. С. 186.
- ²⁶ Петровская И. Ведущий хам // Новая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/23/80624-veduschiy-ham> (дата обращения 23.05.2019).
- ²⁷ Новый мир. 1960. № 11. С. 221.
- ²⁸ Тарасов А. Вечный пал // Новая газета. 2019. № 57 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/05/28/80685-spustya-15-let-pozhary-proshli-zauralie-privchnym-marshrutom> (дата обращения 29.05.2019).
- ²⁹ Новый мир. 1960. № 3. С. 238.
- ³⁰ Муртазин И. Последние из 90-х // Новая газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2019/04/07/80129-poslednie-iz-90-h> (дата обращения 05.07.2019).
- ³¹ Жукова А. Отец вымолил у тайги: Агафья Лыкова рассказала легенду о своем рождении // Комсомольская правда. 28 января [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.samara.kp.ru/daily/26923/3973931/> (дата обращения 30.03.2019).
- ³² Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис... С. 578, 583.
- ³³ Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Под ред. В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. С. 52.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андронова Н. А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. 176 с.

2. Апресян В. Ю., Пекелис О. Е. Подчинительные союзы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения 30.12.2020).
3. Беднарская Л. Д. Сложное предложение в языке русской лирики XIX–XX столетий. Орел: Изд-во Орлов. гос. ун-та, 2012. 391 с.
4. Беляева И. В. Место коннекторов в системе средств выражения причинно-следственных отношений (на материале русского и немецкого языков) // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: ВГУ, 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lse2010.narod.ru/index/0-133> (дата обращения 23.06.2019).
5. Борковский В. И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М.: Наука, 1979. 460 с.
6. Булаховский Л. А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.
7. Виноградов В. В. История слов / Отв. ред. чл.-корр. РАН Н. Ю. Шведова; Институт русского языка РАН. 2-е изд., стереотип. М.: Наука, 1999. 1138 с.
8. Галкина Н. П. Условия функционирования коннектора *потому что* в публицистических текстах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. № 1 (186). С. 82–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.433
9. Галкина Н. П. Причинный союз *ибо*: устаревший или незаслуженно забытый? // Актуальные вопросы современного языкоznания и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе: теория и практика. Кострома: Военная академия радиационной, химической и биологической защиты, 2020. С. 83–92.
10. Галкина Н. П. Союзы *поскольку* и *так как* как квалифициаторы причинных отношений в текстах естественнонаучного цикла (на материале произведений естественнонаучного цикла) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Научно-методический журнал. 2011. Т. 17. Основной выпуск. № 3. С. 154–158.
11. Галкина Н. П. Функционально-стилистическая адаптация причинных союзов в научном стиле русского языка (на материале произведений естественнонаучного цикла) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Научно-методический журнал. 2013. Т. 19. Основной выпуск. № 3. С. 144–146.
12. Галкина Н. П. Синтаксический и семантический синкретизм слова *ведь* на уровне гипотаксиса // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 82–89. DOI: 10.20323/2499-9679-2020-3-22-81-88
13. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. 3-е изд. М.: Просвещение, 1965. 408 с.
14. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. II. Синтаксис. М.: Учпедгиз, 1958. 302 с.
15. Голубева Н. А., Зуева Е. В. К понятию коннектора в лингвистике // Язык и культура. 2017. № 40. С. 20–32. DOI: 10.17223/19996195/40/2
16. Дружинина С. И. Сложноподчиненные предложения с синкетичным значением причины и следствия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rusnauka.com/2._SND_2007/Philologia/18259.doc.htm (дата обращения 09.06.2019).
17. Япон М. В. Смысловая структура сложного предложения и текст. К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.
18. Пекелис О. Е. Причинные придаточные. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.ru> (дата обращения 13.07.2019).
19. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
20. Солганик Г. Я. Стилистика текста. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. 256 с.
21. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка: Учебное пособие для пед. ин-тов и филол. фак. ун-тов. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Высш. школа, 1977. 352 с.
22. Урысон Е. В. Союзы, коннекторы и теория валентностей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/media/1368/146.pdf> (дата обращения 24.06.2019).

Поступила в редакцию 08.06.2020; принята к публикации 08.02.2021

Original article

Natalia P. Galkina, Cand. Sc. (Philology), Nuclear, Biological and Chemical Defense Military Academy named after Marshal of the Soviet Union S. K. Timoshenko (Kostroma, Russian Federation)

ORCID 0000-0001-7019-2413; gnpav@mail.ru

TYPOLOGY OF CAUSATIVE CONSTRUCTIONS IN HYPOTAXIS (in the journalism of the XX–XXI centuries)

A b s t r a c t. The article presents a statistical and semantic structure analysis of complex sentences with causal meaning used in modern journalism. The relevance of the study is determined by the need for a systematic description of

possible construction tools for expressing causative relations in the modern Russian language. The topic is also of interest in stylistic and historical aspects, since the functioning of a language is a process, which, on the one hand, is stabilized with the help of ingrained language means, and on the other hand, is constantly developing through acquiring new features. The body of the analyzed structures included 1300 causal complex sentences selected by the method of continuous sampling from the works of various journalistic genres (books, magazines, newspapers, and Internet resources). The journalistic style is characterized, to one extent or another, by the use of almost the entire spectrum of conjunctions of causative hypotaxis, including neutral, archaic, and stylistically marked ones. It is shown that the linking devices of causal complex sentences are distributed unevenly and in accordance with the general trend of the modern Russian language development. The most frequent conjunctions are *потому что*, *поскольку*, *ибо*, *так как* (all meaning ‘because’ or ‘since’). Their representation and structural and semantic modification are determined by the variety of tasks and forms of journalistic works. Other linking devices with causal semantics are unproductive, but they are relevant in certain communicative situations, since they indicate specific shades of causal meanings, nuances of a causal relationship, the author’s intention or position, etc.

Keywords: cause, reasoning, linking devices, stylization, shade of meaning, connotation, complex sentence

For citation: Galkina, N. P. Typology of causative constructions in hypotaxis (in the journalism of the XX–XXI centuries). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):32–40. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.598

REFERENCES

1. Andramonova, N. A. Composite sentences expressing adverbial relations in modern Russian. Kazan, 1977. 176 p. (In Russ.)
2. Presyan, V. Yu., Pekelis, O. E. Subordinate conjunctions. Unpublished materials for the draft corpus description of Russian grammar. Moscow, 2012. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 30.12.2020). (In Russ.)
3. Bednarskaya, L. D. Composite sentence in the language of Russian poetry of the XIX and the XX centuries. Oryol, 2012. 391 p. (In Russ.)
4. Belyavtseva, I. V. Connectors in the system of expressing cause-effect relations (evidence from Russian and German). *Language, communication and social environment*. Voronezh, 2008. Available at: <http://lse2010.narod.ru/index/0-133> (accessed 23.06.2019). (In Russ.)
5. Borkovskiy, V. I. Historical grammar of the Russian language. Syntax. Composite sentences. Moscow, 1979. 460 p. (In Russ.)
6. Bulakhovskiy, L. A. Russian literary language of the first half of the XIX century. Moscow, 1954. 468 p. (In Russ.)
7. Vinogradov, V. V. History of words. Moscow, 1999. 1138 p. (In Russ.)
8. Galkina, N. P. Conditions of functioning for the conjunction *потому что* in publicistic texts. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;1(186):82–88. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.433 (In Russ.)
9. Galkina, N. P. Cause conjunction *ибо*: archaic or unfairly ignored? *Topical issues of modern linguistics and trends in teaching foreign languages in a non-linguistic university: theory and practice*. Kostroma, 2020. P. 83–92. (In Russ.)
10. Galkina, N. P. Conjunctions *поскольку* and *так как* as qualifiers of causal relations in natural science texts. *Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*. 2011;17(3):154–158. (In Russ.)
11. Galkina, N. P. Functional-stylistic adaptation of causal conjunctions in the scientific style of the Russian language (on the material of natural science texts). *Bulletin of Kostroma State University named after N. A. Nekrasov*. 2013;19(3):144–146. (In Russ.)
12. Galkina, N. P. Syntactic and semantic syncretism of the word *ведь* at the level of hypotaxis. *Verhnevolzhskiy Philological Bulletin*. 2020;3(22):82–89. (In Russ.)
13. Gvozdev, A. N. Essays on the stylistics of the Russian language. Moscow, 1965. 408 p. (In Russ.)
14. Gvozdev, A. N. Modern Russian literary language. Part II. Syntax. Moscow, 1958. 302 p. (In Russ.)
15. Golubeva, N. A., Zueva, E. V. The notion of “connector” in linguistics. *Language and Culture*. 2017;40:20–32. DOI: 10.17223/19996195/40/2 (In Russ.)
16. Druzhinina, S. I. Complex sentences with syncretic meaning of cause and effect. Available at: http://www.rusnauka.com/2_SND_2007/Philologia/18259.doc.htm (accessed 09.06.2019). (In Russ.)
17. Lyapon, M. V. Semantic structure of composite sentences and text. Typology of intertextual relations. Moscow, 1986. 200 p. (In Russ.)
18. Pekelis, O. E. Causal clauses. Unpublished materials for the draft corpus description of Russian grammar. Moscow, 2015. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 13.07.2019). (In Russ.)
19. Peshkovsky, A. M. Scholarly research of Russian syntax. Moscow, 2001. 554 p. (In Russ.)
20. Solganik, G. Ya. Text stylistics. Moscow, 2001. 256 p. (In Russ.)
21. Stetsenko, A. N. Historical syntax of the Russian language. Moscow, 1977. 352 p. (In Russ.)
22. Uryson, E. V. Conjunctions, connectors, and valency theory. Available at: <http://www.dialog-21.ru/media/1368/146.pdf> (accessed 24.06.2019). (In Russ.)

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА ДАВЫДОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и скандинавистики Института филологии Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

davita5@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ НАИМЕНОВАНИЙ РЕАЛИЙ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (на материале произведений русских писателей)

Аннотация. Рассматриваются проблемы перевода на английский язык наименований реалий, выявленных в произведениях русских писателей XIX–XX веков. Анализу подвергаются четыре выделяемых лингвистами класса реалий: ономастические, этнографические, общественно-политические и географические. Особое внимание уделяется ономастическим и этнографическим как наиболее многочисленным и частотным. Исследуются основные способы перевода национально-маркированной лексики, свойственные каждому классу. Так, наиболее частотным способом передачи ономастических реалий (антропонимов, топонимов, эргонимов) является транскрибирование / транслитерация, а также калькирование и освоение, в то время как в классе этнографических реалий преимущественно используются функциональный аналог и несколько реже описательный прием и транскрибирование. При переводе лексики общественно-политических реалий превалируют приемы транскрибирования и описания, реже – функционального аналога, а географические реалии чаще переводятся на английский язык родо-видовым соответствием или описанием. Кроме того, в статье затрагиваются некоторые проблемы перевода, в частности передача говорящих имен, оценочно-экспрессивной лексики, правомерность контекстуальных замен и варианта описательного перевода (например, названий русских блюд, одежды, игр и пр.), за счет чего теряется национально-исторический колорит, а перевод общественно-политической лексики предлагается сопровождать историко-культурным комментарием. В заключение делается вывод о необходимости принимать во внимание различные факторы для создания оптимального варианта перевода, вызывающего верные эстетические и эмоциональные чувства и сохраняющего колорит страны.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, слова-реалии, ономастические реалии, этнографические реалии, общественно-политические реалии, географические реалии, транскрибирование, функциональный аналог, калькирование

Для цитирования: Давыдова Т. С. Особенности передачи наименований реалий на английский язык (на материале произведений русских писателей) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 41–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.599

ВВЕДЕНИЕ

В современной лингвистике одно из центральных мест занимает вопрос о взаимосвязи языка и культуры. Язык как универсальное средство общения выступает как память народа и его истории. Именно в языке отражается опыт этноса, его эстетические идеалы, связи с другими народами, восприятие и оценка окружающей действительности [11: 185]. Вопросы соотношения языка и культуры рассматривались в работах таких выдающихся ученых в области лингвистики, как: Ю. Д. Апресян, А. Вежбицкая, А. Д. Шмелев, А. А. Зализняк, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова, В. Н. Телия и многих других. К основным задачам языка по праву относят отражение дей-

ствительности той или иной культуры, а также адекватную передачу слов, эквивалентов которых нет в другой культуре, так называемой безэквивалентной лексики [7: 128]. Поднимаются вопросы критерии правильности выбора языковых средств для достижения адекватности перевода, исследуется возможность принципиальной взаимопереводимости, способы и особенности передачи этого пласта лексики на язык принимающей культуры. До сих пор вызывает определенные трудности перевод таких языковых явлений, как: окказионализмы, арго, жаргонизмы и прочая сниженная лексика, фразеологические единицы, диалектизмы, термины, слова-реалии, аббревиатуры, междометия, звукоподражания, каламбуры,

иноязычные вкрапления, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами и т. д.

Необходимость передачи коммуникативного значения побуждает переводчиков прибегать к различного рода переводческим преобразованиям (трансформациям), которые неизбежны в силу языковых и культурных контрастов. Сохранение национального своеобразия подлинника, предполагающее функционально верное восприятие, – задача чрезвычайно сложная. Неслучайно К. Чуковский в своей работе «Высокое искусство. О принципах художественного перевода» писал: «...парадоксальный закон переводческой практики... чем точнее порой передаешь каждое слово переведимого текста, тем дальше от подлинника будет твой перевод» [12: 314].

Значительным пластом безэквивалентной лексики являются реалии, то есть

«слова (или словосочетания), называющие объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, которые являются носителями национального и/или исторического колорита и не встречаются у других народов» [2: 55].

Сохранение национально-исторического колорита обеспечивает передачу культурного фона произведения, духа народа и позволяет увидеть в слове отражение материальных, общественных и духовных процессов, происходящих в обществе.

Проблеме трактовки реалий и их перевода посвящены многочисленные работы известных отечественных и зарубежных ученых в области лингвистики [1], [5], [8], [10], [13], [14], [15], [16], [17], [18]. Особую популярность в последнее время получило рассмотрение заимствованных лексем с диаметрально противоположных позиций – доместикации или форенизации. Эти две основные переводческие стратегии обеспечивают как лингвистический, так и общекультурный ориентир для передачи культурной специфики исходного текста. Сохранение и донесение до читателя в адекватной оригиналу форме (то есть передача транскрибированием, транслитерацией или калькированием), а также их экспликация (комментарии, сноски) свидетельствует об избрании линии форенизации, напротив, опущение или перевод функциональным аналогом в переведящем языке без лингвокультурных пояснений свидетельствует о доместикации [13], [18], [19].

В настоящей статье рассматриваются некоторые особенности передачи русских слов-реалий как важного компонента эксплицитного контекста культуры. За основу взят материал произведений русских классиков XIX–XX веков (А. С. Пушкина, А. П. Чехова, Ф. М. Достоевского,

Н. В. Гоголя, М. А. Булгакова) и их переводы на английский язык, выполненные как отечественными, так и зарубежными переводчиками (Ch. Jonston, W. Arndt, A. Ruman, M. Glenny, R. Hingly, J. Katzer, S. Monas, а также К. Фединым, Айви Литвиновой (Лоу), С. Котелянским, О. Шарце). Всего в исследуемом материале выявлено 574 примера слов-реалий.

Из различных существующих классификаций слов-реалий нам представляется целесообразным воспользоваться классификацией, составленной болгарскими учеными Сергеем Влаховым и Сидером Флориным, одной из наиболее подробных и структурированных, в основе которой лежит принцип предметного деления [2: 59–64]. Согласно этой классификации, выделяются ономастические, этнографические, общественно-политические и географические реалии.

Ономастические реалии занимают особое место и по численности, и по неоднородности состава, передают фоновую информацию о предмете иноязычной культуры и подразделяются на антропонимы, топонимы, эргонимы (названия различных заведений – магазинов, ресторанов, музеев, театров, компаний и пр.), названия произведений литературы и искусства, периодических изданий и словарей, клички животных.

При передаче ономастических реалий основным способом является транскрипция / транслитерация, что представляется вполне правомерным, поскольку механическая передача звукового или буквенного облика иноязычной лексической единицы позволяет сохранить и наиболее точно передать национально-исторический колорит. Это и передача имен (как вымышленных героев, так и реальных личностей – писателей, поэтов, деятелей искусства и культуры) – *Lenskii, Raskolnikov, Svidrigailov, Bezdomny, Korovyev, Margarita, Anfisa, Dunya, Polina, Porfiry, Ferapont, Rodion Romanovitch, Ivan Petrovitch, Boris Trigorin, Trukhina, Terentich, Fagot, Varenukha, Aloisy Mogarych, Tolstoy, Zhukovski, Delvig, Griboedov, Derzhavin, Istomina*, и географических названий – *Tambov, Tugilovo, Krasnogorie, Zhadrino, Priluchino, the Letniy Sad, Tverskaya, Okhotny Ryad, Kirsanovsky* и др. Создавая картины реальной жизни, писатели не скучились на упоминание различных географических пунктов – городов, деревень, районов, улиц, переулков, большинство из которых являются существующими.

Значительный процент освоений в английском языке обусловлен упоминанием в произведениях известных деятелей науки и искусства, например, *Shakespeare, Voltaire, Copernicus, Maupassant* и др. Освоенными являются также имена таких персонажей, как Евгений – *Eugene*, Семен – *Simon*, Яков – *Jacob*, Елена – *Helen*, Федор – *Theodore*. Освоение используется и при передаче известных

и частотных географических названий, поскольку реалии данной категории адаптируются и получают обличие другого языка – *Russia, America, Moscow, Petersburg, the Caucasus* [4].

Частотным способом передачи ономастических реалий, особенно топонимов, является калькирование (передача безэквивалентной лексики исходного языка при помощи замены ее составных частей – морфем или слов – их прямыми лексическими соответствиями в переведном языке): Крысой – *Ratkiller*, Иван Великий – *Ivan the Great*, Летний сад – *the Summer Park*, Боробьевы горы – *Sparrow Hills*, Долина Дев – *the Valley of the Maidens*, Лысая гора – *Bald Mountain*, а также полукалькирование, при котором в переведном тексте транскрибируется или транслитерируется географическое наименование (собственное имя) и калькурируется второй компонент: Обухов переулок – *Obukhov Alley*, Никитские ворота – *Nikitskaia Gate*, Литейная улица – *Liteinaia Street*, Летний сад – *the Letny Park*, Петровский замок – *Petrovskiy Castle*, Мильонная улица – *Million Street*, Малая Бронная улица – *Malaya Bronnaya Street*, Садовое кольцо – *Sadovoye Ring* и др.

Приблизительный перевод с приемом родо-видовой замены зачастую идет вместе с характерным для английской речи компонентом обращения *Mr. / Dr.*, например: Петр Николаевич – *Mr. Sorin*, Евгений Сергеевич – *Dr. Dorn*, Борис Алексеевич – *Mr. Trigorin*, Михаил Львович – *Dr. Astrov*. В данных примерах значение уважения, реализующееся в русском языке за счет обращения по имени и отчеству, сохраняется, но передается элементами англоязычной культуры. Примерами контекстуального перевода являются нарицательные обращения: Жан – *my boy*, Олюшка – *dearie*, Андрюша – *dear*, передающие наиболее значимое экспрессивное значение. Приемы контекстуальной замены и приблизительного перевода топонимов тоже встречаются не часто, например, «в Финляндии» передается в одном случае *near Petersburg*, а город Чита передается описанием и частично генерализацией как *the far side of Siberia*. Следует отметить, что описательный прием перевода хотя и понятен читателю, отличается громоздкостью и утратой колорита, его процентное соотношение для перевода ономастических реалий незначительное и используется, как правило, при переводе эргонимов: Чебуречная – *Crimean Restaurant*.

Существует ряд проблем, связанных с передачей имен собственных в художественном тексте. Прежде всего это проблема передачи говорящих имен, являющихся семантически значимыми и выполняющих характерологическую функцию в тексте. Это, например, у А. С. Пушкина гости Татьяны Лариной – Пустяков, Гвоздин, Скотинины,

Петушкин, Буянов, Флянов, у А. П. Чехова – Очумелов, Хрюкин, Пришибеев. Каждое из этих имен вызывает у нас определенный ряд ассоциаций, однако все без исключения переводчики сохраняют элемент национальной принадлежности и прибегают к способу транскрипции или транслитерации: *Pustyakov, Gvozdin, the Skotinins, Petushkov, Buyanov, Flyanov, Ochumelov, Hruklin, Prishibeev*, упуская тем самым замысел автора, его субъективное отношение, языковую игру. Представляется, что читатель обогатил бы свое восприятие образа, если при переводе использовались бы такие имена, как *Trifle, Bash, Brute, Rooster* и др.

Одной из проблем, с которыми сталкиваются переводчики, является передача ласкательно-уменьшительных, уничижительных или увеличительных значений, выраженных суффиксами субъективной оценки (Кузька, Настенька, Терешка, Дунька, Аннушка, Аркasha, Васенька, Васек). В отличие от русского английский язык вообще не имеет диминутивных форм как регулярной семантической и словообразовательной категории [9: 174]. Опущение диминутивности при переводе ведет к недопустимому искажению коннотации, эмоционального характера коммуникации и, как следствие, искажению авторского замысла. Например, булгаковская Зинуша передается в переводах как *Zina* или *Zina my dear*. В первом случае опускается диминутив, во втором случае добавляется эмотивное и оценочное прилагательное *dear*, подчеркивающее теплое и уважительное отношение профессора Преображенского к своей служанке [6: 435]. А Зинка у Шарикова передается просто как *Zina*, в результате чего опускается такая черта этой номинации, как пренебрежительное отношение к людям. Все же наиболее часто имена с субъективными суффиксами передаются на английский язык с помощью транскрибирования / транслитерирования: *Akulka, Annyshka, Arkasha, Andrushka, Lizanka, Nastenka, Olinka, Petenka, Vasyuk, Vasenka*. Случай замены Ольеньки на Ольгу (*Olga*), Петруши на Петра (*Pieter*), Леночки на Елену (*Helen*), Машеньки на Машу (*Masha*) не являются достаточно удачными, так как стирают коннотацию более близких, теплых отношений, выражения симпатии. В этом случае, на наш взгляд, лучше подошли бы варианты *dear Helen, dear Masha*.

Не всегда оправданными являются в вариантах перевода контекстуальные замены. Например, переводчик вместо имен Алина и Ваня вводит *Nancy* и *Larry*, пренебрегая тем самым передачей национального колорита этих популярных для своего времени имен. Неправомерным представляется и использование имени *Pauline* вместо введенных в текст А. С. Пушкиным Акулки и Селины, за счет чего происходит

подмена образов и искажается смысл реалии. Недопустимым считаем и опущение отчества при передаче имен представителей высшего общества, в результате чего складывается неверное представление о социальном положении (например, *Pelageya, Pelya* вместо Пелагеи Николаевны).

Вторую по численности группу в исследуемых произведениях составляют этнографические реалии. Это преимущественно слова быта: наименования пищи, напитков, одежды, жилья, утвари, мебели, бытовых заведений, транспорта, а также слова, представляющие искусство и культуру, церковные реалии, праздники, игры, меры и деньги. Для передачи реалий этой группы преобладающими приемами являются функциональный аналог, реже – транскрибирование и описание.

В группе «Одежда» содержится национально-маркированная лексика, среди которой большое количество историзмов, таких как лапти, тулуp, каftан, зипун, плахта, кунтуш, жупан и пр. Реалия «лапти» (крестьянская обувь, сплетенная из лыка, охватывающая только стопу) в английском переводе предстает как *slippers*. Данный функциональный аналог не только не сохраняет национальный колорит, но и искажает действительность, поскольку *slippers* – как правило, обувь без задника. В других вариантах перевода реалия «лапти» передается описательно – *bast sandals*, *bast shoes*, что, по-видимому, следует признать более удачным, так как основная сема данного наименования раскрывается («обувь, сплетенная из бересты»), хотя понимание того, что обувь эту носили крестьяне, остается за пределами перевода. Реалии «армяк» (каftан из толстого сукна) и «тулуp» передаются в большинстве случаев на английский язык с помощью функционального аналога с родо-видовой заменой *overcoat* или *coat*. Несмотря на то что слова совпадают по функциональным свойствам, в переводе не учитываются их внешние характеристики (национальная принадлежность и материал), следовательно, перевод нельзя признать эквивалентным. В данном случае следовало бы использовать описательный, комментированный перевод, который зарегистрирован в словаре (*armiak – peasant's coat of heavy cloth*). Украинская мужская верхняя одежда «кобеняк с видлой» (плащ с капюшоном), упоминаемая в повестях Н. В. Гоголя, переводится на английский язык с помощью описательного выражения *wide cloak and hood* с потерей предназначения этого вида одежды, который надевался зимой в плохую погоду поверх кожуха. Стоит отметить, что английское *cloak* подразумевает собой плащ без рукавов, что соответствует характеристике кобеняка в оригинале, адекватность перевода тем самым сохраняется. Не совсем правомерным представляется пере-

вод русского слова «шуба» с помощью английского *coat*, поскольку в данном случае упускается из виду то, что это была верхняя зимняя одежда из меха или на меху, как правило, удлиненная и просторная с тем, чтобы ее можно было надеть поверх каftана или зипуна, в то время как английское *coat* обозначает «пальто», «куртка», «мундир», «пиджак» или «плащ». Акцент на материал вообще не делается.

Реалия «трактир» (недорогая столовая с посадкой вина, закусок для приезжих, для широкой публики; первоначально гостиница с рестораном) в английском переводе представлена аналогом *hotel* (гостиница), лишенным, на наш взгляд, национального колорита. Реалия «хата», чаще всего ассоциирующаяся с русской избой, в воображении многих людей рождает образ жилья, принадлежащего либо крестьянину, либо не особо состоятельному человеку (в словарной статье В. И. Даля предлагается определение «изба, халупа»). Такое представление о хате идет вразрез с его переводом на английский: *cottage – a small house, especially in the country* (Oxford Advanced Learner's Dictionary). Подобранный вариант перевода в англоязычной версии повести Н. В. Гоголя не является эквивалентным оригиналу по своей функциональности и выступает, скорее, примером родо-видовой замены [3: 199]. Нельзя полностью согласиться и с вариантом перевода слова «баня» как *bathhouse* (дословно «дом для помывки»), поскольку в данном случае абсолютно не раскрыта специфика русской бани – наличие печи, пары, веников и прочих атрибутов, то есть англоговорящий читатель не получает представления о национальном бытовом заведении, которым в русской культуре является баня. Транскрибированный вариант с комментарием, сохраняющий национальный колорит, на наш взгляд, дал бы более полное представление о данной реалии.

Интересный для анализа материал представляется и группа названий транспорта, в которой многие слова ушли вместе с породившим их бытом, появились наименования, обозначающие новые явления, а некоторые слова и обороты изменили значение. Не всем читателям понятны без дополнительных комментариев такие реалии, как тройка, кибитка, дрожки, ямщик, извозчик, облучок, козлы и пр. Кибитка переводится на английский язык как *kibitka*, дрожки – *droshky*, бричка – *britska* или *britzka*, то есть используется прием транскрибирования, а для тройки выявлены два варианта передачи – описательно с потерей коннотативного значения *teams of horses* или *three horses* и транскрибированный вариант *troika*. Отметим, что сохранившее национальный колорит слово *troika* встречается в переводах Н. В. Гоголя не случайно, оно передает читателю определенную символичность

и силу образа. Со временем вариант *troika* приобретает метафорическую трактовку в значении «группа, состоящая из трех людей, стран и т. д.». Так, в национальном корпусе английского языка существует 39 примеров значения этого слова, из них лишь одно подразумевает лошадиную упряжь. Остальные относятся преимущественно к области политически-ориентированных текстов и обозначают группу из трех человек или стран.

Реалии, связанные с традиционными кушаньями и кухней народа, пожалуй, как никакие другие отражают национальный и историко-культурный колорит, так как именно с этой группой связано большое количество традиций, обрядов, обычаев. В подавляющем большинстве случаев переводчики пользуются приемом описательного перевода, предлагая читателю более или менее широкий комментарий к использованным эквивалентам. Слово «уха» представлена в переводах как *fish soup*, «блины» – как *pancakes*, «щи» – *cabbage soup* (наряду с транскрибированным вариантом *shchi*), «борщ» – *beet soup* (встречается также и транскрибированный *borsch*), «селянка» – *broth with vinegar*. Последний вариант нельзя признать удачным, так как он существенно изменяет значение. Селянка (как и современное солянка) – это «густой суп из рыбы и мяса с острыми приправами», а использованное в тексте перевода существительное *broth* объясняется словарями как *thin soup made from unclarified meat or fish* (то есть бульон). В данном случае, видимо, правильнее было бы воспользоваться транскрипцией и прокомментировать данную реалию. При передаче такой реалии, как «наливка», переводчики тоже прибегают к описательному способу: *fruit liqueur* или *homemade brandy*, используя при этом замену реалии реалией. Аналогично передается на английский язык реалия «яблочная вода» – *applejack*, что в действительности соответствует «яблочной водке». Нам представляется, что более верным вариантом перевода реалий всей данной лексико-семантической группы наименований блюд и напитков было бы транскрибирование с комментированием, что преимущественно и выдерживается на современном этапе развития переведоведения.

Названия предметов обихода и домашней утвари, церковных ритуалов, обычаев, праздников, мер, денежных единиц также в изобилии представлены в исследуемых литературных источниках. Все они отражают уклад описываемого времени, передают национально-исторический колорит и требуют особого внимания и осторожности при переводе. Неслучайно самым частотным вариантом их перевода является транскрибирование: копейка – *kopek*, рубль или центковый – *ruble*, самовар – *samovar*, баян – *bayan*, молитва – *molitva*, обедня – *obednya*, вер-

ста – *verst*, аршин – *arshin*, сажень – *sazhen* и пр. Интересным примером данной группы является, на наш взгляд, реалия «тетрадь расходов», то есть тетрадь или книга, в которой управляющим или самим помещиком велся учет прихода и расхода денежных сумм в имении. На английский язык передается она либо калькой – *notebook of expenses*, что дает читателю общее представление о реалии, либо описательно как *book of household*, что раскрывает дополнительную семантическую информацию. Перевод реалии «ухват» тоже представляется интересным, так как в английском языке не находится адекватного и полного эквивалента для перевода и передачи значения данного слова. В одном случае предлагается вариант *poker*, что в русском языке значит «кочерга» и затрудняет понимание, в другом случае – переводческий неологизм *oven fork* в большей степени передает семантику слова чуждой культуры, подчеркивая форму приспособления в виде двух рогов на длинной рукояти. Национально-маркированная единица «горелки», представляющая популярную игру, основу которой составляли догонялки, тоже вызывает определенные трудности при переводе. Зарегистрированы два варианта родо-видового соответствия с генерализацией – *play* и *game* и описательный прием – *tag-game*, в большей степени раскрывающий семантику данной реалии. Ни один из предложенных вариантов не передает национальный колорит данной единицы. Карточная игра в «дурочка» тоже не находит адекватного варианта перевода, поскольку предложенным вариантом *Tomfools*, *game of cards*, *Sixty-six* не удается полностью передать семантику вида игры, ее правила, тем самым лишая рассматриваемую реалию национального и культурного компонента.

Третий по количеству зарегистрированных единиц класс общественно-политических реалий вбирает в себя названия административно-территориального устройства, чинов, титулов, званий. Это такие слова, как: «волость» – *volost*, «уезд» – *uyezd* или *district*, «губерния» – *gubernia*, «слободка» – *big village*, «родовое поместье» – *family estate*, «управа» – *Municipal Council*, «городовой» – *policeman*, «капитан-исправник» – *captain of police*, «полицмейстер» – *police superintendent*, «околоточный» – *police-sergeant*, «десятский» – *village councilor*, «титулярный советник» – *titular councilor*, «тайный советник» – *privy councilor*, «сотник» – *sotnik*, «чиновник» – *clerk*, «столональчальник» – *head clerk*, «дьяк» – *deacon*, «сановник» – *high official*, «господин» – *master*, «помещик» – *landowner* или *landlord* и многие другие. При переводе лексики данного класса превалирует использование приемов транскрибирования и описательного перевода, реже – функционального

аналога. Реалии этой группы целесообразно сопровождать историко-культурным комментарием, поскольку многие из них могут быть неизвестны, непонятны читателю и затруднить процесс межкультурной коммуникации.

Класс географических слов-реалий представлен в исследуемых произведениях единицами: «роща», которая переводится на английский язык как *wood*, «дубрава» – *park* (родо-видовое соответствие с использованием трансформации генерализации), выявлен также случай описательного приема последнего наименования – *oak grove*, прием перевода описания использован и при передаче таких реалий, как «нива» – *grainfield* или *cornfield*, «огород» – *kitchen garden*. Приемом транскрибирования передается реалия «степь» – *steppe*, что не всегда может быть понятно читателю и требует дополнительного описания типа *dense marshy forest in Siberia*.

ВЫВОДЫ

В работе рассмотрены только основные тенденции, частотные способы перевода реалий. Существует, конечно, множество окказиональ-

ных, единичных вариантов перевода, обусловленных интенцией переводчика. Анализ примеров подтвердил тот факт, что перевод реалий в художественном тексте – одна из чрезвычайно сложных переводческих проблем, при решении которой следует принимать во внимание множество разнообразных факторов. Перед переводчиком стоит задача создания такого варианта переводного текста, который бы порождал у иноязычного читателя такие реакции и эстетические чувства, которые были бы близки к реакциям и чувствам, вызываемым оригинальным текстом у носителя языка, необходимо донести до него не только содержание, но и национальный колорит, принадлежность к определенной культуре. Именно поэтому следует искать оптимальные способы передачи данных лексических единиц, и переводчики зачастую предпочитают жертвовать эквивалентностью в пользу адекватного переноса смысла. Этот факт позволяет лишний раз убедиться в истинности суждения Н. В. Гоголя о необходимости иногда «отходить от слов подлинника нарочно для того, чтобы быть к нему ближе».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2004. 224 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 415 с.
3. Давыдова Т. С. К вопросу о переводе безэквивалентной лексики на английский язык // Перевод в меняющемся мире: Материалы 2-го Международного научного симпозиума. М.: Азбуковник, 2016. С. 198–201.
4. Давыдова Т. С. Особенности передачи ономастических реалий на английский язык // Межкультурное пространство: лингвистические и дидактические аспекты: Материалы научно-практич. онлайн-конф. с междунар. участием. Петрозаводск: ПетГРУ, 2021. (В печати).
5. Казакова Т. А. Практические вопросы перевода. М.: Союз, 2001. 159 с.
6. Кленкова А. М., Пастухова Е. Н. Русские диминутивы в английских переводах романа М. А. Булгакова «Собачье сердце» // Перевод в меняющемся мире: Материалы 2-го Междунар. науч. симпозиума. М.: Азбуковник, 2016. С. 434–437.
7. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: ACADEMA, 2003. 192 с.
8. Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Теория и практика перевода с английского языка на русский. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1963. 263 с.
9. Менькова Н. В. Русские диминутивы в английском переводе романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 3. С. 174–179.
10. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М.: Филология Три, 2002. 348 с.
11. Сепир Э. Избранные труды по языкоизнанию и культурологии. М.: Прогресс, 1993. 656 с.
12. Чуковский К. Высокое искусство. О принципах художественного перевода. М.: Искусство, 1964. 355 с.
13. Шелестюк Е. В., Гриценко Э. Д. О форенизации и доместикации в переводе и возможностях их лингвистической оценки // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 4. С. 202–207.
14. Baker M. A. Coursebook on translation. London: St. Jerome Publishing, 1992. 320 p.
15. Klaudy K. Languages in translation. Lectures on the theory, teaching and practice of translation. Budapest: Scholastica, 2003. 343 p.
16. Newmark P. Approaches to translation. London: Oxford University Press, 1988. 125 p.
17. Nida E. A. Contexts in translating. Amsterdam and Philadelphia, 2001. 125 p.
18. Venuti L. The translator's invisibility. London; New York, 1995. 368 p.
19. Yang W. Brief study in domestication and foreignization in translation // Journal of Language Teaching and Research. 2010. Vol. 1 (1). P. 77–80.

Поступила в редакцию: 15.01.2021; принята к публикации: 26.02.2021

Original article

Tatyana S. Davidova, Cand. Sc. (Philology), Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
davita5@yandex.ru

**SOME PECULIARITIES OF TRANSLATING RUSSIAN REALIA
INTO THE ENGLISH LANGUAGE
(analyzing the works of Russian writers)**

A b s t r a c t. The article addresses the problem of translating Russian culture-specific realia found in the works of Russian writers of the XIX and the XX centuries into the English language. Four large classes of realia are analyzed: onomastic, ethnographic, socio-political, and geographical ones. Special attention is paid to the first two classes – onomastic and ethnographic realia – as the largest and most frequently used ones. Typical techniques of translating each class of nation-specific vocabulary are investigated. Thus, the most frequent way of translating onomastic realia (anthroponyms, toponyms, ergonyms) is transcription or transliteration, and less often – loan translation and mastering (familiarization), while functional analogue and less frequently used description and transcription are generally utilized for translating ethnographic realities. The first-choice techniques for translating socio-political realia are transcription, description and (less often) functional analogue, while geographical realities are typically translated through description or generalization. The article also touches upon such translation issues as “speaking” names (charactonyms), expressive and evaluative vocabulary, relevancy of certain cases of context substitution and some variants of description of the names of Russian national dishes, garments, games, etc., when the words often lose their national flavor. It is also suggested to provide historical and cultural comments for certain socio-political vocabulary. In conclusion it is emphasized that various factors should be taken into account in order to create a proper variant of translation that would evoke the right emotional and esthetic feelings and preserve the national identity of the text.

Key words: non-equivalent vocabulary, realia, onomastic realia, ethnographic realia, socio-political realia, geographical realia, transcribing, transcription, functional analogue, loan translation

For citation: Davidova, T. S. Some peculiarities of translating Russian realia into the English language (analyzing the works of Russian writers). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):41–47. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.599

REFERENCES

1. Vinogradov, V. S. Introduction into translatology (general and lexical issues). Moscow, 2004. 224 p. (In Russ.)
2. Vlahov, S., Florin, S. The untranslated in translation. Moscow, 1980. 415 p. (In Russ.)
3. Davidova, T. S. Translation of non-equivalent vocabulary into the English language. *Proceedings of the II International Research Symposium “Translation in the Changing World”*. Moscow, 2016. P. 198–201. (In Russ.)
4. Davidova, T. S. Peculiarities of translating onomastic realia into the English language. *Proceedings of International Research and Practice Online Conference “Cross-Cultural Space: Linguistic and Didactic Aspects”*. Petrozavodsk, 2021. (In print). (In Russ.)
5. Kazakova, T. A. Practical issues of translation. Moscow, 2001. 159 p. (In Russ.)
6. Klenkova, A. M., Pastukhova, E. N. Russian diminutives in English translations of M. A. Bulgakov’s novel *The Heart of a Dog*. *Proceedings of the II International Research Symposium “Translation in the Changing World”*. Moscow, 2016. P. 434–437. (In Russ.)
7. Latyshev, L. K., Semenov, A. L. Translation: theory, practice and methods of teaching. Moscow, 2003. 192 p. (In Russ.)
8. Levitskaya, T. R., Fiterman, A. M. Theory and practice of translation from English into Russian. Moscow, 1963. 263 p. (In Russ.)
9. Men’kova, N. V. Russian diminutives in the English translation of M. A. Bulgakov’s Novel *The Master and Margarita*. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2010;3:174–179. (In Russ.)
10. Fedorov, A. V. Foundations of the general theory of translation. Moscow, 2002. 348 p. (In Russ.)
11. Sapir, E. Selected Writings in language, culture and personality. Moscow, 1993. 656 p. (In Russ.)
12. Chukovskiy, K. High art. The principles of literary translation. Moscow, 1964. 355 p. (In Russ.)
13. Shelestuk, E. V., Gritsenko, E. D. Foreignization/domestication in translation and their linguistic evaluation. *Chelyabinsk State University Bulletin*. 2016;4:202–207. (In Russ.)
14. Baker, M. A. Coursebook on translation. London, 1992. 320 p.
15. Klaudy, K. Languages in translation. Lectures on the theory, teaching and practice of translation. Budapest, 2003. 343 p.
16. Newmark, P. Approaches to translation. London, 1988. 125 p.
17. Nida, E. A. Contexts in translating. Amsterdam and Philadelphia, 2001. 125 p.
18. Venuti, L. The translator’s invisibility. London, New York, 1995. 368 p.
19. Yang, W. Brief study in domestication and foreignization in translation. *Journal of Language Teaching and Research*. 2010;1(1):77–80.

Received: 15 January, 2021; accepted: 26 February, 2021

АНФИСА ВЛАДИМИРОВНА РОЖКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-3778-502X; rozchkova@mail.ru

СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С РОДИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ГИМНОГРАФИИ

Аннотация. Исследование выполнено на материале оригинальных поэтико-литургических текстов, созданных в XI–XV веках. Научная новизна работы заключается в том, что впервые рассматриваются словосочетания с родительным падежом, функционирующие в древнерусских гимнографических текстах. В статье анализируются конструкции, соответствующие модели «существительное + существительное в родительном падеже». Наблюдения показывают, что именно такой тип сочетаний выступает как самый многочисленный среди сочетаний с приименными зависимыми падежами. Целью исследования является определение значений родительного падежа с опорой на лексико-семантический анализ компонентов сочетаний, а также установление соотносимых грамматических конструкций с другими падежными формами и с прилагательными. В ходе работы установлено восемь частных значений родительного падежа. В количественном отношении группы представлены неравномерно, явное преимущество принадлежит сочетаниям, в которых значение родительного определяется как метафорическое. Внутри каждой семантической области наблюдается разное соотношение параллельных грамматических конструкций. Наряду с присубстантивным родительным выступают сочетания с приименным дательным или с зависимым прилагательным. Границы других семантических зон включают в себя три соотносимые конструкции. В одних случаях параллельно с родительным падежом используются сочетания с дательным и местным падежами (например, при выражении объектного значения), в других – ряд соотносимых конструкций образуют сочетания с дательным и сочетания с зависимым прилагательным. Делается вывод о наличии таких семантических областей, в которых присубстантивный родительный служит единственным средством выражения значения.

Ключевые слова: гимнография, исторический синтаксис, словосочетание, управление, родительный падеж

Для цитирования: Рожкова А. В. Субстантивные словосочетания с родительным падежом в древнерусской гимнографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.600

ВВЕДЕНИЕ

Значения падежей, их реализация в разных типах словосочетаний и предложений долгое время остаются центральным объектом исследований в работах разных лет, освещавших грамматические особенности русского языка как на современном этапе, так и на диахроническом срезе. Длительное изучение родительного падежа позволило лингвистам определить его как падеж многозначный, хотя подобная многозначность подвергалась сомнению [17: 145]. Значения родительного падежа в древнерусских и старорусских памятниках описаны в коллектической монографии [14: 164–176], в исследованиях по историческому синтаксису В. И. Борковского¹, Т. П. Ломтева [4: 440, 474–477, 481, 482],

А. Н. Стеценко [15: 94–96]. Полученные результаты наблюдений позволяют очертить круг значений родительного падежа в приименных сочетаниях – это значения принадлежности, субъекта, объекта, меры и количества. Важными в свете обсуждаемой темы являются работы, посвященные синтаксису родительного падежа в старославянском языке [3: 183–203], [16: 124–147]. Свидетельствующие о непрерывной традиции изучения родительного падежа работы последних лет посвящены частным вопросам функционирования этих форм. Приименный родительный рассматривался в статье Л. А. Москалевой в аспекте сопоставления с дательным падежом, что позволило автору составить классификацию единых грамматических значений двух падежей

на материале славянских переводов Евангелий [7]. Более поздние в хронологическом плане тексты также становились материалом для анализа генитива. Так, Л. А. Огородникова, рассматривая художественные и публицистические тексты XVIII века, приходит к выводу о реализации всех возможных значений родительного падежа в приименных конструкциях, количества которых превышает глагольные сочетания [10].

Изучение средневековых гимнографических памятников началось еще в XIX веке с работы М. Г. Попруженко², посвященной фонетике и отчасти морфологии служебной Минеи 1095 года. Эти же аспекты затрагивались в немногочисленных исследованиях С. П. Обнорского³, В. М. Маркова [5], Е. М. Верещагина [1]. Лексическое, лексико-семантическое и лексико-словообразовательное варьирование списков минейных текстов изучала Н. А. Нечунаева [8], [9]. Отдельные виды синтаксических конструкций оригинальной русской гимнографии рассматривал автор данной статьи [11], [12].

В целом отметим, что структура и функции словосочетаний с родительным падежом, его значения не были предметом специального рассмотрения на славяно-русском гимнографическом материале, что актуализирует тему настоящего исследования. Базовым материалом для работы стали древнерусские гимнографические тексты, созданные в разное время. К ранним текстам относятся образцы XI–XII веков, посвященные первым русским святым: княгине Ольге, князю Владимиру, Борису и Глебу. Примерами следующего временного среза – середины XV века – являются две службы: на обретение мощей Сергия Радонежского и на обретение мощей митрополита Алексия. Анализ текстов проводится по рукописным источникам XI–XVI веков, а также по опубликованным документам⁴.

Объектом наблюдения выступают словосочетания с приименным генитивом. Методом сплошной выборки из текстов извлечены субстантивные словосочетания со всеми зависимыми падежами, из которых количественное преимущество принадлежит сочетаниям с генитивом (140 сочетаний). Исследователи отмечали, что конструкции «существительное + существительное в родительном падеже» являются самой многочисленной моделью среди субстантивных словосочетаний в современных славянских языках: русском, польском, чешском, сербохорватском [6: 49, 100, 189]. Такое наблюдение коррелирует с тезисом, сформулированным Р. О. Якобсоном, о свойствах генитива: присубстантивное употребление «является типичнейшим выражением этого падежа» [17: 149].

Исследование в предлагаемой статье фокусируется на перечне вопросов, которые связаны со значением родительного падежа, лексико-семантическим выражением компонентов в сочетаниях, их функционированием с учетом семантики и прагматики жанра. Установление соотносимых грамматических конструкций из числа сочетаний с приименными падежами и с прилагательными – еще один аспект нашего исследования. Подобные параллельные синтаксические структуры изучались на примере старославянских памятников [3: 193–200], [16: 129–146].

Все рассматриваемые далее конструкции включают в себя определяемый и определяющий компоненты. В некоторых случаях определяющее состоит из нескольких знаменательных слов, которые обозначают воспеваемых святых, традиционные сакральные образы: *<жезль> бжëа ðха*⁵ (4: 90), *<славъ> Христъа бога* (1: 52 об.), *<память> шлги бгом(ð)рыа* (4: 88).

ЗНАЧЕНИЯ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В СОСТАВЕ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Последовательность анализируемых значений продиктована количественными показателями: от менее распространенных к многочисленным. Поскольку отдельные группы включают в себя большое количество примеров, то их объем будет проиллюстрирован частично.

Три случая беспредложного родительного отложительного зафиксированы в службе на обретение мощей митрополита Алексия: *бъдь свободж(ð)енїе* (6: 194 об.), *<испроси...> люты(х) же избавленїе и злы(х) юуж(ð)енїе* (6: 218). При лексическом разнообразии главных компонентов их объединяет общее значение «удаление от предмета в переносном смысле» [4: 262]. По наблюдению исследователей, в памятниках древнерусского языка именно этот оттенок родительного отложительного проявляется в «словосочетании с многочисленными глаголами (а также отглагольными существительными и причастиями)» [14: 152]. В исследуемых текстах такие сочетания скорее исключения на фоне более частотных прилагательных беспредложных и предложных конструкций с родительным отложительным: *скорбей дшевны(х) и телесны(х) и страсти свободы* (6: 190), *избавил юльсти* (3: 70). Нетрудно заметить, что в именных и глагольных сочетаниях сохраняется семантика главного и зависимого компонентов.

Родительный со значением **памяти** обнаружен тремя сочетаниями (без учета повторов):

память илги бѣгом(д)рыа (4: 88), память <...> кназа Владимира (4: 93), память ѿбрѣтенії <мощи> (6: 194 об., 195 об., 197 об.). Повторяющийся главный компонент дает основание считать такие образования устойчивыми, маркирующими важное сакральное событие. С данными сочетаниями соотносится единственная конструкция с зависимым дательным падежом: *память стѣю Алексію чудотворцу* (6: 190 об.).

Родительный со значением «определение по наличию» [13: 64] обнаруживается в трех (без учета повторов) словосочетаниях: *къ рацѣ моции* (1: 52 об.), *рацѣ <...> тела* (4: 89), *къ рацѣ моиши* (6: 193, 198), *въ пребывалиции пр(с)ноживища* (6: 293 об.). Две первые конструкции с устойчивым лексическим составом представляют собой только один грамматический способ обозначения сакрального предмета, который является местом поклонения.

Родительный количества зафиксирован в следующих двенадцати сочетаниях:

за множество прегрѣщенії (4: 91), *невѣрныхъ полци* (2: 8), *преподобныхъ мъножество* (5: 106), *грѣховъ мнѡ(ж)ства* (6: 193), *мно(ж)ство моу(ч)никъ* (6: 293).

Наряду с последним сочетанием в одном из предложений обнаруживаются еще две конструкции, которые следует отнести в эту группу: *въ пребывалиции пр(с)ноживища вселился еси блжнне прп(д)бне нашъ Сер(г)їе идѣже апостоль соборъ и мно(ж)ство моу(ч)никъ и преподобны(х) собраніе* (6: 293). В таком контексте слова *соборъ* и *собраніе* получают значение «объединение, сообщество сакральных субъектов», хотя и без указания на количественный объем (*множество*, *большинство* и под.). Эти же слова встретились и при номинации совокупности верующих: *вѣрны(х) собори свѣтло празнѣютъ* (6: 199 об.), *вѣрны(х) же собраніа* (6: 295). Форма множественного числа подчеркивает совокупное множество представителей земной сферы.

Как видно из примеров с родительным количественным, наиболее востребованным является существительное *множество*, которое сочетается со словами негативной и положительной семантики. В то же время сложно в таком аспекте трактовать валентность слова *полкъ* в силу редкого употребления в субстантивно-генитивном сочетании, однако адъективные конструкции с этим существительным позволяют допустить его связь со словами, номинирующими негативные, враждебные силы и свойства: *бѣсовьскыя полки* (2: 7 об.), *вражи <...> полци* (2: 17 об.).

Передача количественного значения множественности происходит также за счет субстан-

тивно-атрибутивных конструкций с зависимым прилагательным *многъ*, функционирование которого ограничено сочетаниями с существительными темпоральной семантики: *ѡ многъ лѣть* (6: 184 об., 194, 198), *многа времена* (6: 202). Исключением является пример: *со иники многыми* (6: 285 об.). В отношении последнего примера с некоторой долей осторожности можно объяснить выбор конструкции с прилагательным вместо субстантивно-генитивной. Вероятно, сказывается предложное управление, которое потребовало бы от существительного *множество* постановки в творительном падеже: **со множествомъ иникъ / *со иникъ множествомъ*. Однако нетрудно заметить, что в субстантивно-генитивных сочетаниях существительное *множество* используется только в именительном или винительном падежах (в любой позиции по отношению к зависимому компоненту). Это дает повод говорить о грамматической (в частности, падежной) стабильности главного компонента в конструкциях с зависимым генитивом.

Родительный субъекта обозначает действующее лицо, и семантика таких существительных эксплицирует сферы воспеваемых, верующих, враждебных сил. Стержневым компонентом в восемнадцати словосочетаниях выступают существительные, значение которых связано с действием или состоянием. Примеры демонстрируют лексическое разнообразие как главного, так и зависимого компонентов при незначительном повторении в отдельных сочетаниях:

поганыхъ <...> шатаніе (5: 103 об.), *мѣченика тѣрпѣніе* (5: 73), *блескъ лица* (4: 92), *рабъ молѣбы* (4: 93), *молитвами страстотѣрпѣю <...> Бориса и Глѣба* (5: 103 об.), *явленіемъ <...> моиши* (6: 181 об.), *шатаніа врагъ* (6: 201), *плоти <...> двизаніа* (6: 289), *стрѣями крові* (6: 292).

К синтаксическим соответствиям из числа субстантивно-атрибутивных сочетаний следует отнести пример с притяжательным прилагательным *вражіи*: *владычествія вражія* (2: 17 об.), *о(т) пльненіа вражіа* (4: 90), *искошеніа вражія* (6: 293) (компонент субъектного значения может быть прояснен посредством трансформации: **враг владычествует, пленяет, искушает*). Замена прилагательного на генитив существительного в таких сочетаниях приводит к затмнению грамматического значения: **о(т) пльненіа врага/врагъ, *искошеніа врага/врагъ*. В трансформируемых конструкциях реализуется объектное значение (пленить врага/врагов, искушать врага/врагов). Таким образом, более точным в грамматическом, а следовательно, и смысловом плане является

притяжательное прилагательное, что и продемонстрировано в трех конструкциях. Тяготение к зависимой адъективной форме обнаруживается и в сочетаниях *штъ наваженія диявола* (5: 100 об.), *бѣсвѣска шатанія* (6: 295). Выбор однокоренного существительного в сочетании с генитивом *шатанія врагъ*, вероятно, продиктован числовой формой зависимого существительного, актуализирующей множественность сторонников враждебных сил, в то время как прилагательные в эквивалентных сочетаниях номинируют общее свойство опредмеченных действий.

Родительный объекта выступает в словосочетаниях (общее количество без учета повторов – 21), в которых главное слово соотнесено с глаголом и заключает в себе значение процесса, действия, направленного на предмет или лицо: *оставленія грѣховъ* (4: 90), *пренесение телесе* (2: 7 об.), *в съпасеніи душъ* (5: 100 об.). Многократный повтор словосочетаний характерен для выражения таких опредмеченных действий, как ‘оставление (отпущение) грехов’ и ‘принесение, обретение мощей, тела’.

В сочетаниях с объектным родительным определяемое существительное называет лицо святого или другого представителя высшей сакральной сферы, который выступает как деятель, способный влиять на христианское сообщество: *наказателю стадъ* (3: 71), *богопроповѣдника бѣгодати* (6: 183 об.), *свѣтилище <роускыя> земли* (6: 190 об.), *вселеній <...> поборниче* (6: 286) и др. Девербативы, не имеющие суффиксов личного имени, также номинируют святого, наделяя его образной характеристикой, подчеркивающей его всеохватывающее, как правило, положительное, созидающее воздействие на мир и его устройство: *земля <руськыя> удобрение* (5: 72 об.), *вьселенія наслажненіе* (5: 72 об.), *законъ <цѣковны(x)> оутве(r)женіе* (6: 184).

Соотносительными субстантивными конструкциями выступают сочетания с дательным падежом существительного. Сходство таких структур наблюдается прежде всего в группе сочетаний, имеющих в качестве стержневого компонента наименование лица: *людемъ водитель* (6: 289 об.), *инокомъ оутверженіе* (6: 201 об.) и под. Зачастую в состав конструкций входит одно и то же зависимое слово: *вѣры въздвизателю* (3: 70), *учителя вѣры* (6: 181 об.) – *схраннїка вѣрѣ* (2: 11 об.), *проповѣдника вѣрѣ* (3: 67 об.). Наблюдается полное лексическое тождество компонентов сочетания при варьирующейся зависимой падежной форме: *оставленія грѣховъ* (4: 90) – *вставленіа грѣхомъ* (4: 89). Лексически не одинаковые зависимые падежи выступают

при одном главном: *застоупника дѣль и телесъ* (2: 7 об.) – *застоупник(a) градоу нашемоу* (2: 18 об.), *людемъ <...> застоупнича* (5: 72 об.).

Номинация канонизированного лица посредством субстантивных сочетаний происходит также за счет предложных конструкций с зависимым местным или винительным падежом в объектном значении. Количество таких сочетаний незначительно и во многом уступает родительному объекту: *поборыника на врагы* (5: 73 об.), *помощника въ скорбехъ* (2: 18 об.), *въ напастехъ <...> оутѣшитель* (6: 202 об.).

Родительный принадлежности выступает в двадцати трех словосочетаниях (без учета повторов). В зависимости от лексико-семантического выражения компонентов конструкции могут быть разделены на несколько групп. Родительный называет лицо или совокупность лиц, а в роли стержневых слов выступают соматизмы и слова, обозначающие тело как объект почитания: *по(д) нози кнѣзъ* (2: 17), *лици кнѣзъ* (3: 71), *немоудры(x) ср(д)ца* (6: 197), *по стопамъ <...> Хѣ*, (6: 284), *мощи стѣла Алексія* (6: 199), *тѣло <...> стїтеля Алексія* (6: 202).

Родительный принадлежности номинирует сакральный образ, которому принадлежит какое-то качество или предмет: *жезлъ бжїа дѣха* (4: 90), *славоу <...> w(m)ца* (6: 188 об.), *житїе <...> Алексія* (6: 193 об.).

Также посредством родительного принадлежности происходит именование лиц, связанных какими-либо отношениями (родственными, социальными, духовными) с другими участниками событий: *вѣрныхъ кнѣзъ* (3: 71), *мѣtre кнѣзей* (4: 88), *внукъ <...> Олгы* (3: 70 об.).

Наряду с зависимым родительным категория посессивности в анализируемых текстах имеет еще два способа выражения: сочетания с приименным дательным принадлежности и притяжательные прилагательные. Интересно отметить некоторые особенности в соотношении разных видов конструкций. Теоретически от каждого существительного (за исключением субстантивированного), выступающего в родительном падеже, можно образовать притяжательное прилагательное, и такие формы в текстах употребляются. Например, прилагательное *Христов* (*престолу хѣву* (6: 195), *хѣву законъ* (4: 89) и др.) с полным правом можно назвать доминирующим способом обозначения принадлежности высшему сакральному образу. Нами зафиксировано более двадцати случаев его употребления, в то время как конструкций с зависимым однокоренным генитивом только две. Сочетания с прилагательным *божіи* (слово *бжїе* (4: 91), *божіимъ сїаніемъ* (6: 196 об.) и др.) также превалируют по сравнению с генитивом, который в двух из трех случаев

выступает с именем собственным, образуя устойчивую номинацию – *славъ Христъ бога* (1: 52 об.), *вбещникъ Христъ бога* (6: 192), *в домъ бога* (6: 188 об.). В свою очередь, отсутствуют притяжательные прилагательные, образованные от имен собственных канонизированных святых (*Ольга, Алексий*), что делает генитив единственной формой выражения принадлежности в таких случаях.

Единичны примеры употребления одинаковых или синонимичных стержневых слов с разными морфологически оформленными зависимыми компонентами: *силою <...> троицы* (6: 286 об.), *силою сѣтъ дѣха* (4: 88) – *силою гѣю* (3: 70), *в домъ бога* (6: 188 об.) – *вбителице вѣтъ(д)чне* (6: 289). Эквивалентных конструкций с одним и тем же главным словом и однокоренным зависимым компонентом – генитивом имени или притяжательным прилагательным – в текстах не зафиксировано.

Дательный падеж в исследуемом материале входит в состав примеров, в которых основное значение принадлежности осложнено оттенком предназначения: *пріателище <...> бѣгу* (4: 89), *раи <...> адамоу* (4: 93), *притѣкающімъ пристанище* (3: 67 об.). Также встречается дательный падеж, маркирующий разного рода отношения (значение, которое прибавляется к значению принадлежности [14: 199]): *вѣрънъмъ цѣрь* (3: 70 об.), *кнѣземъ рустимъ вѣръховънало* (3: 67 об.). Подобный оттенок, как было сказано выше, характерен и для родительного принадлежности. Более того, в одном случае наблюдается одинаковое лексическое выражение зависимой словоформы, ср.: *вѣръных кнѣзъ* (3: 71).

Особенностью последней, самой многочисленной группы сочетаний является то, что конструкции развивают переносные метафорические значения. Описывая похожие конструкции в старославянском языке (*на прѣстолѣ славы, лозѣ пагоубы*), В. Вечерка выделяет родительный «в образных оборотах» и определяет значение такого генитива, как «родительный объяснительный» [3: 192]. Родительный в данном случае определен нами как **метафорический**, хотя и следует признать некоторую условность этого обозначения, учитывая метафорику в отдельных ранее зафиксированных сочетаниях (ср., например, конструкции с родительным объекта *омрачение дѣла, въселеныя наслажденіе*). Однако грамматические свойства компонентов, семантические отношения между ними не позволяют отнести данные сочетания к выделенным ранее группам. В силу большого числа конструкций (57 единиц) и лексико-семантического разнообразия в выражении компонентов, эта группа может в дальнейшем стать предмет-

том более подробного изучения. Здесь мы ограничиваемся фиксацией отдельных примеров и некоторыми наблюдениями.

Существительные в составе словосочетаний называют разнообразные предметы, явления: *источникъ <...> крове* (4: 88), *мракъ дѣла* (2: 15 об.), *тѣмы злато* (4: 93) и т. д. Показательными являются сочетания, соединяющие в себе конкретное и абстрактное существительные: *свѣта съсудъ* (5: 104 об.), *на пр(с)тѣль славы* (2: 10), *адаманта правды* (6: 181). Высокая частота таких словосочетаний уже отмечалась исследователями в отношении других древнерусских литературных памятников [2: 50]. Достаточно обширная группа словосочетаний включает в себя только абстрактные существительные со значением отвлеченного действия, состояния, признака, качества: *горести грѣха* (4: 89), *свѣтъмъ добродѣтели* (5: 72 об.), *властию <...> сластолюбия* (5: 103), *чудесъ блг(д)ть* (6: 194 об.) и др.

Полностью или частично лексически сходные сочетания обнаруживаются в песнопениях Алексию: *подобие (подобіе) вѣбраза* (6: 198, 200 об.), в службе княгине Ольге: *ѡ тѣмы не разумиа* (4: 88), *неразвѣа вѣ тмѣть* (4: 91). И, напротив, сочетание *чудесъ дарь* (6: 182, 292) используется в разных песнопениях, посвященных Сергию Радонежскому и Алексию.

Метафорические сочетания с генитивом и субстантивно-атрибутивные сочетания в редких случаях характеризуются тождественным лексико-семантическим составом: *ризою нетлѣнїа* (6: 293) – *нетлѣнѣнною ризоу* (5: 106), *даръ блгодати* (6: 182 об.) – *да(р) блгодатныи* (6: 181 об.). В этих примерах однокоренные существительное и прилагательное выступают в качестве зависимого компонента при одном и том же главном. Подобного лексического пересечения не наблюдается среди субстантивных сочетаний с другими зависимыми падежами, хотя метафорический характер свойствен и таким отдельным конструкциям (ср. пример с зависимым дательным падежом: *чадо свѣту явила* (4: 91)).

ВЫВОДЫ

В качестве обобщения отметим, что родительный присубстантивный выступает с целым спектром значений, выявление которых происходит с опорой на контекст и на особенности лексико-семантического выражения компонентов. Количество сочетаний в каждой группе представлено неравномерно. Сочетания с полностью или частично повторяющимся лексическим составом обнаруживаются в текстах разной хронологической приуроченности и подчеркивают важность

и постоянство отдельных фактов, событий, явлений в жизни православного сообщества.

Функциональная близость обнаруживается между сочетаниями с генитивом и другими сочетаниями: с приименными зависимыми падежами и с приименным зависимым прилагательным. Такая соотнесенность отражена в бинарных соотношениях (сочетания с зависимым генитивом – с зависимым падежом существительного; с зависимым генитивом – с зависимым прилагательным) или тренарных (сочетания с зависимым генитивом – с зависимым падежом существительного – с зависимым прилагательным). Еще большее сближение и пересечение синтаксических образований можно отметить в случаях

использования синонимичной лексики или одинаковых слов при оформлении присубстантивного падежа (*върънымъ цръ – върныхъ кнѣзъ*). В то же время лексико-семантический анализ компонентов свидетельствует о том, что присубстантивный родительный занимает свое определенное место в выражении того или иного значения (например, в реализации значения принадлежности канонизированному святому или при обозначении совокупного множества лиц).

Разные с точки зрения времени создания тексты свидетельствуют о том, что сочетания с родительным падежом являются стабильным и ведущим элементом в поле субстантивно-падежных образований гимнографического текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот: (простое предложение). Львов, 1949. С. 351–361.

² Попруженко М. Г. Заметки о языке новгородской служебной Минеи 1095 г. // Филологические записки. Вып. III–IV. СПб., 1889. С. 1–34.

³ Обнорский С. П. Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 года // Известия ОРЯС. 1924. Т. 29. С. 167–226.

⁴ Указания на использованные источники даются в круглых скобках после примера. Первая цифра обозначает номер источника (список см. ниже), после двоеточия – номер листа (страницы).

1 – Благовещенский кондакарь. XI–XII в.в. (Q. п. I.32, л. 52–53 об.).

2 – Минея на май. 1463 г. (Соф. 205, л. 7–20).

3 – Минея праздничная. XIII–XIV в. (Соф. 382, л. 67–71 об.).

4 – Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сборник ОРЯС. СПб., 1907. Т. 82. № 4. С. 88–94.

5 – Стихирарь праздничный на крюках. 1156–1163 гг. Новгород (Соф. 384, л. 72–74 об., 99 об.–107).

6 – Трефолой (Сборник служб преимущественно русским святым). 50-е – 60-е годы XVI в. (Пог. 434. л. 181–203, 283–291).

⁵ Графическое оформление цитируемого материала упрощено, выносные буквы располагаются в скобках внутри слова, подтилевые сокращения не раскрываются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В е р е щ а г и н Е. М. Наблюдения над языком и текстом архаичного источника – Ильиной книги // Вопросы языкоznания. 1999. № 2. С. 3–26.
2. Г о р ш к о в А. И. История русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1969. 366 с.
3. Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963. 378 с.
4. Л о м т е в Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 596 с.
5. М а р к о в В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964. 279 с.
6. М о л о ш н а я Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках: На материале рус., польск., чеш., болг. и серб.-хорв. яз. М.: Наука, 1975. 237 с.
7. М о с к а л е в а Л. А. Способы семантико-синтаксической классификации конструкций с приименными дательным и родительным падежами в славянских Евангелиях XI века // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 182–185.
8. Н е ч у н а е в а Н. А. Некоторые особенности русских списков Минеи // Функциональные и семантические проблемы описания русского языка: Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1990. С. 131–138.
9. Н е ч у н а е в а Н. А. Эволюция употребления бесприставочной и приставочной лексики в древнерусском языке по спискам Майской минеи XI–XIV вв. // Эволюция и предыстория русского языкового строя. Горький, 1985. С. 77–85.
10. О г о р о д н и к о в а Л. А. Приименные и прилагольные конструкции родительного падежа в произведениях писателей и публицистов второй половины XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 33–37.
11. Р о ж к о в а А. В. Значения дательного падежа в ранней древнерусской гимнографии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2020. № 9 (152). С. 92–97.
12. Р о ж к о в а А. В. Синтаксические структуры русской гимнографии: Жанровая семантика и прагматика. Саарбрюккен: LAMBERT Academic Publishing, 2012. 220 с.
13. Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с.
14. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: члены предложения. М.: Наука, 1968. 296 с.

15. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972. 360 с.
16. Ходова К. И. Система падежей старославянского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 160 с.
17. Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.

Поступила в редакцию 16.06.2020; принята к публикации 08.02.2021

Original article

Anfisa V. Rozhкова, Cand. Sc. (Philology), Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3778-502X; rozhкова@mail.ru

SUBSTANTIVE PHRASES WITH THE GENITIVE CASE IN OLD RUSSIAN HYMNOGRAPHY

Abstract. The study is based on the original poetic and liturgical texts created between the XI and the XV centuries. The research novelty lies in the fact that it investigates for the first time the word combinations with the genitive case functioning in the Old Russian hymnographic texts. The article analyzes the constructions formed using the model “noun + noun in the genitive case”. Observations show that this type of word combinations is the most frequent one among the combinations with subordinate adnominal cases. The purpose of the study is to determine the meanings of the genitive case through lexical and semantic analysis of the components of the word combinations, as well as to establish correlated grammatical constructions with other case forms and adjectives. The analysis revealed eight specific meanings of the genitive case. In quantitative terms, the groups of word combinations are represented unevenly, with combinations in which the meaning of the genitive case is defined as metaphorical being the prevailing group. Within each semantic domain, there is a different ratio of parallel grammatical constructions. Along with the substantive-adjacent genitive case, there are combinations with the adnominal dative case or with a dependent adjective. Other semantic zones include three correlated constructs. In some cases, combinations with the dative and local cases are used in parallel with the genitive case (for example, when expressing the object meaning), while in other cases a number of correlated constructions form combinations with the dative case or a dependent adjective. It is concluded that there are such semantic areas, where the substantive-adjacent genitive case serves as the only means of expressing the meaning.

Keywords: hymnography, historical syntax, word combinations, subordination, genitive case

For citation: Rozhкова, А. В. Substantive phrases with the genitive case in Old Russian hymnography. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.600

REFERENCES

1. Vereshchagin, E. M. Observations on the language and the text of an archaic source – *Ilya's Book. Topics in the Study of Language*. 1999;2:3–26. (In Russ.)
2. Gorshkov, A. I. History of the Russian literary language. Moscow, 1969. 366 p. (In Russ.)
3. Research on the syntax of the old Slavonic language. Prague, 1963. 378 p. (In Russ.)
4. Lomtev, T. P. Essays on the historical syntax of the Russian language. Moscow, 1956. 596 p. (In Russ.)
5. Markov, V. M. The history of reduced vowels in the Russian language. Kazan, 1964. 279 p. (In Russ.)
6. Moloshnaya, T. N. Substantive word combination in Slavic languages: Russian, Polish, Czech, Bulgarian and Serbo-Croatian languages. Moscow, 1975. 237 p. (In Russ.)
7. Moskaleva, L. A. Ways of classifying grammatical constructions with dative and genitive cases in Orthodox Gospels of XI century. *Philology and Culture*. 2012;2(28):182–185. (In Russ.)
8. Nechunaeva, N. A. Some features of the Russian copies of the Menaion. *Functional and semantic problems of the descriptive studies of the Russian language: Articles on Russian and Slavic philology*. Tartu, 1990. P. 131–138. (In Russ.)
9. Nechunaeva, N. A. Evolution of the use of non-prefixed and prefixed vocabulary in the Old Russian language according to the copies of the May Menaion of the XI–XIV centuries. *Evolution and prehistory of the Russian language system*. Gorky, 1985. P. 77–85. (In Russ.)
10. Ogorodnikova, L. A. Adnominal and verbal constructions in works of writers and publicists of the second half of 18 century. *Tomsk State University Journal*. 2013;369:33–37. (In Russ.)
11. Rozhкова, A. V. Meanings of the dative case in the early Old Russian hymnography. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*. 2020;9(152):92–97. (In Russ.)
12. Rozhкова, A. V. Syntactic structures of Russian hymnography: Genre semantics and pragmatics. Saarbrücken, 2012. 220 p. (In Russ.)
13. Russian grammar: In 2 vols. Vol. 2. Syntax. Moscow, 1980. 709 p. (In Russ.)
14. Comparative historical syntax of East Slavic languages: parts of sentences. Moscow, 1968. 296 p. (In Russ.)
15. Stetsenko, A. N. Historical syntax of the Russian language. Moscow, 1972. 360 p. (In Russ.)
16. Hodova, K. I. The system of cases of the Old Slavonic language. Moscow, 1963. 160 p. (In Russ.)
17. Jakobson, R. O. Selected works. Moscow, 1985. 455 p. (In Russ.)

Received: 16 June, 2020; accepted: 8 February, 2021

ОКСАНА ЮРЬЕВНА ЧУЙКОВА

кандидат филологических наук, научный сотрудник Института иностранных языков
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-0626-3410; ochuikova@herzen.spb.ru

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ИМПЕРФЕКТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ С РОДИТЕЛЬНЫМ ПАРТИТИВНЫМ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье приводятся результаты исследования, направленного на верификацию традиционных представлений о принципах употребления родительного падежа с партитивной семантикой при глаголах несовершенного вида в русском языке. В лингвистической литературе распространена точка зрения, согласно которой использование родительного падежа при имперфективных глаголах либо невозможно, либо ограничено контекстами нейтрализации видового противопоставления. На материале Национального корпуса русского и русскоязычного сегмента сети Интернет осуществлялся анализ употребления видовых коррелятов перфективных глаголов с префиксами *по-*, *на-*, *под-*, *при-*, *до-*, *от-* и суффиксом *-ну-*. Исследование показывает, что родительный падеж может употребляться при имперфективных глаголах как в тривиальном, так и в актуально-длительном значении. Уровень употребительности глаголов несовершенного вида с родительным партитивным связан с характером семантического соотношения в видовой паре и морфологическими средствами видеообразования. Способность к генитивному управлению чаще всего наблюдается у глаголов несовершенного вида, образованных от префиксальных глаголов совершенного вида путем суффиксальной имперфектификации.

Ключевые слова: русский язык, глагольный вид, прямое дополнение, родительный партитивный, способы действия, вторичная имперфектификация

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-60006 «Прямое дополнение и аспектуальные характеристики славянского глагола».

Для цитирования: Чуйкова О. Ю. Об употреблении имперфективных глаголов с родительным партитивным в русском языке // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 55–62. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.601

ВВЕДЕНИЕ

В литературе распространено мнение, согласно которому употребление прямого дополнения в форме родительного падежа с партитивным значением ограничено сочетаниями с глаголами совершенного вида (далее – СВ) и невозможно при глаголах несовершенного вида (далее – НСВ) [1: 249], [10: 182–190], [15: 39], [17], [18], спр. (1)–(2):

- (1) *Воин выпил воды из источника*¹.
- (2) *На другое утро они проснулись больные и вялые. Весь день лежали и пили воду*². (**воды*)

Некоторые исследователи [10: 182], [18: 2236] делают оговорку о том, что запрет на употребление родительного падежа действует в отношении случаев использования НСВ в актуально-длительном значении и не распространяется на употребления видовой формы в тривиальном значении, то есть там, где НСВ является функ-

циональной заменой СВ в контекстах нейтрализации видового противопоставления. При этом в случае вхождения глагола СВ в «видовую тройку» в контекстах нейтрализации используется глагол, образованный путем суффиксальной имперфектификации [6: 50], см. (3).

- (3) *Пальцы переставали дрожать лишь после того, как он выпивал водки*³.

Вопрос о том, насколько распространено употребление родительного падежа при глаголах НСВ, подробно не рассматривается в литературе. В настоящей работе анализируется возможность употребления родительного падежа при глаголах НСВ, являющихся видовыми коррелятами глаголов СВ, способных к управлению родительным партитивным. Основная задача исследования состоит в верификации на корпусном материале традиционных представлений о принципах употребления родительного падежа при глаголах

НСВ и оценке распространенности данного явления в современном русском языке.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа сочетаемости имперфективных глаголов с родительным падежом прямого дополнения и его соотношения с формой винительного падежа была реализована следующая исследовательская процедура. В первую очередь, по Малому академическому словарю (далее – МАС)⁴ был получен список перфективных глагольных лексем (= лексических значений), для которых в рамках указанного словаря зафиксирована возможность управления родительным падежом. К рассмотрению привлекались глаголы СВ с префиксами *по-, на-, под-, при-, до-, от-*, а также семельфактивным суффиксом *-ну-*. Для каждого из глаголов, вошедших в список, определялся имперфективный коррелят (при его наличии), при этом была принята восходящая к С. И. Карцевскому [8] (см. также [2], [3], [7], [12]) точка зрения на видовую коррелятивность и в качестве видовых рассматривались только суффиксальные пары, то есть пары, в которых имперфективный коррелят образован от перфективного глагола путем вторичной имперфективации при помощи суффиксов *-ыва-/ива-, -ва-, -а-*, например, *подлить – подливать, прибавить – прибавлять, надергать – надергивать* (исключение составляют бесприставочные семельфактивные пары типа *хлебнуть – хлебать*, где глагол СВ образован от НСВ при помощи семельфактивного суффикса). При анализе учитывались в том числе неконвенциональные образования (например, *накипятить – накипячивать*). Кроме того, вслед за рядом авторов [4], [11: 364], [13], было принято решение считать глаголы прерывисто-смягчительного способа действия (далее – СД) результатом имперфективации делимитативов, то есть объединять в видовые пары такие глаголы, как *поклевать – поклевывать, попить – попивать*. Далее, по данным основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ)⁵ был составлен перечень зафиксированных употреблений глаголов СВ и соответствующих им глаголов НСВ с дополнением в форме родительного и винительного падежей. При отсутствии примеров в НКРЯ осуществлялся дополнительный поиск употреблений в русскоязычном сегменте сети Интернет (рунет).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

В целом можно констатировать, что способность к употреблению с родительным партитивным неодинакова у различных с точки

зрения морфемного состава, то есть содержащих различные префиксы или суффиксы, глаголов НСВ. В таблице отражены данные о соотношении общего количества глагольных лексем с отмеченной в МАС способностью к управлению родительным падежом и количества глаголов СВ и НСВ в рамках данной выборки, для которых, по данным НКРЯ и рунета, зафиксированы примеры употребления с формой родительного партитивного в позиции прямого дополнения⁶.

Количество лексем, употребляемых в сочетании с родительным партитивным (по данным МАС, НКРЯ и рунета)

Number of lexemes used with the genitive partitive object (according to the data of the Dictionary of Russian Language, Russian National Corpus and Russian Internet)

	Количество лексем СВ (по МАС)	СВ с род. партитивным (НКРЯ)	СВ с род. партитивным (НКРЯ + рунет)	НСВ с род. партитивным (НКРЯ)	НСВ с род. партитивным (НКРЯ + рунет)
<i>по-</i>	51	46	51	2	10
<i>на-</i>	372	257	326	57	168
<i>под-</i>	48	27	36	15	28
<i>при-</i>	27	21	24	16	17
<i>от-</i>	19	11	17	8	15
<i>до-</i>	14	11	13	7	11
<i>-ну-</i>	15	11	14	6	11

Прокомментируем кратко результаты для каждой группы в приведенной таблице. Данные по префиксальным группам приводятся в порядке возрастания доли имперфективных глаголов, демонстрирующих способность к управлению родительным партитивным, группа глаголов с суффиксом *-ну-*, являющаяся единственной суффиксальной группой в анализируемом материале, рассматривается в последнюю очередь.

1. По-глаголы. Глаголы с префиксом *по-* демонстрируют наибольшую разницу между количеством глаголов СВ, для которых зафиксированы примеры употребления с родительным партитивным, и аналогичными данными для глаголов НСВ. По данным НКРЯ и рунета, для всех перфективных *по-*глаголов с отмеченной в МАС способностью к генитивному управлению обнаруживаются соответствующие примеры употребления. При этом использование формы родительного партитивного наблюдается только при 10 глаголах НСВ, что составляет около 20 % от общего количества глаголов СВ в выборке.

Отмеченное различие в количестве *по-*глаголов СВ и НСВ, реализующих способность к управлению родительным партитивным, может объясняться общим низким уровнем

имперфективируемости, характерной для рассматриваемой префиксальной группы [5], [14]. По данным НКРЯ, примеры употребления с формой родительного партитивного обнаруживаются для двух глаголов: *посыпать* (является единственным «законным», то есть зафиксированным в МАС, НСВ-коррелятом), см. (4), и *попивать* (согласно принятому выше решению считается видовым коррелятом делимитативного глагола *попить*), см. (5).

- (4) *Лазунка часто встает, шевелит угли костра да лопаткой **посыпает сырого песку**, чтобы хозяин не сжег сапоги...*⁷
- (5) *Мама Маринина снова **попивает портвешку**, хотя меру все-таки знает, может, по Марининым молитвам*⁸.

Данные рунета позволяют дополнить список имперфективных глаголов с префиксом *по-*, употребляемых с прямым дополнением в форме родительного падежа, еще несколькими лексемами, относящимися к делимитативному СД (*пожевать, покапать, покушать, понюхать, похлебать*) и кумулятивно-дистрибутивному СД (*понавешать, понаделать, понастроить*), см. (6)–(7).

- (6) *В фруктовом саду мы проделали шиномонтаж, **покушивая свежесорванных яблок***⁹.
- (7) *Сказано: спускаться вниз по Канатной к Кантинному молу. А будешь фыркать да **дырочек понаделывать**, кто тебе за место расскажет?*¹⁰

Глаголы делимитативного и кумулятивно-дистрибутивного СД составляют в сумме подавляющее большинство (25 и 14 соответственно) в составе выборки *по-*глаголов с генитивным управлением (51 лексема), что может в определенной мере служить объяснением причин, по которым именно их имперфективные корреляты демонстрируют примеры употребления с родительным партитивным. При этом, как показано в [5], [14], глаголы дистрибутивного СД, в состав которого включаются и глаголы кумулятивно-дистрибутивного СД, характеризуются сниженным уровнем имперфективируемости по сравнению с данными по префиксальной группе в целом. С другой стороны, делимитативы, напротив, показывают повышенный уровень имперфективируемости в составе префиксальной группы *по-*глаголов. В рамках рассматриваемой выборки, по данным НКРЯ и рунета, наблюдаются примеры употребления имперфективных коррелятов 18 из 25 делимитативных глаголов, то есть уровень имперфективируемости составляет 72 %. Возможно, тот факт, что только для 7 из 18 имперфективных коррелятов глаголов делимитативного СД обнаруживаются примеры сочетания

с родительным партитивным, связан с особенностями семантического соотношения в видовой паре. В образованиях типа *попить – попивать* наблюдается композициональность семантики (где префикс *по-* несет значение делимитатива, а суффикс *-ыва-/ива-* – итеративную семантику). При этом глаголы в парах «делимитативный СД – прерывисто-смягчительный СД» не в полной мере удовлетворяют критерию видовой коррелятивности.

2. *На-*глаголы. Для глаголов с префиксом *на-*, и в частности для входящего в состав данной префиксальной группы кумулятивного СД, употребление с родительным партитивным постулируется в литературе как почти обязательное¹¹ [6: 114], [16: 144].

Существующие определения кумулятивного СД несколько отличаются у разных авторов. В книге Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева приводится следующее определение: «Глаголы этого класса обозначают “накопление результата” действия» [6: 114], в то время как М. А. Шелякин определяет кумулятивный СД как «способ действия, обозначающий действия, направленные на достижение значительного количества одних и тех же результатов путем многократного осуществления действия исходного глагола» [16: 144]. Среди 372 глаголов, для которых в МАС зафиксирована возможность управления родительным падежом, в толковании 314 лексем содержится указание на количество объекта. При этом семантический компонент «в несколько приемов» присутствует в толковании 22 лексем, компонент «много» – в 17, «в большом количестве» – в 38 (в 8 случаях толкование одновременно содержит компоненты «в несколько приемов» и «в большом количестве»), а в 241 случае толкование содержит только указание на неопределенное количество («в каком-л. количестве»). В рамках настоящего исследования принято решение рассматривать в одном ряду все глаголы, описывающие ситуации накопления объекта независимо от количественных характеристик последнего.

М. А. Шелякин отмечает, что имперфективные варианты глаголов кумулятивного СД встречаются лишь изредка и только со значением многократности [16: 144]. Действительно, НСВ ряда глаголов с кумулятивным префиксом *на-* употребляется только в тривиальном значении, в этом случае родительный падеж остается основным средством выражения прямого дополнения, см., например, (8)–(9):

- (8) *Очень ранними утрами **нарывала Груша ландышей**, белеющих и одуряющих, и бросала*

- тихонько в «его» окошко во флигеле; ей казалось, что с ними идет от нее особенный душевный привет¹².
- (9) Постоянно носил он ружье за плечами, но не для охоты (хотя иногда он **настrelивал дичь**), и собака Трубадур, обыкновенно, сопровождала его¹³.

Из 372 глаголов СВ с зафиксированной в МАС способностью к генитивному управлению в НКРЯ и рунете обнаруживаются примеры соответствующего употребления для 326 лексем, 235 (72,1 %) из которых являются, согласно МАС, парными глаголами. Однако из всех возможных имперфективных глагольных лексем только 168 (из которых 57 – по НКРЯ) демонстрируют примеры употребления с родительным партитивным. Вопреки приведенному выше утверждению М. А. Шелякина, согласно которому глаголы кумулятивного СД являются одновидовыми, а редкие употребления НСВ возможны только в тривиальном значении, данные МАС показывают, что для глаголов с семантикой «накопления результата» характерен высокий уровень имперфективируемости, хотя и следует признать, что у группы глаголов с семантическим компонентом «в несколько приемов» он несколько снижен и составляет 50 % (11 из 22 глаголов). Кроме того, большинство глаголов способно к употреблению не только в значении многократности, но и в актуально-длительном значении, где предпочтительным средством оформления прямого дополнения является винительный падеж. Это особенно характерно для глагольных лексем со значением накопления неопределенного количества объекта. Следует отметить, что из 57 имперфективных лексем, для которых в НКРЯ обнаружены примеры управления формой родительного партитивного, только для 15 (26,3 %) наблюдается количественное преобладание случаев употребления с родительным падежом, в то время как при соответствующих им перфективных глаголах форма родительного падежа оказывается более частотной, чем форма винительного падежа, в 53 (92,9 %) случаях.

Данные НКРЯ и рунете показывают, что употребление родительного падежа в позиции прямого дополнения при глаголах НСВ с префиксом *на-* не исчерпывается случаями использования в тривиальном значении. В НКРЯ фиксируются примеры употребления родительного падежа при НСВ в актуально-длительном значении, ср. (10)–(12):

- (10) *И, пока ему наливали воды, он мог обшарить карманы одежды, висящей в прихожей*¹⁴.
- (11) **Насыпая ему табаку**, Кунта искоса следил за его глазами: не смеется ли над ним дядя Кязым?¹⁵

- (12) *А кукушка в это время продолжает летать с веточки на веточку и «накукоывать» нам долгих лет жизни*¹⁶.

3. Под-, при-, до- и от-глаголы. Основную часть глаголов с префиксами *под-*, *при-*, *до-* и *от-* составляют отсутствующие в некоторых классификациях способов глагольного действия комплективно-партитивный СД (с префиксами *под-*, *при-* и *до-*) и отдельтельно-партитивный СД (с префиксом *от-*). Особенностью данных способов действия является то, что входящие в них глаголы СВ, во-первых, сочетаются с формой родительного партитивного и, во-вторых, образуют имперфективные корреляты, способные употребляться во всех возможных значениях НСВ [16: 147]. Действительно, глаголы данных приставочных групп характеризуются высоким уровнем имперфективируемости. Согласно МАС, в рамках рассматриваемых выборок парными являются 43 из 48 (89,6 %) глаголов с префиксом *под-*, 26 из 27 (96,3 %) – с префиксом *при-*, 14 из 14 (100 %) – с префиксом *до-*, 16 из 19 (84,2 %) – с префиксом *от-*.

Как видно из таблицы, доли демонстрирующих примеры употребления с родительным падежом глаголов НСВ по отношению к данным для глаголов СВ оказываются выше в приставочных группах с префиксами *под-*, *при-*, *до-* и *от-*, чем в рассмотренных ранее группах с префиксами *по-* и *на-*. В первую очередь это может объясняться более высоким уровнем имперфективируемости глаголов с префиксами *под-*, *при-*, *до-* и *от-*. При этом можно заметить, что по сумме обнаруженных употреблений в НКРЯ и рунете имперфективные глаголы с префиксами *под-* (СВ – 36 / НСВ – 28: 77,8 %), *до-* (СВ – 13 / НСВ – 11: 84,6 %) и *от-* (СВ – 17 / НСВ – 15: 88,2 %) демонстрируют более высокий уровень сочетаемости с родительным партитивным, чем глаголы с префиксом *при-* (СВ – 24 / НСВ – 17: 70,8 %). В группе глаголов с префиксом *при-* обнаруживается ряд отперфективных, то есть образованных от СВ, глаголов (*прибрести*, *призанять*, *прикинуть*, *принакопить*), где примеры употребления с родительным партитивным наблюдаются только при корреляте СВ и отсутствуют при НСВ.

Имперфективные корреляты глаголов отдельтельно-партитивного и комплективно-партитивного СД способны к управлению родительным партитивным падежом не только при использовании в тривиальном значении (значении многократности), как в примерах (13)–(14), но и в актуально-длительном значении, см. (15)–(16).

- (13) *Поэтому миску никогда не убирали и только время от времени досыпали в нее свежего корма¹⁷.*
- (14) *По временам Аннушка, завтракавшая и обедавшая в девичьей, вместе с женской прислугой, отливала в небольшую чашку людских щец, толокна или кулаги и, крадучись, относила под фартуком эту подачку «барышням»¹⁸.*
- (15) *Бежала с ребенком на руках (бывший ребенок – Людмила Андреевна – как раз сейчас подливает мне в чашку душистого чаю), прыгнула в поезд и уехала без средств, без документов¹⁹.*
- (16) *Но она послушила, она видит, чего от нее ждет отец и, отпивая чаю, говорит: – Да уж, конечно, в своем-то доме лучше²⁰.*

Пары глаголов комплетивно-партитивного и отделительно-партитивного способов действия, а также упомянутые выше кумулятивные глаголы с префиксом *на-* (см. примеры (10)–(12)) демонстрируют сходства в семантике видового противопоставления. Глагол СВ в таких парах глаголов не указывает на достижение естественного предела. Ю. С. Маслов выделял в отдельную группу пары глаголов, обозначающих ситуации, для которых «нет возможности выделить “критическую точку”, знаменующую переход к новому состоянию, границу, отделяющую новое состояние от старого» [9: 86] (для обозначения видовых пар с указанным типом семантического соотношения также используются термины «градативы» [10] или «градационные пары» [6]).

4. Глаголы с суффиксом *-ну-*

В МАС зафиксировано 15 глагольных лексем с суффиксом *-ну-*, для которых в грамматическом комментарии дается указание на возможность употребления формы родительного падежа в позиции прямого дополнения, при этом 4 лексемы являются бесприставочными (*плеснуть*, *тянуть* ‘выпить’, *хлебнуть* ‘выпить’, *хлебнуть* ‘испытать’), в то время как 11 лексем содержат в своем составе префикс (в шести случаях наблюдается пересечение с рассмотренными выше группами глаголов с префиксом *от-*: *отплотнуть*, *отплеснуть*, *отрыгнуть*, *отхлебнуть*, *отчерпнуть* и *при-*: *прихлебнуть*). Все без исключения префиксальные глаголы данной группы, согласно МАС, соотносятся с образованными путем вторичной имперфективации при помощи суффиксов *-ыва-/ива-* (с одновременным отпадением семельфактивного суффикса *-ну-*) глаголами НСВ. Примеры употребления родительного падежа были обнаружены при большей части вторичных имперфективов, см., например, (17). Исключение составляют глаголы *отрыгивать* (от *отрыгнуть*) и *счерпывать* (от *счерпнуть*), при этом для соответствующих им глаголов СВ также не удалось обнаружить примеры употребления с родительным падежом (кроме приведенного в МАС примера для *отрыгнуть*: Волк-

самец должен непременно в добавку к молоку отрыгнуть маленькому своей пищи, содержащей солянную кислоту. М. Пришвин, Золотой рог).

- (17) *Костя захлебывает воды – вода пресная, из Азовского моря²¹.*

Бесприставочные имперфективные глаголы способны к употреблению с родительным партитивным в гораздо меньшей степени. В исследуемых источниках удалось обнаружить соответствующие примеры только для глагола *хлебать*, используемого в качестве замены перфективного глагола *хлебнуть* в контекстах нейтрализации видового противопоставления, то есть в значении многократности, см. (18), и настоящем историческом, см. (19).

- (18) *Мы сопротивлялись, хлебали воды, нас выворачивало, и мы отказывались учиться дальше, плыли саженками, высоко вытягивая голову²².*
- (19) *…сначала птичка какает на мужичка, потом мужичек хлебает ред була, у него вырастают крылья, и он какает на птичку²³.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные данные об употреблении родительного партитивного при имперфективных глаголах показывают, что степень использования данной падежной формы как средства оформления прямого дополнения зависит от ряда факторов. Так, очевидно, что в большинстве случаев фиксируемая доля глаголов НСВ, демонстрирующих примеры генитивного управления, коррелирует с уровнем имперфективируемости, который характерен для морфологической группы. Отклонение от данной тенденции (как, например, в случае делимитативного СД) может объясняться характером семантического соотношения в видовой паре. С семантикой видового противопоставления также связана способность ряда глаголов НСВ управлять формой родительного партитивного при употреблении в актуально-длительном значении, для которого в литературе постулируется запрет на сочетаемость с родительным падежом. Кроме того, можно предположить, что способность к оформлению прямого дополнения родительным партитивным чаще сохраняется у имперфективных коррелятов глаголов СВ, обладающих такой способностью, при условии что видовая пара является суффиксальной, то есть глагол НСВ образован путем суффиксальной имперфективации от глагола СВ, и при этом оба глагола являются префиксальными. Это обстоятельство может служить дополнительным аргументом в пользу признания суффиксальных видовых пар центральным и, возможно, единственным истинным случаем видовой парности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пример из НКРЯ: Сергей Кондратьев. Выходной (2003) // Интернет-альманах «Лебедь». 05.19.2003.
- ² Пример из НКРЯ: Алексей Слаповский. Синдром Феникса // Знамя. 2006.
- ³ Пример из НКРЯ: Василий Гроссман. Жизнь и судьба. Часть 2 (1960).
- ⁴ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М.: АН СССР, Институт русского языка, 1981–1984 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas> (дата обращения 25.06.2020).
- ⁵ Национальный корпус русского языка (2003–2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 25.06.2020).
- ⁶ В столбцах «СВ с род. партитивным (НКРЯ)» и «НСВ с род. партитивным (НКРЯ)» таблицы приводятся данные о количестве лексем, для которых в НКРЯ фиксируется по крайней мере одно употребление с дополнением в форме родительного падежа в основном подкорпусе НКРЯ. При дальнейшем семантическом анализе для глаголов, демонстрирующих менее пяти случаев генитивного управления в НКРЯ, проводится дополнительный поиск примеров по рунету. Вопрос о возможных диахронических изменениях в употреблении глаголов НСВ и, в частности, в способности конкретных глагольных лексем к сочетанию с родительным партитивным остается за пределами рассмотрения на данном этапе исследования.
- ⁷ Пример из НКРЯ: А. П. Чапыгин. Разин Степан (1927).
- ⁸ Пример из НКРЯ: Майя Кучерская. Современный патерик: чтение для впавших в уныние (2004).
- ⁹ Пример из Интернета: <https://klimenkoam.livejournal.com/6221.html>.
- ¹⁰ Пример из Интернета: <https://books.google.ru/books?id=xQNjDwAAQBAJ>.
- ¹¹ Romanova E. Constructing Perfectivity in Russian: Ph. D. dissertation. University of Tromsø. Tromsø, 2006. Р. 30.
- ¹² Пример из НКРЯ: Б. К. Зайцев. Аграфена (1908).
- ¹³ Пример из НКРЯ: А. Д. Скалдин. Странствия и приключения Никодима Старшего (1917).
- ¹⁴ Пример из НКРЯ: Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // Волга. 2010.
- ¹⁵ Пример из НКРЯ: Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 3) (1989).
- ¹⁶ Пример из Интернета: <https://otvetme.ru/rastenia/question/pochemu-ptency-kykyshki-vyvodiatsia-i-rastyt-v-chujih-gnezdah>
- ¹⁷ Пример из НКРЯ: М. С. Аромштам. Мохнатый ребенок (2010).
- ¹⁸ Пример из НКРЯ: М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошхонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошхонского дворянина (1887–1889).
- ¹⁹ Пример из НКРЯ: Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000).
- ²⁰ Пример из НКРЯ: Алексей Слаповский. Не сбылась моя мечта (1999).
- ²¹ Пример из Интернета: [https://ru.wikisource.org/wiki/Сильнее_смерти_\(Ставский\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Сильнее_смерти_(Ставский)).
- ²² Пример из НКРЯ: Александр Ильинский. Перс (2009).
- ²³ Пример из НКРЯ: Рекламные ролики на TV (2007).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М.: Азбуковник, 2001. 319 с.
2. Гробова Е. В. Заметки о видеообразовании русского глагола и словоизменительной vs. словоклассифицирующей трактовке русского вида // Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 10. № 3. СПб.: Наука, 2014. С. 181–211.
3. Гробова Е. В. Русское видеообразование: словоизменение, словоклассификация или набор квазиграммем? (еще раз о болевых точках русской аспектологии) // Вопросы языкоznания. 2017. № 1. С. 24–52. DOI: 10.31857/s0373658x0000947-0
4. Гробова Е. В. К ограничению на имперфективацию: имперфективируются ли русские глаголы перфективных способов действия? // Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 98–115.
5. Гробова Е. В., Чуйкова О. Ю. Способы действия русского глагола и вторичная имперфективация (на примере приставочных групп глаголов на *по-*, *про-*, *у-*) // Взаимодействие аспекта со смежными категориями: Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов (Санкт-Петербург, 5–8 мая 2020 года). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020. С. 136–148.
6. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000. 226 с.
7. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. I–II. М.: Языки славянской культуры, 2003. 880 с.
8. Карцевский С. Вид // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 218–230.
9. Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкоzнание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
10. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

11. Пазельская А. Г., Татевосов С. Г. Отглагольное имя и структура русского глагола // Плунян В. А., Татевосов С. Г. (отв. ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 348–379.
12. Томмоля Х. Аспектуально-значимые способы действия. К реабилитации чистоты пары // Humaniora: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте. Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 2008. С. 218–232.
13. Федотов М. Л., Чуйкова О. Ю. К определению аспектуального значения лимитатива и вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола // Из прошлого в будущее: Сб. статей и воспоминаний к 100-летию проф. Ю. С. Маслова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. С. 153–203.
14. Чуйкова О. Ю. Об особенностях вторичной имперфективации глаголов с префиксом *по-* в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной междунар. конф. «Диалог» (Москва, 17–20 июня 2020 г.). 2020. Вып. 19 (26). С. 160–176. DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-160-176
15. Шатуновский И. Б. Проблемы русского вида. М.: Языки славянских культур, 2009. 352 с.
16. Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 272 с.
17. Paducheva E. V. On non-compatibility of partitive and imperfective in Russian // Theoretical Linguistics. 1998. Vol. 24. № 1. P. 73–82.
18. Wierzbicka A. On the semantics of the verbal aspect in Polish. To honor Roman Jakobson. The Hague; Paris: Mouton, 1967. P. 2231–2249.

Поступила в редакцию 25.08.2020; принята к публикации 19.02.2021

Original article

Oksana Yu. Chuikova, Cand. Sc. (Philology), Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-0626-3410; ochuikova@herzen.spb.ru

THE USE OF IMPERFECTIVE VERBS WITH GENITIVE PARTITIVE IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The paper presents the results of the study aimed at verification of traditional views on the use of the genitive case with partitive semantics alongside imperfective verbs in the Russian language. According to a widespread opinion, the use of genitive partitive with imperfective verbs is either forbidden or restricted to the contexts where the aspectual opposition is neutralized. The author used the data from the Russian National Corpus and the Russian-language Internet to analyze the use of imperfective aspectual partners of perfective verbs with the prefixes *по-, на-, под-, при-, до-, от-* and the suffix *-ну-*. It was found that imperfective verbs both in trivial and progressive meanings can be used with genitive objects. The level of compatibility of imperfective verbs and the genitive partitive case depends on the semantics of aspectual opposition and morphological means of the aspectual formation. Most imperfective verbs used with the genitive object are derived from prefixed perfective verbs by the means of suffixal (or secondary) imperfectivization.

Keywords: Russian language, verbal aspect, direct object, genitive partitive, Aktionsarten, secondary imperfectivization

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (project No 19-312-60006 “Direct object and aspectual features of the Slavic verb”).

For citation: Chuikova, O. Yu. The use of imperfective verbs with genitive partitive in the Russian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):55–62. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.601

REFERENCES

1. Glovinskaya, M. Ya. Polysemy and synonymy in the tense-aspect system of the Russian verb. Moscow, 2001. 319 p. (In Russ.)
2. Gorbova, E. V. Notes on the Russian verb aspect formation and the inflectional vs. derivational interpretation of the Russian verb aspect. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2014;10(3):181–211. (In Russ.)
3. Gorbova, E. V. Aspectual formation of Russian verbs: inflection, derivation, or a set of quasigrammemes? (“Sore points” of Russian aspectology revisited). *Topics in the Study of Language*. 2017;1:24–52. DOI: 10.31857/s0373658x0000947-0 (In Russ.)
4. Gorbova, E. V. The restriction on imperfectivization: are Russian verbs of perfective Aktionsarten imperfectivable? *Collection of articles commemorating the 85th anniversary of V. S. Khrakovskiy*. Moscow, 2019. P. 98–115. (In Russ.)

5. Gorbova, E. V., Chuikova, O. Yu. Aktionsarten and the secondary imperfectivation (the case of *po*-, *pro*-, *u*-verbs). *Proceedings of the 7th International Aspectological Conference “Interrelation Between Aspect and Related Categories”, May 5–8, 2020*. St. Petersburg, 2020. P. 136–148. (In Russ.)
6. Zaliznyak, A. A., Shmelev, A. D. Introduction to the study of Russian aspect. Moscow, 2000. 226 p. (In Russ.)
7. Isachenko, A. V. Comparison of Russian and Slovak grammar systems. Morphology. Parts I–II. Moscow, 2003. 880 p. (In Russ.)
8. Kartsevskiy, S. Aspect. *Issues of verbal aspect*. Moscow, 1962. C. 218–230. (In Russ.)
9. Maslov, Yu. S. Selected works. Aspectology. General linguistics. Moscow, 2004. 840 p. (In Russ.)
10. Paducheva, E. V. Semantic studies: Semantics of tense and aspect in the Russian language. Semantics of the narrative. Moscow, 1996. 464 p. (In Russ.)
11. Pazel'skaya, A. G., Tatevosov, S. G. Verbal noun and the structure of the Russian verb. *Verbal derivation research*. (V. A. Plungyan, S. G. Tatevosov, Eds.). Moscow, 2008. P. 348–379. (In Russ.)
12. Tommola, H. Aspectually significant Aktionsarten. Towards the rehabilitation of the pair purity. *Humaniora: Lingua Russica. Works on Russian and Slavic philology. Linguistics XI. Pragmatic and functional aspect of language*. Tartu, 2008. P. 218–232. (In Russ.)
13. Fedotov, M. L., Chuikova, O. Yu. The definition of limitative aspectual meaning and the features of “delimitative” verbs in Russian. *From the past to the future. Collection of articles and memoirs commemorating the 100th anniversary of Professor Yu. S. Maslov*. St. Petersburg, 2013. P. 153–203. (In Russ.)
14. Chuikova, O. Yu. On the secondary imperfectivation of *po*-perfectives in Russian. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue”*. 2020. Issue 19 (26). P. 160–176. DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-160-176 (In Russ.)
15. Shatunovskiy, I. B. Problems of the Russian aspect. Moscow, 2009. 352 p. (In Russ.)
16. Shelyakin, M. A. The category of aspectuality of the Russian verb. Moscow, 2008. 272 p. (In Russ.)
17. Paducheva, E. V. On non-compatibility of partitive and imperfective in Russian. *Theoretical Linguistics*. 1998;24(1):73–82. (In Russ.)
18. Wierzbicka, A. On the semantics of the verbal aspect in Polish. To honor Roman Jakobson. The Hague; Paris, 1967. P. 2231–2249.

Received: 25 August, 2020; accepted: 19 February, 2021

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-9291-1781; ma-cher@yandex.ru

СЕРИАЛЬНОСТЬ ПРОЗЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ: К ВОПРОСУ О НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

А н н о т а ц и я. Рассматриваются феномены современного литературного сериала и романа-буриме как особые жанровые экспериментальные площадки. Жанровая проблема – одна из центральных в поэтике сериализации. Сериальность является показательной практикой нормирования и продвижения артефактов культуры, она связана с многократным воспроизведением и вариативностью транслируемых смыслов. Феномен сериальности активизирует читательскую деятельность и обновляет отношения «читатель – автор». Тексты, написанные в разные эпохи, представляют больший интерес для «экспресс-анализа» идиостиля писателя, для самих же авторов, судя по приведенным в статье эксклюзивным интервью, являются литературной игрой и возможностью для апробации текстов, которые позже становятся самостоятельными произведениями. В статье доказывается, что сериальность как практика нормирования и продвижения артефактов культуры общества массового потребления, связанная с многократным воспроизведением и вариативностью транслируемых смыслов и, что важно, ориентированная на коллективное творчество, может быть проиллюстрирована возрождением «старого» жанра романа-буриме.

К л ю ч е в ы е с л о в а: современная массовая литература, литературный сериал, роман-буриме, жанровый эксперимент, сериальность

Б л а г о д а р н о с т и. Автор статьи благодарит писателей за подробные ответы на вопросы.

Д л я ц и т и р о в а н и я: Черняк М. А. Сериальность прозы цифровой эпохи: к вопросу о новых тенденциях литературного процесса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 63–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.602

ВВЕДЕНИЕ

Стало уже обычным явлением говорить о том, что место романов XIX века или кино века XX сегодня занимают сериалы, предлагающие

«массированную иллюзию реальности, вкрадчивое погружение в вымышленную жизнь, мерную ритмически организованную композицию, чередование нарративной активности и темпераментных всплесков, океан занимательных подробностей и море интересных лиц» [4].

Сериалы как непродолжительный кусок большого нарратива ученые называют ключевой формой современной культуры, *новой драмой*, *новым кино* и *новым романом*. «Формат сериала удобно ложится на структуру жизни современного человека и укладывается в ритм повседневности» [8: 62].

Можно согласиться с утверждением А. Хитрова о том, что сериалы – это

«важнейшая культурная форма современности, которая предлагает образцы поведения, набор эмоци-

ональных реакций, и именно поэтому ее очень интересно и важно изучать. Потому что через изучение сериалов можно понять, как воспроизводятся общественные отношения в нашей культуре» [16].

Неслучайно в последнее время вышли серьезные исследования этого феномена: книги А. Павлова «Престижное удовольствие. Социально-философские интерпретации “сериального взрыва”» [9] и А. Архиповой и Е. Неклюдовой «Эпоха сериалов. Как шедевры малого экрана изменили наш мир». Авторы последней книги отмечают:

«Следуя рекомендациям Г. Дженкинса, мы стараемся занять позицию “акафанов”, то есть исследователей и одновременно – фанатов, пропускающих свой собственный опыт, свое постыдное (на самом деле, как мы уже выяснили, престижное) удовольствие сквозь машину производства смыслов и интерпретаций» [1].

Уже не раз было отмечено, что в массовом увлечении сериалами очевидна тяга к большой форме:

«На фоне сумасшедшего потока информации, членного на небольшие фрагменты, современный человек тянется к устойчивой рамке, которую задает сериал. С одной стороны, сериалы обеспечивают постоянство, с другой – вариации внутри этой рамки. Сериал дает возможность подольше задержаться в полюбившемся художественном мире. В то же время важно, что сериал – открытая форма» [7: 12].

* * *

В разгар пандемии, в период резкого снижения издания и продаж бумажных книг, компания «ЛитРес», лидер рынка электронных и аудиокниг в России и странах СНГ, запустила новый формат своего контента – *литературные сериалы*. Это по сути формат веб-новеллы, имеющей большую популярность в Китае и Корее и являющейся аналогом телевизионных сериалов: раз в неделю публикуется новая глава, оканчивающаяся на самом интересном месте и подразумевающая продолжение истории. Примерами литературных сериалов можно считать «Пост» Д. Глуховского и «Просто Маса» Б. Акунина на Storytel Original, романы О. Роя, М. Трауб, А. Чижка, Е. Ветровой и М. Яскол на ЛитРес и др.

«Сериал, его ответвления, продолжения – по самой своей природе интерактивны. Его фрагментарность вызывает когнитивную активность по выстраиванию целостности и связности не только сюжета, но и всей строящейся картины реальности, ее детализации. <...> Сериал порождает более интенсивную реальность, пре-восходящую интенсив реальности» [13: 40], –

эти слова Г. Тульчинского во многом объясняют специфику проекта ЛитРеса. Книжные сериалы, написанные специально для платформы, выходили еженедельно одновременно в электронной и аудиоверсии. Такой вариант предлагал читателям доступ к книге еще в процессе ее создания (показательно, что на сайте подчеркивалось: роман – это черновик, а писатель пишет его прямо сейчас). О. Рой, автор романа-сериала «Будем как боги», о своем восприятии сериального формата книги сказал следующее:

«Главное преимущество в том, что я держу руку на пульсе – и реальных событий, и реакции читателей. И, если первое, в основном, нужно для того, чтобы убедиться, что события развиваются именно так, как ты себе и представлял, то второе куда важнее, ведь именно читатель – тот человек, для которого и пишется эта книга. Я хочу, чтобы ему было интересно, мне нравится узнавать его мысли, его идеи»¹.

Сериал – это живой жанр сегодняшнего дня, он идеально вписывается в «культурную рамку, окружающую современного человека, и поэтому легко встраивается в его быт (и бытие) где-то между ток-шоу и социальной сетью»

[6]. Авторы проектов ЛитРеса явно апеллируют к особому типу сериального мышления, которое в значительной степени опирается на визуальную коммуникацию в отличие от прошлых типов мышления, опиравшихся на вербальные коммуникации. Г. Почепцов, характеризуя сериальное мышление, видит в нем

«сильную системность, во многом сходную с системностью доклипового мышления. Клиповое и сериальное мышление имеют важную общую черту – их матрицы выстраиваются не на рациональной, а на эмоциональной основе» [10].

Вводя для описания современных тенденций термин «конвергентная культура», американский теоретик медиа и исследователь современной культуры Генри Дженкинс исходит из того, что

«конвергенция представляет собой своего рода культурный сдвиг, предполагающий активное вовлечение потребителей в поиск новой информации и установление новых взаимосвязей между разрозненным медиаконтентом» [5].

Возможно, проект ЛитРеса можно рассматривать с точки зрения «культуры соучастия», по Г. Дженкинсу,

«в рамках которой фанаты и другие пользователи приглашаются к активному соучастию в создании и распространении нового контента» [5].

В теории конвергентной культуры важно понимание, что «основная цель сериалов – формирование поддержки множества уровней вовлеченности» [5: 128]. Так, писательница Мария Трауб призналась, что ее проект «Полное оZOOMление» оказался настоящей профессиональной радостью:

«Во-первых, потому что книжный сериал – новый формат не только для меня, но и для читателей. Во-вторых, я вернулась к любимой теме – описанию будней своей семьи. С начала самоизоляции я начала собирать материал, точнее, он сам шел в руки: дистанционные уроки дочки, родительские собрания онлайн, рабочие конференции – мои и мужа. Любое замкнутое пространство, в котором живут персонажи, – идеальная драматургическая «рамка»»².

Можно с уверенностью предположить, что когда будет подробно анализироваться социокультурная ситуация пандемии-2020 (исследования нового жанра «корона-драма» уже появляются), наверняка возникнет вопрос о всплеске интереса к сериальному формату.

У. Эко, предлагавший использовать термин «серийность» как очень широкое понятие или как синоним «повторительного искусства», говорит о важности роли читателя так:

«Любой текст предполагает и всегда создает двойного образцового читателя (наивного и искушенного читателя). Первый пользуется произведением как семантической машиной и почти всегда он – жертва стратегии автора, который ведет его потихоньку через последовательность предвосхищений и ожиданий; второй воспринимает произведение с эстетической точки зрения и оценивает стратегию, предназначеннную для образцового читателя первой степени. Читателю второй степени импонирует “сериальность” серии не столько по причине обращения к одному и тому же (обстоятельство, которого не замечает наивный читатель), сколько благодаря возможности вариации. Иначе говоря, ему нравится сама идея переделать произведение таким образом, чтобы оно выглядело абсолютно по-другому» [17].

В этом контексте заслуживает внимания эксперимент автора детективов Антона Чижка, который создал в рамках книжного сериала свой «поджанр» сториз-детектив «Тroe в карантине и другие неприятности». Он и авторы команды «Антон Чиж Book Producing Agency» Марта Яскол и Евгения Ветрова придумали трех героинь, трех подруг, которые находятся в карантине в разных городах мира. Варвара Ванзарова, внучка сериального героя Антона Чижка, оказалась в начале пандемии в Болонье. Кира Богданова, героиня Марты Яскол, с детства мечтала играть в театре, когда ее мечта исполнилась и она попала на гастроли в Италию, то пандемия нарушила ее планы. Теперь вместе с труппой актеров она оказалась в обсерваторе под Саратовом, и неизвестный убийца быстрее, чем опасная болезнь, принялся уничтожать артистов. Для героини Евгении Ветровой, блогерши Анастасии Коржуевой, самой большой неприятностью в жизни был сломанный ноготь и размазанный макияж. Теперь же, вернувшись из Милана в Москву, она вынуждена провести в карантине две недели.

А. Чиж, играя роль не только соавтора, но и продюсера проекта, настаивает на том, что это совсем не роман-буриме, в нем нет случайностей. Отвечая на вопрос автора статьи, писатель объяснил свой эксперимент так:

«Если традиционная форма – пролонгированная история, то мы предложили другую форму: сменяющиеся авторы с единными героями, а их героини – подруги. Сюжетные установки у авторов были единые: все происходит сейчас, в условиях закрытых границ и карантина, т. е. в замкнутом пространстве, героини – подруги, но они не встречаются друг с другом. Смысл в том, чтобы каждую неделю включиться в разные литературные игры. Это и есть почти журналистская литература, стоприс. Причем важно, что мы ориентировались на три типа читателей: Варвара – сложная и интеллектуальная героиня, Ира – обычный средний человек, Настя – совсем “простая” барышня. Отличие заключается в том, что это пульсирующая структура. Можно начать читать с любой серии, поэтому здесь нет спойлеров».

Безусловно, практика публикации большого по объему художественного произведения «частями» возникла в книгоиздании давно. Романы практически всех русских классиков XIX и XX веков впервые печатались главами и частями в литературных журналах. Можно предположить, что сегодня «сериальность» некоторых проектов создается искусственно: нет никаких препятствий для издания книги сразу в полном объеме, однако здесь очевидно ставка делается на читателя, роль которого возрастает (рекламный слоган «роман-черновик пишется сейчас» – один из издательских мифов).

Сериал стал тем форматом, в котором

«драматургическое как таковое нашло свою идеальную форму. Существует огромный и предельно непохожий набор тем, сюжетов, стилей и манер. Это не статичная, а динамично – из года в год – обновляемая система: создатели сериалов переставляют и видоизменяют характеристики персонажей, придумывают новые сюжетные повороты. Возникают целые миры, в которых множество персонажей встречаются, расстаются, пересекаются, вступают в конфликтные связи, предъявляя тем самым ту или иную точку зрения на окружающую реальность» [15], –

эти размышления Т. Хакимова о природе современного сериала могут быть абсолютно применимы к «литературным сериалам», апробированным ЛитРесом. Однако пока рано говорить о жанровых трансформациях современного романа, но с очевидностью можно обнаружить новые издательские и писательские стратегии.

Сериальность как практика нормирования и продвижения артефактов культуры общества массового потребления, связанная с многократным воспроизведением и вариативностью транслируемых смыслов и, что важно, ориентированная на *коллективное творчество*, может быть проиллюстрирована возрождением «старого» жанра *романа-буриме*. Жанровая проблема является одной из центральных в поэтике сериализации.

Off-современное (по С. Бойм [3]) отражение предполагает изучение боковых возможностей проекта критической современности. Можно предположить, что такой «боковой возможностью» трансформации романа XXI века в условиях «сериальности» стал роман-буриме. Игра в буриме, требующая от участников находчивости и версификаторского остроумия и в разные периоды литературной истории бывшая в моде (можно вспомнить Александра Дюма, который организовал в 1854 году конкурс буриме и опубликовал произведения 350 его участников), обретает в XXI веке новое звучание.

В ХХ веке было несколько заслуживающих внимания романов-бури. Один из них – роман «Большие пожары», идея написания которого возникла в 1926 году у главного редактора журнала «Огонек» М. Кольцова. К участию были приглашены 25 писателей (А. Грин, Л. Леонов, И. Бабель, К. Федин, А. Толстой, М. Зощенко и др.). Замысел «первого коллективного романа СССР» был описан следующим образом:

«Каждым из участников романа будет написана одна глава, причем замысел, фабула и герои романа являются едиными. Таким образом, «Огонек» создаст единственный в своем роде художественный документ (выделено мною. – М. Ч.), в котором будут сосредоточены особенности стиля и характер творчества всех ныне существующих литературных групп в лице их виднейших представителей»³.

Действие романа происходит в южном советском городе Златогорске, в котором вспыхивают загадочные пожары, природу возникновения которых расследуют герои.

В 1964 году В. Катаев, Ю. Казаков, В. Аксенов, В. Войнович, Ф. Искандер, Г. Владимов и др. создали роман-бури «Смеется тот, кто смеется». Детективно-сатирическая интрига о Васильчикове разворачивалась на протяжении десяти номеров московской газеты «Неделя». Интересно, что продолжение зависело от воли последующего автора, которого определяли согласно жребию. Во введении к роману был любопытно представлен «коллективный автор», который

«рождался десятикратно, между 1896 и 1935 годом. Он исхитрился учиться в прославленной первой Одесской гимназии и, несмотря на все это, ходить в малышовую группу детсадика имени Артема в Донецке, щеголять в обольстительной форме суворовца»⁴.

В 1968 году в детском журнале «Костер» стала выходить коллективная фантастическая повесть-бури «Летающие кочевники». Авторами стали А. и Б. Стругацкие, Г. Гор, О. Ларионова, А. Томилин и др. Первая глава, определяющая сюжет повести, была написана Стругацкими на основе созданного ими рассказа «Дикие викинги». Предварили свой эксперимент писатели следующими словами:

«Вдвоем фантастику писать можно, знаем по собственному опыту. А втроем?.. А вдесятером?.. Одна голова – хорошо, две – лучше, а десять, наверно, еще лучше? Правда, говорят, что у семи нянек дитя без глазу, но мы надеемся, что это не про нашу коллективную повесть»⁵.

Использование в коллективном романе-бури «заготовок» или, напротив, существование текста в дальнейшем как самостоятельного говорит о романе-бури как о некоей эксперименталь-

ной площадке. Показателен следующий пример: в 2004 году главный редактор саратовской газеты «Новые времена» Сергей Боровиков предложил сочинить коллективный авантюрный роман «Долг платежом зелен», в котором приняли участие В. Войнович, А. Слаповский, Р. Арбитман и др. Р. Арбитман в ответе на вопрос автора статьи комментирует свое участие так:

«Когда мне предложили участвовать в проекте, у меня в голове уже крутился сюжет рассказа об учительнице – законспирированном спецагенте. И поскольку я был почти в самом начале, когда свободы было еще много, я вписал уже придуманный текст в этот роман-бури, чуть-чуть его закамуфлировав, чтобы связать с предыдущими кусками. Будь я ближе к финалу, пришлось бы уже идти на поводу у других авторов. Потом я безболезненно смог публиковать «свою» главу в качестве самостоятельного рассказа «Баба Ксюча». Правда, мой сюжет остальные авторы почти проигнорировали – вернее, обогнули его и пошли дальше. Конечно, это было баловство – и чем дальше, тем сильнее все валяли дурака. Тем более что профессиональных писателей среди участников было немного, а монстр только один – Войнович».

Абстрагированность от собственного текста, некое автоматическое письмо, присущее массовой литературе, можно было обнаружить и в первом интернет-романе Романа Лейбова «Роман», в создании которого мог принять участие любой пользователь. Сам читатель выбирал варианты развития сюжета, ходы ассоциаций, отсылок, то есть включался в процесс развития разветвленного другими романного дерева. Человек читающий в системе массовых коммуникаций превращается в человека участвующего, человека пишущего. Показателен в этом отношении эксперимент Макса Фрая с его «Идеальным романом» (1999). Книга составлена исключительно из последних абзацев произведений различных жанров (авантюрного романа, женского романа, криминального чтива, фантастики, фэнтези, исторического романа и др.).

В 2012 году так называемые новые реалисты (Г. Садулаев, Д. Новиков, И. Абузяров, Н. Рубанова, Е. Сафонова, С. Шаргунов, И. Мамаева и др.) были приглашены журналом «Урал» для создания романа-бури «Шестнадцать карт». Г. Ароцес, комментируя публикацию романа, признался:

«Это, безусловно, не шедевр словесности. Одним резко бросится в глаза различие стилей и писательского опыта соавторов. Другим не понравится трактовка темы. Третьим – что-либо еще. Ничего не поделаешь – великие творения не пишутся вшестнадцатером. Зато благодаря «Шестнадцати картам» можно убедиться сразу как минимум в том, что молодая российская литература обладает неплохим резервом и что есть еще люди, готовые работать за голую идею»⁶.

Участник проекта Е. Сафонова назвала один из важных итогов появления романа:

«Потомки получили исторический источник по состоянию русского литпроцесса начала XXI века – имена, темы, сюжет, фразеология, даже возможность “каолинии” авторов не только ради коммерческого продукта, но и ради чистой забавы. Многое в “Шестнадцати картах” характерно для нашей эпохи – прежде всего, выбор темы, главного героя, а также ряд сюжетных “наворотов”. По ним когда-нибудь можно будет изучать “массовые требования” читателя XXI века» [11].

Сериалы, предлагающие новые формы нарратива, становятся символом новой культуры, возникающей на фоне кризиса привычных форматов, это масштабный феномен, выявляющийся на пересечении *новых и старых медиа*. Показательно, что все приведенные выше романы-бурины публиковались в журналах и выходили как «книжный сериал».

Роман-бурины «#12 Война и мир в отдельно взятой школе» возник сразу в интерактивном виде (каждая новая глава появлялась на сайте) и является примером существования жанра в условиях новых медиа. Авторы проекта вдохновились идеей романа «Большие пожары» 1927 года, опубликованного Д. Быковым в 2009 году, однако задачу преследовали другую:

«Нам кажется, что подобный “серийный” формат со сквозными персонажами и непредсказуемым сюжетом “подогреет” интерес детей к чтению, и они с нетерпением будут ждать продолжения истории, чтобы скорее узнать, что же случится с полюбившимися героями дальше» [7].

Состав привлеченных авторов очень разнообразен (Д. Драгунский, Д. Быков, Э. Веркин, Н. Дашевская, А. Гиваргизов, В. Бочков и др.). Старшеклассники гимназии № 12 им. Бернарда Шоу, или попросту «Двенадцати», встречаются на вечеринке у Ани Шергиной. Впереди – счастье летних каникул. Но до легкости ли бытия, если Калачевский квартал, где живут многие ребята, сносят ради строительства бизнес-центра, а значит, друзьям придется менять не только место жительства, но и школу. И самое прямое отношение к новой стройке имеет Павел Николаевич Шергин, пapa Ани Шергиной. Популярная культура становится одним из главных мест сражений, благодаря которому подростки заявляют о своей независимости. Этот роман-бурина выполняет еще и культуртрегерскую функцию и рассчитан на эффект узнавания и литературную игру не только с романом «Война и мир», но и со всей «школьной» классической литературой. Так, например, Д. Драгунский дает героям говорящие имена (Элен Курагина / Лёля Абрикосова, Пьер Безухов / Петя Безносов и др.).

«#12 Война и мир в отдельно взятой школе» повторяет архитектонику романа «Большие пожары»: номер главы, название главы, фамилия автора, рисунки к главам. Иллюстрации в обоих произведениях играют роль скреп: выполненные в едином стиле, они помогают создать у читателя ощущение целостности текста. На сайте проекта написано, что каждый автор, помимо самой главы, пишет подробный отчет для коллег, объясняя каждый сюжетный ход и действия героев. Интересно, что ни один из авторов не продолжает то, что написано до него: каждая глава добавляет новый виток сюжета, который зачастую больше запутывает действие. Смысловые мостики между главами, конечно, есть, но иногда возникают и неизбежные для коллективного романа нестыковки. Так, мама Ани стала бабкой, которая заговоривает «свищи и прыщи» (а еще она первоклассный гидролог, которая и нашла реку Стикс под Москвой), а потом оказалось, что про маму Ани все придумала ее одноклассница Оля Дайнен, обладающая даром словотворчества. Роман больше похож на коллекцию оригинальных завязок для детектива.

Один из кураторов проекта Анастасия Скорондаева в интервью автору статьи рассказала о возникновении сюжета следующее:

«Сюжет роману-бурине «#12 Война и мир в отдельно взятой школе» задал Д. Драгунский. Мы создали файл для нашего внутреннего пользования, где кратко описали сюжет и основных героев с характеристиками, которыми их наделил Драгунский. И этот файл передавали всем участникам, каждый оставлял там замечание для следующих участников проекта. Мы очень хотели “смешать” авторов разных жанров, сделать так, чтобы среди участников были и мэтры, и молодые писатели. Очередность выстраивали мы с моей коллегой Анной Хрусталевой. Конечно, авторы читали тексты друг друга и шпаргалку. На написание очередной главы мы давали две недели. Иногда нам хотелось сказать кому-то из писателей: обратите внимание, пожалуйста, на этого героя, не бросайте его; или попросить развить какую-то часть сюжета. Но мы этого не делали. Решили, что роман-бурина должен прожить свою жизнь, чтобы в нее вмешивались только писатели, а не кураторы и авторы идеи, ведь роман-бурина – это литературная игра».

А. Архипова и Е. Неклюдова в своем исследовании о сериалах много говорят о природе фанатского творчества:

«В современный фанатский дискурс обязательно входят “вглядывания”, поиск скрытого смысла, желание максимально приблизиться и погрузиться в самую суть любимого произведения, автора или феномена. Во второй половине XX века, с развитием массовой культуры и информационных технологий, позволяющих не только смотреть/слушать/читать, но и бесконечно

воспроизвести записанное, переживает бурный расцвет культура так называемых пасхалок или пасхальных яиц (англ. *Easter Eggs* – шутки, секреты, нарочно спрятанные в программе, на диске или в компьютерной игре)» [1: 22].

Любопытно, что «сериальность» романа-бурике «#12 Война и мир в отдельно взятой школе» подтверждается активным участием фанатов, которые прекрасно манипулируют с «пасхалками». Так, после публикации 21-й главы кураторам пришло письмо:

«Добрый день! Давно слежу за вашим проектом и очень захотела принять в нем участие. Решила рискнуть – отправляю уже написанную 22 главу. Не сочтите за дерзость. Понравится – публикуйте и ни о чем меня больше на спрашивайте. Не понравится – так тому и быть, останется мне на память. С приветом, Антонина Книппер» [7].

Эта литературная мистификация вошла в роман 22-й главой. На мистификацию намекает и Д. Быков в эпилоге романа, когда оказывается, что коллективный роман создан десятиклассниками, участниками литературного кружка Алексея Львовича Соболева. Создание романа – это проверка работоспособности литературоцентризма и способ остановить снос любимой школы. Соболев говорит своим ученикам:

«Ясно, что сегодня ничего нового не выдумаешь, и потому вы воспользовались матрицей “Войны и мира” – романа настолько же популярного, насколько и позабытого <...>. В вашей книге есть все приметы современного романа, успешного ровно настолько, чтобы его прочитали и на другой день забыли»⁷.

Эпилог романа-сериала создавался практически по сценарию В. Беньямина, давно предупреждавшего, что «читатель в любой момент готов превратиться в автора» [2: 44]. Его написали юные читатели, победители Всероссийского литературного конкурса «Класс!» Н. Канунников и А. Никоноров:

«Мерцали фонари, гирлянды, которые висят здесь круглый год, и звезды. Мерцали глаза прохожих, каждый из которых точно помнит свое далекое детство и знает, что никогда в него уже не вернется. Но дайте кому-нибудь из них листок, ручку, и скажите: “Пиши!”, – он бы тут же написал о своих юношеских подвигах книгу. А может и не одну. Не верите? Спросите любого» [7].

Представляются интересными размышления писателей об участии в романе-бурике «#12 Война и мир в отдельно взятой школе» (для всех это был первый опыт создания коллективного романа), которыми они поделились с автором статьи. Так, известная детская писательница Нина Дашевская призналась, что быть внутри процесса значительно интереснее:

«Каждый закидывает несколько удочек, а срабатывает потом далеко не все. Когда писатель создает свой текст, он увязывает все концы, в коллективном романе это невозможно, поэтому ожидать литературного шедевра от такой работы сложно. Это эксперимент».

Валерий Бочков, автор серьезных романов для взрослой читательской аудитории, сравнил свою работу с созданием телевизионного сериала:

«Роман-бурике в больше степени игра в литературу, чем литература как таковая. Я сторонник крепкого сюжета, который при коллективном творчестве просто невозможен. Сравнение с джазом будет уместным: когда после формирования мелодии каждому музыканту дают возможность импровизации. Как и в музыке, тут нужно наслаждаться процессом, результат не так важен. Элемент соперничества тоже помогает, в таком формате становится очевидным если не талант, то уж точное владение ремеслом».

Для молодого писателя Булата Ханова коллективный роман – это поиск жизнеспособных форм литературы,

«попытка преодолеть некую стагнацию, вырваться на новый простор и представить проект, который вписывается в новую действительность с ее демократическими инициативами: флешмобами, ридинг-группами, сквотами. Я воспринял собственное участие как вызов, как возможность включиться в новую цепочку».

Стремительно развивающаяся сюжетная линия, возможность возникновения боковых сюжетных линий и причудливого развития судьбы второстепенных героев характерны для романа-бурике. Однако эти тексты, написанные в разные эпохи, представляют больший интерес для «экспресс-анализа» идиостиля писателя, для самих же авторов, не привыкших работать в условиях «коммунальной квартиры», эта литературная игра часто является площадкой для апробации текстов, которые до или после становятся самостоятельными произведениями.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роман-бурике XXI века в его экспериментальном становлении заставляет вспомнить размышления У. Эко об *открытом произведении*. Эко считал, что в современном литературном процессе важен не традиционный автор, а модель автора, который создает текст, порождающий, в свою очередь, модель читателя, который должен быть готов к самостоятельному пониманию и интерпретации произведения. Изучение теории информации позволило Эко сделать вывод о том, что

«всякое отклонение от банального лингвистического кода влечет за собой новый тип организации, который предстает как неупорядоченный по отношению к исходной организации, но в то же время – как упорядоченный

в сопоставлении с параметрами нового дискурса... Современное искусство создает новую лингвистическую систему с ее собственными внутренними законами» [17: 200].

Знаки, коды и смыслы, элементы авторской «семиотической стратегии», указывающие на «двойное кодирование», наполняются конкретным содержанием именно в процессе акта чтения, а процесс и результат освоения произведения оказывается в сложных отношениях коммуникации между авторскими намерениями и результатами читательского восприятия. Наиболее экстремальную форму это сотрудничество принимает в произведениях, которые Эко называет *произведением-в-движении*

(*work-in-movement*). Думается, что этот термин вполне применим к литературным сериалам и романам-бурум, о которых шла речь. У. М. Тодд в своей книге «Социология литературы» высказывает важную мысль о том, что вопрос о значении для поэтики «серийных» художественных текстов «возникает в свете новых научных дисциплин, таких как теория восприятия, речевой анализ и лингвистика диалога, которые обратили внимание на роль “центробежных”, фрагментарных и незавершенных феноменов в литературном процессе» [24: 232]. Насколько это «сериальное» движение в истории литературы будет продолжительным, покажет время.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Рой О. Интервью [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://domashniy.ru/kino_i_serialy/oleg-roy-ya-ochen-lyubveobilyuy-chelovek/ (дата обращения 20.06.2020).
- ² Трауб М. «Полное оZOOMление»: будни простой российской семьи на карантине [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/starthere/masha-traub-polnoe-ozoomlenie-budni-prostoi-rossiiskoi-semi-na-karantine-5ed663b3b879e45002e99bfc> (дата обращения 19.08.2020).
- ³ Большие пожары [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://librebook.me/bolshie_pojary/vol2/1 (дата обращения 19.08.2020).
- ⁴ Смеется тот, кто смеется: Коллективный роман. М.: Эксмо, 2010. С. 3.
- ⁵ Летающие кочевники: Фантастическая повесть. М.: Salamandra P.V.V., 2014. С. 3.
- ⁶ Шестнадцать карт: как это случилось // Урал. 2012. № 1. С. 45.
- ⁷ Война и мир в отдельно взятой школе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://want2read.ru/roman-burime-12> (дата обращения 19.08.2020).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архипова А., Неклюдова Е. Эпоха сериалов. Как шедевры малого экрана изменили наш мир. М.: РИПОЛ классик, 2020. 474 с.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.
3. Бойм С. Будущее ностальгии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyy_zapas/89_nz_3_2013/article/10513/ (дата обращения 11.06.2020).
4. Генис А. Метемпсихоз. Сериал как загробная жизнь романа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/04/84172-metempsihoz> (дата обращения 15.08.2020).
5. Дженкин Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: РИПОЛ классик, 2019. 384 с.
6. Иванова Е. Формула любви // Октябрь. 2014. № 7. С. 110–116.
7. Кушнарева И. Как нас приучили к сериалам // Логос. 2013. № 3 (93). С. 9–20.
8. Павлов А. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М.: Изд. Дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 560 с.
9. Павлов А. Престижное удовольствие. Социально-философские интерпретации «сериального взрыва». М.: РИПОЛ классик, 2019. 350 с.
10. Почекцов Г. «Карточный домик»: как на смену клиповому мышлению приходит сериалное [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://hvlyla.net/analytics/society/kartochniy-domik-kak-na-smenu-klipovomu-myishleniyu-prihodit-serialnoe.html> (дата обращения 09.08.2020).
11. Сафонова Е. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://alyona-saphro.livejournal.com/58169.html> (дата обращения 19.07.2020).
12. Тодд У. М. Социология литературы: институты, идеология, нарратив. СПб.: Academic Studies Press / БиблиоРоссика, 2020. 352 с.
13. Тульчинский Г. Л. Факторы сериальности в массовой культуре и литературе // Культ-товары: Массовая литература современной России между буквой и цифрой: Сб. научных статей / Под ред. М. А. Черняк. СПб.: РГПУ, 2018. С. 38–50.
14. Усманова А. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. М.: Пропилеи, 2000. 189 с.
15. Хакимов Т. Инсталляция героя // Октябрь. 2014. № 7. С. 99–104.
16. Хитров А. «Сериалы – это ключевая форма современной культуры» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://postnauka.ru/talks/43769> (дата обращения 25.06.2020).

17. Эко У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Inn_Povt.php (дата обращения 19.08.2020).

Поступила в редакцию 03.12.2020; принята к публикации 08.02.2021

Original article

Maria A. Chernyak, Dr. Sc. (Philology), Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9291-1781; ma-cher@yandex.ru

SERIES IN PROSE: NEW TRENDS OF THE LITERARY PROCESS IN THE DIGITAL AGE

A b s t r a c t. The article deals with the modern literary series and the bouts-rimes novel phenomena as special platforms for genre experiments. The genre problem is one of the central ones in the poetics of serialization. Serialism is a prominent practice of rationing and promoting cultural artifacts, which is associated with multiple reproduction and variability of the transmitted meanings. The phenomenon of serialism activates readers and upgrades relationships between author and reader. Texts written in different epochs are more interesting for the “express analysis” of the writer’s idiom, however, according to the exclusive interviews presented in the article, the authors themselves see them as a literary game and an opportunity for testing texts which later become stand-alone works. The author suggests that the revival of the “old” bouts-rimes novel genre proves that the essence of literary serialism is to regulate and promote the artifacts of the mass consumption culture through ongoing replication and variation of broadcasted meanings.

Key words: contemporary mass literature, literary series, bouts-rimes novel, genre experiment, serialism

A c k n o w l e d g e m e n t s. The author expresses her gratitude to the interviewed writers for their elaborate answers.

F o r c i t a t i o n: Chernyak, M. A. Series in prose: new trends of the literary process in the digital age. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):63–70. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.602

REFERENCES

1. Arkhipova, A., Neklyudova, E. The era of TV series. How the masterpieces of the small screen changed our world. Moscow, 2020. 474 p. (In Russ.)
2. Ben'iamin, V. A work of art in the era of its technical reproducibility. Selected essays. Moscow, 1996. 240 p. (In Russ.)
3. Boim, S. The future of nostalgia. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/89_nz_3_2013/article/10513/ (accessed 11.06.2020). (In Russ.)
4. Genis, A. Metempsychosis. Series as novel’s afterlife. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/04/84172-metempsihoz> (accessed 15.08.2020). (In Russ.)
5. Jenkins, H. Convergence culture. Where old and new media collide. Moscow, 2019. 384 p. (In Russ.)
6. Ivanova, E. Formula of love. *October*. 2014;7:110–116. (In Russ.)
7. Kushnareva, I. How we got accustomed to series. *Logos*. 2013;3(93):9–20. (In Russ.)
8. Pavlov, A. Post-postmodernism: how social and cultural theories explain our time. Moscow, 2019. 560 p. (In Russ.)
9. Pavlov, A. Prestigious pleasure. Socio-philosophical interpretations of the “series big bang”. Moscow, 2019. 350 p. (In Russ.)
10. Pochepsov, G. *House of Cards*: how clip thinking is being replaced by series thinking. Available at: <https://hvylia.net/analytics/society/kartochnyy-domik-kak-na-smenu-klipovomu-myishleniyu-prihodit-serialnoe.html> (accessed 09.08.2020). (In Russ.)
11. Safronova E. Available at: <https://alyona-saphro.livejournal.com/58169.html> (accessed 19.07.2020). (In Russ.)
12. Todd, W. M. Sociology of literature: institutions, ideology, narrative. St. Petersburg, 2020. 352 p. (In Russ.)
13. Tulchinsky, G. L. Factors of serialism in mass culture and literature. *Cultural goods: Mass literature of the modern Russia between the letter and the digit: Collection of articles* (M. Chernyak, Ed.). St. Petersburg, 2018. P. 38–50. (In Russ.)
14. Usmanova, A. Umberto Eco: paradoxes of interpretation. Moscow, 2000. 189 p. (In Russ.)
15. Khakimov, T. Hero installation. *October*. 2014;7:99–104. (In Russ.)
16. Khitrov, A. “Series are a key form of modern culture”. Available at: <https://postnauka.ru/talks/43769> (accessed 25.06.2020). (In Russ.)
17. Eco, U. Innovation and repetition. Between modern and postmodern aesthetics. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Eko/Inn_Povt.php (accessed 19.08.2020). (In Russ.)

Received: 3 December, 2020; accepted: 8 February, 2021

ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА ВОЛКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы Института филологии Московский педагогический государственный университет (Москва, Российская Федерация)
ev.volкова@mpgu.su

ЗОЯ СЕРГЕЕВНА ЗАКРУЖНАЯ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-6798-1582; z.zakruzhnaya@mail.ru

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ДИАЛОГ: «ВЕСНА В ФИАЛЬТЕ» В. НАБОКОВА И «ГЕНРИХ» И. БУНИНА

А н н о т а ц и я . Проводится сравнительный анализ рассказов И. Бунина «Генрих» и В. Набокова «Весна в Фиальте», традиционно сопоставлявшихся с точки зрения диалогического взаимодействия: бунинский текст представляет своего рода «ответ» младшему современнику. Гипотеза настоящего исследования в том, что диалогическое взаимодействие не состоялось. При очевидном фабульном сходстве тексты различаются жанрово и концептуально. Эти отличия впервые прослеживаются в пяти взаимосвязанных аспектах: эффект неожиданности, женские образы, образ России, мотив дороги, финал повествования. Сопоставление затрагивает и анализ образа цирка у Набокова в сравнении с образом карнавала у Бунина, а также анализ заглавий двух текстов. Бунинское произведение является новеллой, центром изображения в которой становится описание несостоявшейся любви, внезапно прерванной вмешательством судьбы. Результатом этого вмешательства становится смерть, за которой ничего нет: традиционный для Бунина трагический итог сюжетного развития. Набоковский текст представляет собой модернистский рассказ, основанный на игре с читателем. Центром изображения становится преодоление смерти творчеством. Созданная памятью и воображением новая реальность становится главной ценностью; сделанное, созданное, искусственное заменяет реальную Россию, компенсирует неслучившиеся встречи с любимой женщиной и несостоявшиеся дороги. Фикциональный «жизненный материал» перерабатывается героем-рассказчиком в творческом акте. Новелла утрачивает жанровую идентичность, превращаясь в рассказ. Бунинская «реплика» утрачивает предмет диалога: смысловой акцент здесь остается в традициях русской литературы на трагическом – любви и смерти.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Владимир Набоков, Иван Бунин, «Весна в Фиальте», «Генрих», новелла, мотив дороги, модернизм

Б л а г о д а р н о с т и . Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01410-П «Академический Бунин. Источникование, текстология, методология»).

Д л я ц и т и р о в а н и я : Волкова Е. В., Закружная З. С. Несостоявшийся диалог: «Весна в Фиальте» В. Набокова и «Генрих» И. Бунина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 71–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.603

ВВЕДЕНИЕ

И. Бунин и В. Набоков стали, пожалуй, самыми известными русскими писателями-эмигрантами – как в России, так и за рубежом. Об их взаимоотношениях известно много¹ [1], [2], [9] [10], неоднократно исследовались творческие взаимосвязи писателей² [3]. Не раз сопоставлялись и явившиеся предметом настоящей работы рассказы – «Весна в Фиальте» В. Набокова и «Генрих» И. Бунина [4], [9], [10]. Однако принципи-

ально важным представляется то, что во всех предпринятых сравнениях этих рассказов речь идет о «диалоге» – о «реплике» И. Бунина в диалоге с В. Набоковым.

Первым сопоставил рассказы двух писателей М. Д. Шраер в статье «Иван Бунин и Владимир Набоков: Поэтика соперничества» [9], включенной затем в монографическое исследование, посвященное В. Набокову [10]. Он вводит термин «поэтика соперничества», подразумевая под ним

попытку прочтения личных и литературных отношений писателей как диалогического текста. Ученый утверждает, что «слава Набокова мутила Бунина» и что Бунин написал цикл «Темные аллеи» исключительно из желания «вернуть себе пальму первенства». Сравнивая рассказы «Весна в Фильте» и «Генрих», М. Д. Шраер выявляет ряд параллелей между героями этих произведений и их структурами повествования [9]. Ученый подчеркивает модернистский характер рассказа Набокова, «протестом» против которого оказывается рассказ Бунина, написанный, однако, на ту же тему и тот же сюжет.

В дальнейшем исследователи не раз определяли рассказ «Генрих» как реплику Бунина в диалоге с Набоковым (см., например: [5]). Вслед за М. Д. Шраером предпринимались попытки сопоставительного анализа рассказов, но также через призму их диалогического взаимодействия. Так, Г. Н. Ермоленко выявила текстуальные совпадения в рассказах, которые рассматривала как признаки литературной полемики, диалога «мэтров» [4]. Вторая М. Д. Шраеру, Г. Н. Ермоленко пишет, что

«текстуальные совпадения в двух рассказах не случайны, и “Генрих” является своеобразным ответом на “Весну в Фильте”, так не понравившуюся автору» [4: 170]. При этом «суть разногласий заключается в различной трактовке понятия судьбы – как абсурда у Набокова и как расплаты и возмездия – у Бунина» [4: 166].

В современном литературоведении оба текста традиционно определяются как новеллы, рассказывающие

«о легкой любовной связи, которая неожиданно оказывается настоящей, единственной и роковой любовью, что оба героя понимают во время последней встречи, незадолго до гибели своих возлюбленных» [4: 170].

Исследователи неоднократно выявляли сходства в образной системе и сюжете рассказов, определяя оба произведения как новеллы о любви и судьбе, препятствующей воплощению «истинной» любви. Мы бы хотели попытаться не только внести корректизы в определение основных тем рассказов, но и усомниться в том, что рассказ «Генрих» И. Бунина стоит рассматривать только как реплику в диалоге, как полемику с В. Набоковым. Нам представляется, что сюжетные совпадения (надо отметить, что сам сюжет не нов для русской литературы) и переклички в системе персонажей не являются достаточным основанием для того, чтобы говорить о «реплике в диалоге». Дело в том, что рассказы не только созданы в разных эстетических парадигмах (о чем писал М. Д. Шраер), но и различны в содержательном плане. Ведущие темы бунинско-

го текста, действительно, любовь и судьба. А вот у Набокова – память и творчество. На основании этого нам кажется возможным предложить свой вариант сравнения рассказа В. Набокова «Весна в Фильте» и И. Бунина «Генрих», сделав акцент на различии идейно-тематическом при сюжетной и отчасти структурной схожести.

РАССКАЗ О ПАМЯТИ И ТВОРЧЕСТВЕ: «ВЕСНА В ФИАЛЬТЕ» В. НАБОКОВА

Нам представляется, что наиболее ярко тема и идея рассказа раскрываются через взаимосвязь пяти основных структурообразующих элементов произведения, характеризующих разные аспекты его формы: эффект неожиданности (обычно характеризующий традиционный новеллистический point), женский образ, образ России, мотив дороги и финал рассказа.

Наиболее очевидна связь эффекта неожиданности («не совсем обманутых ожиданий», по О. Лекманову [7]) с финалом рассказа. В рассказе эффект неожиданности «срабатывает» только один раз – в самом конце, когда читатель понимает, что вся описанная встреча героя с Ниной в Фильте – прошлое, лишь воспоминания героя (и это наглядно демонстрирует, что время у Набокова, в отличие от Бунина, спиральное, а не линейное). Воспоминанием в рассказе становится не только последняя описанная встреча с Ниной, но и сообщение о ее смерти. Однако смерть Нины отнюдь не является неожиданностью. К гибели героини автор подготавливает читателя на протяжении всего рассказа, с самого первого упоминания о ней:

«Теперь мы свиделись в туманной и теплой Фильте, и я не мог бы с большим изяществом праздновать это свидание <...> знай я даже, что оно последнее; последнее, говорю; ибо я не в состоянии представить себе никакую потустороннюю организацию, которая согласилась бы устроить мне новую встречу с нею за гробом» (524)³.

Образ Нины связывается с финалом рассказа через два элемента – образ России и мотив дороги. На связь образа Нины с мотивом дороги (в восприятии, сознании главного героя) указывает сам автор словами рассказчика:

«Если бы мне надо было предъявить на конкурс земного бытия образец ее позы, я бы, пожалуй, поставил ее у прилавка в путевой конторе, ноги свиты, одна бьет ног скром линолеум, локти и сумка на прилавке, за которым служащий <...> раздумывает вместе с ней над планом спального вагона» (526).

Вместе с тем именно в этом эпизоде герой впервые предстает перед читателями творцом, создающим художественный образ. Напрямую

о том, что герой – писатель, мы узнаем намного позже.

Важно отметить, что и отношения главного героя с Ниной описываются в основном через мотив дороги (реализующийся в образах вокзалов, поездов, вагонов, путевых контор и т. д.), что подчеркивает случайность встреч – в пути, на вокзалах, в чужих городах. Но через мотив дороги описываются только встречи героев уже за границей. С одной стороны, в этом видится некая эмигрантская неприкаянность. С другой стороны, в рассказе не даются описания дороги, пути как процесса, движения, а есть только «точки» (вокзалы, перроны), разделяющие воспоминания героя, которыми он меряет свою жизнь и отношения с Ниной. Отношения безнадежные: со всех вокзалов герои уезжают в разных направлениях. О безысходности их с Ниной отношений ретроспективно говорит и сам герой-рассказчик:

«Неужели была какая-либо возможность жизни моей с Ниной, жизни едва вообразимой <...>? Глупости, глупости! <...> Так что же мне было делать, Нина, с тобой, куда было сбыть запас грусти, который исподволь уже накопился от повторения наших как будто беспечных, а на самом деле безнадежных встреч!» (535).

Важно, что герой Набокова, в отличие от героя Бунина, не видит и не предполагает никакой возможности совместной жизни с героиней. Но еще более важным оказывается то, что герой в finale рассказа отвечает на свой вопрос и находит, «куда сбыть запас грусти» – в творчество. Исследователи, обращаясь к этому «запасу грусти», часто указывают на связь образа Нины с образом утраченной России⁴. Как кажется, эта связь передается даже через действия Нины, характерно русские: «быстро меня крестила, когда мы расставались», «трижды поцеловала меня» и т. п. Но наиболее очевидна связь России и Нины в сознании героя. Именно с Россией связаны его воспоминания о первой встрече с Ниной, Россия – их общее прошлое:

«...куда это ты меня ведешь, Васенька? – Собственно говоря, назад в прошлое, что я всякий раз делал при встрече с ней, будто повторяя все накопление действия с начала вплоть до последнего добавления, как в русской сказке подбирается уже сказанное при новом толчке вперед»⁵ (524).

Прошлое, в которое уводит герой Нину, основывается именно на их первой встрече в России. Это то начало, на которое нанизываются в сознании героя воспоминания обо всех последующих встречах с ней. Показательно и сравнение именно с русской сказкой – воспоминания о Нине связы-

ваются именно с «русским», с Россией. Важно, что именно со сказкой – то, чего никогда не было, как и отношения с Ниной, которых в действительности никогда не существовало:

«...у нее осталось общее впечатление чего-то задушевного, воспоминание какой-то дружбы, в действительности никогда между нами не существовавшей. Таким образом весь склад наших отношений был первоначально основан на небывшем, на мнимом благе» (527).

Вместе с тем приведенные эпизоды напрямую соотносятся с темой творчества. Именно в finale предстанет перед читателями сам рассказ: возвращаясь в прошлое, нанизывая воспоминания одно на другое, «вплоть до последнего добавления», герой-художник создает «сказку», историю о «никогда не бывшем». Сходным образом выстроен в рассказе и образ России, тесно связанный с образом главной героини. Обратимся к описанию первой встречи героя:

«Я познакомился с Ниной очень уже давно, в тысяча девятьсот семнадцатом, должно быть, судя по тем местам, где время износилось... Не помню, почему мы все повысыпали из звонкой с колоннами залы <...> сторожа ли позвали поглядеть на многообещающее зарево далекого пожара...» (524).

По словам О. Лекманова, «особо отмеченными заслуживают стать два набоковских эпитета – “многообещающее” и “далекого”» [7]. Они соотносятся и с грядущим революционным пожаром октября 1917 года, и с обещанием не только эмиграции героев, но и их эмигрантских встреч. Важной деталью представляются скользкие шаги героев при первой встрече и при первом зареве пожара 1917 года: «...передо мной в трех скользких шагах шло маленькое склоненное очертание...» (524). Здесь прослеживается связь между первой и последней встречей героев. Место последней встречи – Фильт. Однако, по сравнению с детальным, подробным ее описанием, описание России – стертое, фрагментарное. Фильт оказывается несуществующим городом, «городом-фантомом» [7], созданным творческим воображением героя-рассказчика, как и фантомные воспоминания о уже несуществующей прошлой России. И она, и Нина в описаниях героя оказываются тенью – тенью прошлого, тенью несуществующего: «передо мной в трех скользких шагах шло маленькое склоненное очертание», «следя за ней в лабиринте жестов и теней жестов», «припоминая его (облик Нины. – Е. В., З. З.), вы ничего не удерживали». Здесь мы во многом опираемся на Е. И. Конюшенко⁶, считавшего, что для Набокова главной становится не «реальность», а ее преломление в сознании художника, в слове. Не вешь,

а отражение/воссоздание вещи в языке и художественном слове становится единственной достоверной реальностью для Набокова. Это наиболее очевидно воплощается в finale рассказа. Нина умирает. Ее гибель – несчастный случай, к которому, однако, читателя готовят на протяжении всего рассказа. Нина умирает, а муж ее, которому она пыталась подражать, «отделался лишь местным и времененным повреждением чешуи» (539). При этом о муже мы знаем, что он писатель, но произведения его пусты. Вероятно, именно поэтому он остается живым, а героиня погибает. В финальных строчках рассказа удивительным образом «смертность» подчеркивает то, что героиня была «живой». Смерть Нины становится ее бессмертием – ее жизнью в памяти главного героя, в его воображении и творчестве:

«...будь я литератором, лишь сердцу своему позволил бы иметь воображение, да еще, пожалуй, допускал бы память, эту длинную вечернюю тень истины...» (529).

Здесь важно рассмотреть связь кульминации рассказа (попытка признания в любви главного героя) с финалом. Признавая двоемирье рассказа («...когда мы встречались, скорость жизни сразу менялась, атомы перемещались, и мы с ней жили в другом, менее плотном, времени» (535)), можно предположить, что любовь – как раз не земное чувство, принадлежащее второму, иному миру, в который переходит Нина. Так трактует смерть героини М. Шраер. Нам кажется возможным предположить, что создают этот иной мир, иное пространство именно память и творчество героя-художника. Герой переживает «наивысшую точку любви», и для него открывается этот иной мир (символ его – сияющее небо над Фиальтой). Нина «переходит» в этот иной мир и обретает бессмертие в памяти и творчестве героя:

«...и все было по-прежнему безнадежно. Но камень был, как тело, теплый, и внезапно я понял то, чего, видя, не понимал дотоле, почему давеча так сверкала серебряная бумажка, почему дрожал от света стакана, почему зеркало море: белое небо над Фиальтой незаметно налилось солнцем, и теперь оно было солнечное сплошь, и это белое сияние ширилось, ширилось, все растворялось в нем...» (539).

Важным для понимания финала рассказа нам кажется образ цирка, повторяющийся на протяжении всего рассказа (начиная с афиш на стенах домов и заканчивая фургоном, при столкновении с которым погибает Нина). М. Д. Шраер трактует цирк как «маркированные знаки иного мира», указывая на «небесную родину циркачей» [9]. Вместе с тем цирк – тоже спектакль, игра:

«...все эти города, где нам рок назначал свидания, на которые сам не являлся, все эти платформы, и лестницы, и чуть-чуть бутафорские переулки, были декорациями, оставшимися от каких-то других доигранных жизней» (525).

Здесь нам видится элемент игры Набокова – с реальностью, с читателем. Писатель создает иное пространство в рамках рассказа, подчеркивая (посредством образа цирка, театра, декораций и т. п.) искусственность, созданность героев рассказа и их судеб. Кроме того, нам кажется, что образ цирка выполняет функцию некого «снижения» смерти, как следствие – в рассказе нет трагичности (бунинской): «...ни тени трагедии нам не сопутствовало...» (534).

Основное смысловое ядро рассказа выявляется в финальных строках: именно в них собираются воедино все заявленные элементы, именно здесь читатель понимает, что перед ним – воспоминания, творчески переосмыслиенные, искусственно сконструированные героем-творцом. Искусственность рассказа подчеркивается на протяжении всего произведения: сообщениями о никогда не бывших отношениях с Ниной, о не существующей уже России, сравнениями событий с декорациями к спектаклю, образом цирка и театра, проходящим через весь текст, рассуждениями о творчестве («рассудка не возил бы по маскарадам», «не допускал бы рассудок в творчество»), событиями, разворачивающимися в несуществующем городе, «играми с читателем» (интересно, например, неоднократное появление англичанина, ловящего бабочку) и т. д. Но именно в finale воспоминания о Нине, сопряженные с воспоминаниями о России, бывшие разрозненными «дорожными» эпизодами, «точками», собираются в сознании героя-творца и выстраиваются в художественный нарратив. Тем самым рассказ оказывается о памяти – источнике творческого переосмысливания жизни. О вдохновении – герое-творце, который «внезапно понял то, чего, видя, не понимал дотоле». О любви, но не бунинской «любви-страсти», а о любви как источнике творчества. Надо отметить, что это частый сюжетный ход в произведениях эмигрантов младшего поколения (ср., например, «Вечер у Клэр» Г. Газданова, рассказ В. Варшавского «Из записок бесстыдного молодого человека» и др.). Воспоминания о родине и любимой женщине становятся основой творческого переосмысливания действительности: «сияние ширилось, ширилось, все растворялось в нем». И, конечно, о бессмертии: вспомнить – значит оживить в настоящем, дать новую жизнь в творческом переосмысливании реальности.

Подобную роль память нередко играет в образной системе прозаиков-эмигрантов «незамеченного поколения»⁷.

«Весна в Фиальте» – несомненно, модернистский текст, основанный на моделировании реальности, игре с читателем, основной темой которого является память и творчество.

НОВЕЛЛА О ЛЮБВИ И СМЕРТИ: «ГЕНРИХ» И. БУНИНА В СРАВНЕНИИ С «ВЕСНОЙ В ФИАЛЬТЕ» В. НАБОКОВА

В отличие от модернистского рассказа Набокова, «Генрих» – новелла, созданная в традициях классической русской литературы. Структурообразующими в бунинском рассказе оказываются те же элементы, что и у Набокова. Однако если у Набокова они создают модернистский текст, двоемирие, образ героя-художника, презентируют тему творчества и памяти, то в «Генрих» они создают традиционную новеллистическую структуру, воплощают тему любви и судьбы.

В отличие от рассказа Набокова, в бунинском эффект неожиданности срабатывает трижды. Первый раз, когда мы видим, что Генрих ожидает главного героя уже в поезде, а не за границей, как мы могли предполагать. Второй раз – когда мы узнаем, что Генрих – женщина, чего мы никак не ожидали, помня фразу главного героя в самом начале рассказа: «...в Ницце теперь чудесно, Генрих отличный товарищ» (471)⁸. Третий раз эффект неожиданности срабатывает в самом конце рассказа – смерть Генрих оказывается для нас неожиданностью (важно отметить, что мы рассматриваем рассказ «Генрих» вне контекста сборника «Темные аллеи»). Таким образом, эффект неожиданности оказывается связанным сразу с тремя элементами: женскими образами, образом дороги и финалом рассказа.

Исследователи уже отмечали, что в рассказе Бунина (в отличие от набоковского) два типа треугольников: женщина и двое мужчин-соперников, с одной стороны, Глебов и три его женщины – с другой (см., например: [8]). Н. Ю. Лозюк так интерпретирует женские образы в рассказе:

«Надя и Ли – женские образы, в структуре повествования соотнесенные с Москвой, с их помощью писатель стремится передать странный облик города, где причудливым образом сплетается Восток и Запад. Внешность Нади типично русская. Необычное имя Ли отсылает к Востоку»,

а «во внешности Генрих все указывает на ее европейское происхождение» [8], – замечает исследователь, соотнося тем самым образ Генрих с Европой. Однако нам кажется, что безоговорочно

соотнести эти два образа нельзя. Представляется, что в образе Генрих происходит совмещение России и Европы. Подтверждают эту мысль несколько деталей: во-первых, Генрих занимается переводами с немецкого языка на русский, во-вторых, будучи европейского происхождения, живет героиня в России. Показательно и такое описание:

«Международный вагон выделялся своей желтоватой деревянной обшивкой. Внутри, в его узком коридоре под красным ковром <...> была уже заграница» (473).

Однако в этот момент поезд стоит у перрона московского вокзала, и Генрих ждет Глебова в этом вагоне: совмещается Европа – «заграница» вагона, в котором она ждет Глебова, и Россия – ведь Генрих вместе с заграничным вагоном находится на вокзале в Москве. В образе Генрих так же, как и в образе Нины из набоковского рассказа, проявляется мотив двоемирия (Россия – Запад) и, вероятно, тот же конфликт, невозможность совмещения этих двух миров, ведь любовник-австриец убивает Генрих, когда она предполагала договориться с ним о сотрудничестве (совмещении).

Соотнесенность женских образов с Россией и Западом дает возможность говорить об отличии бунинского образа России от набоковского. В отличие от Набокова Россия Бунина – реальность, а не воспоминания. В понимании Бунина только в России возможны жизнь и любовь: Россия для главного героя – реальная, настоящая жизнь (а не смутные воспоминания о несуществующих отношениях героя Набокова). Заграничная жизнь – искусственна, в рассуждениях героя явно прослеживается негативное отношение к ней:

«стало жалко покидать все это, давно знакомое, привычное» (471), «жаль покидать привычную комнату и всю московскую зимнюю жизнь» (472), «после России, все казалось очень мало – вагончики на путях, узкие рельсы, железные столбики фонарей» (478).

В то время как в рассказе Набокова нет собственно образа России, она существует только в сознании героя и связана прежде всего с Ниной. По сравнению с подробным, детальным описанием Фиальты, описания России в рассказе Набокова практически нет, кроме деталей, напрямую соотнесенных с воспоминаниями о Нине. В рассказе же Бунина – детальное описание России (Москвы, московской зимы).

Образ Генрих непосредственно связан с мотивом дороги. В отличие от «Весны в Фиальте», в бунинской новелле изображена именно дорога, путь. И здесь нам кажется возможным интерпретировать его как некий поиск: «И правда, зачем

я еду? <...> всегда кажется, что где-то там будет что-то особенно счастливо» (471). В данном контексте, вероятнее всего, поиск счастья. Но одновременно создается ощущение невозможности этого счастья: его нет сейчас, здесь, в точке, где находится герой, но и «где-то там» («неизвестно где») – непонятно, есть ли это счастье вообще или только «всегда кажется». Ключевым моментом, связанным с мотивом дороги, является пересечение границы. Оно происходит сразу после объяснения героев, вслед за классическим для Бунина изображением наивысшей точки любви. Здесь очевидна параллель с рассказом Набокова: в набоковском рассказе кульминация также приходится на момент признания в любви героя, происходит то же «пересечение границы». Однако в текстах кардинально различаются направления дальнейшего развития и, соответственно, финалы. У Набокова далее – сияющее небо над Фиальтой, открытие иного мира и бессмертие, новая жизнь всего, что дорого герою в новом измерении, созданном воображением и памятью. В рассказе же Бунина далее, когда Генрих уже сошла с поезда и герой остается в одиночестве, – путь «вниз»:

«вечер на каком-то перевале» (480), «потом – все уже совсем другое, ни на что прежнее не похожее» (480), «а дальше уже вольный, все ускоряющийся бег поезда вниз» (480).

Завершается этот путь сообщением о смерти Генрих. И не при солнечном ширящемся небе над Фиальтой, а «при гаснущем свете зари» (483). Здесь становится наиболее очевидна связь мотива дороги с финалом рассказа. Финал характерен для бунинского понимания любви: настоящая любовь, по мнению Бунина, может быть только мгновенной вспышкой, она не может иметь продолжения. «Читатели “Генриха” покидают рассказ ошеломленные внезапной концовкой. В памяти читателя – лишь стена смерти, конец невозможной любви» [9: 58]. Там, где у Набокова начинается бессмертие, созданное памятью и воображением, новая реальность, жизнь в другом измерении, у Бунина – смерть, и ничего за ней (перевал, за которым начинается стремительное движение вниз, завершающееся при гаснущем свете зари). В этом нам видится главное отличие новеллы Бунина от рассказа Набокова. Бунинское произведение – о любви, об обретении истинной любви и смерти, следующей за ее постижением, о невозможности преодоления судьбы. Рассказ Набокова – о творчестве, памяти, преодолении смерти и воссоздании даже «никогда не бывшей» любви. У Набокова герой находит

способ воскресить мертвых, оживить никогда не бывшее, найти исход тоске в творчестве. Бунин – не находит.

С финалами рассказов непосредственно связан образ цирка у Набокова и карнавала у Бунина. Н. Ю. Лозюк, например, связывает мотив карнавала у Бунина с новеллистической структурой: сама идея карнавала предполагает подлог, «одно выдается за другое: маска – за лицо, псевдоним – за настоящее имя, женщина – за мужчину» [8]. Вместе с тем карнавал – праздник, который заканчивается, как и вспышка истинной любви. То, что у Набокова является элементом игры (с реальностью, литературой, читателем), у Бунина раскрывает идею рассказа. То, что у Набокова снижает трагичность, у Бунина подчеркивает ее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, при очевидных совпадениях в рассказах (оба главных героя уезжают; деятельность обоих героев связана с искусством, литературой; оба испытывают «прилив любви»; наличие любовных треугольников; гибель женщин от европейцев-писателей и т. д.), о которых говорилось, перед нами два совершенно разных по своей смысловой наполненности произведения. Наиболее очевидно это различие проявляется в финалах, где обозначенные структурообразующие элементы (эффект неожиданности, женский образ, образ России и мотив дороги) собираются воедино и реализуют основную смысловую концепцию рассказов. У Бунина – отъезд из настоящей, реальной России, дорога в поисках счастья, «наивысшая точка любви», пересечение границы, за которым – стремительное движение вниз, смерть – и ничего после нее. У Набокова – воспоминания о давно потерянной России, о случайных встречах с Ниной в дорогах, никогда не бывших отношениях с героиней и даже ее смерть трансформируются в сознании героя-художника и обретают новую жизнь, создают новую реальность, обретают бессмертие – в памяти и творчестве.

Основную тему рассказов (и принципиальное их различие) отражают и их заглавия. В заглавии «Весны в Фиальте» можно выявить два компонента. С одной стороны, «весна» – традиционно связанная в литературе с возрождением, оживлением, началом новой жизни. С другой стороны, «в Фиальте» – несуществующем городе-фантоме, в вымышленном пространстве. Его вымышленность подчеркивает и неоднократное упоминание в рассказе реальных европейских городов. При этом они возникают в памяти героя как места прежних встреч с Ниной. Таким об-

разом, название рассказа подчеркивает его основной смысл: воссоздание прошлого в памяти героя-творца, творческое переосмысление и преобразование этого прошлого в вымышенном пространстве возрождают все то, что герою дорого, оживляют это и даруют ему бессмертие.

Заглавие бунинского рассказа – «Генрих» – с одной стороны, подчеркивает его новеллистический характер (неожиданное открытие того, что Генрих – женщина). Вместе с тем в заглавие оказывается вынесено имя главной героини, объекта любви, что с очевидностью подчеркивает основную тему рассказа – любовь.

Таким образом, мы считаем возможным не согласиться с традиционным определением

обоих рассказов как новелл о несостоявшейся любви, прерванной вторжением судьбы. Такое определение вполне соответствует новелле Бунина, но не рассказу Набокова.

При очевидном совпадении отдельных образов и сюжетных ходов в рассказах их идейно-тематические отличия позволяют нам поспорить с исследователями, видевшими в них диалог, оценившими бунинский рассказ как реплику в диалоге с Набоковым. Как представляется, для диалога необходим все же единый предмет обсуждения, единая тема. Нам видится, что именно ее в этих двух рассказах и нет. Новелла Бунина – о любви-страсти, судьбе, поиске, смерти. Рассказ Набокова – о творчестве, памяти, воображении, бессмертии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См. библиографию по этому вопросу также в: Кириллина О. М. И. Бунин и В. Набоков: Проблемы поэтики («Жизнь Арсеньева» и «Другие Берега»): Автoref. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 32 с.
- ² См. об этом также: Кириллина О. М. И. Бунин и В. Набоков: Проблемы поэтики («Жизнь Арсеньева» и «Другие Берега»)...
- ³ Здесь и далее в статье рассказ «Весна в Фильте» цитируется по изданию: Набоков В. В. Облако, озеро, башня: Романы и рассказы. М.: Московский рабочий, 1989. 701 с. (с указанием цитируемой страницы в круглых скобках).
- ⁴ На эту связь указывал, например, И. Клех. См.: [6].
- ⁵ Заметим попутно обнажение приема – самого рассказывания.
- ⁶ Конюшенко Е. И. Литературные связи И. Бунина: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1994. 160 с.
- ⁷ См. об этом: Дмитриев В. М. Концепции памяти в прозе младшего поколения русской эмиграции (1920–1930 гг.) и роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2017. С. 224–236.
- ⁸ Здесь и далее в статье новелла «Генрих» цитируется по изданию: Бунин И. А. Повести и рассказы. М.: Правда, 1982. 576 с. (с указанием цитируемой страницы в круглых скобках).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бойд Б. Владимир Набоков: Американские годы: Биография. СПб.: Симпозиум, 2010. 950 с.
2. Бойд Б. Владимир Набоков: Русские годы: Биография. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2001. 695 с.
3. Двина Т. М. От «Несрочной весны» к «Позднему часу»: И. Бунин и В. Набоков 1929–1930 гг. // Россия Ивана Бунина и культура русского Подстепья (к 150-летию со дня рождения И. А. Бунина): Материалы Всерос. науч. конф. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2020. С. 116–125.
4. Ермоленко Г. Н. К проблеме интертекстуальных связей в прозе Набокова и Бунина: новеллы «Весна в Фильте» и «Генрих» // Русская филология: ученые записки Смоленского государственного университета. 2013. Т. 15. С. 166–177.
5. Закуренко А. «Темные аллеи». О рассказах Ивана Бунина // Топос. Литературно-философский журнал. 2005. 15 ноября [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.topos.ru/article/4188> (дата обращения 31.01.2021).
6. Клех И. Убийство в Фильте // Русский журнал. 1999. 23 апреля [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.russ.ru/krug/99-04-23/klekh.htm> (дата обращения 08.03.2012).
7. Лекманов О. Принцип не совсем обманутых ожиданий. По рассказу Владимира Набокова «Весна в Фильте» // Литература. 2003. № 3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200300310> (дата обращения 31.01.2021).
8. Лозюк Н. Ю. Композиционный ритм в новелле И. Бунина «Генрих» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylog/2008/02/2008_02_13.pdf (дата обращения 31.01.2021).
9. Шраер М. Д. Иван Бунин и Владимир Набоков: Поэтика соперничества // И. А. Бунин и русская литература XX века. М.: Наследие, 1995. С. 41–65.
10. Шраер М. Д. Набоков и Бунин. Поэтика соперничества // Шраер М. Д. Набоков: темы и вариации. СПб.: Академический проект, 2000. С. 128–192.

Original article

Ekaterina V. Volkova, Cand. Sc. (Philology), Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)
 ev.volкова@mpgu.su

Zoya S. Zakruzhnaya, Cand. Sc. (Philology), A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

ORCID 0000-0002-6798-1582; z.zakruzhnaya@mail.ru

FAILED DIALOGUE: NABOKOV'S "SPRING IN FIALTA" AND BUNIN'S "HEINRICH"

Abstract. The article provides a comparative analysis of two stories, Ivan Bunin's "Heinrich" and Vladimir Nabokov's "Spring in Fialta" ("Vesna v Fial'te"), traditionally considered from the point of view of dialogical interaction, since Bunin's text is a kind of an "answer" to his younger contemporary. The hypothesis of this study is that this dialogical interaction in fact did not take place. Despite the obvious plot similarity, the texts differ in their genres and concepts. These differences are traced for the first time in five interrelated aspects: element of surprise, female characters, the image of Russia, the motif of the road, and the ending of the narrative. The comparison also deals with the analysis of the image of the circus in Nabokov's text in comparison with the image of the carnival in Bunin's story, as well as the analysis of the titles of both texts. Bunin's work is a novella, where the center of the representation is a description of failed love, suddenly interrupted by the intervention of fate. This intervention results in death, after which there is nothing – which is the tragic outcome of the plot development, traditional for Bunin. Nabokov's text is a modernist short story based on a game with its reader. The center of the author's view here is overcoming death through creativity. The new reality created by memory and imagination becomes the main value; something artificial created by a human replaces real Russia, and compensates for failed meetings with the beloved woman and untraveled roads. The fictional "life material" is processed by the storyteller in the act of creation. The novella loses its genre identity, turning into a short story. Bunin's "answer" loses the subject of the dialogue: the semantic emphasis here remains on tragic matters – love and death – which correlates with the traditions of Russian literature.

Keywords: Vladimir Nabokov, Ivan Bunin, "Spring in Fialta", "Heinrich", novella, motif of the road, modernism

Acknowledgements. The research was financially supported by the Russian Science Foundation (project No 17-18-01410-P "Academic edition of Bunin's works. Source studies, textology, methodology").

For citation: Volkova, E. V., Zakruzhnaya, Z. S. Failed dialogue: Nabokov's "Spring in Fialta" and Bunin's "Heinrich". *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):71–78. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.603

REFERENCES

1. Boyd, B. Vladimir Nabokov: The American years: Biography. St. Petersburg, 2010. 950 p. (In Russ.)
2. Boyd, B. Vladimir Nabokov: The Russian years: Biography. Moscow; St. Petersburg, 2001. 695 p. (In Russ.)
3. Dvinyatina, T. M. From "Belated Spring" to "The Late Hour": I. Bunin and V. Nabokov in 1929–1930. *Ivan Bunin's Russia and the culture of Russian sub-steppe (celebrating the 150th birthday anniversary of I. A. Bunin)*. Proceedings of the all-Russian scientific conference. Yelets, 2020. P. 116–125. (In Russ.)
4. Ermolenko, G. N. The problem of intertextual connections in the prose of Nabokov and Bunin: short stories "Spring in Fialta" and "Heinrich". *Russian Philology: Proceedings of Smolensk State University*. 2013;15:166–177. (In Russ.)
5. Zakurenko, A. "Dark Alleys". Ivan Bunin's short stories. *Topos. Journal of Literature and Philosophy*. 2005. 15 November. Available at: <http://www.topos.ru/article/4188> (accessed 31.01.2021). (In Russ.)
6. Klekh, I. Murder in Fialta. *Russian Journal*. 1999. 23 April. Available at: <http://old.russ.ru/krug/99-04-23/klekh.htm> (accessed 08.03.2012). (In Russ.)
7. Lekmanov, O. The principle of not completely disappointed expectations. Vladimir Nabokov's story "Spring in Fialta". *Literature*. 2003;3. Available at: <http://lit.1september.ru/articlef.php?ID=200300310> (accessed 31.01.2021). (In Russ.)
8. Lozyuk, N. Yu. Compositional rhythm in I. Bunin's short story "Heinrich". *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2008;2. Available at: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/philolog/2008/02/2008_02_13.pdf (accessed 31.01.2021). (In Russ.)
9. Shraer, M. D. Ivan Bunin and Vladimir Nabokov: Poetics of rivalry. *I. A. Bunin and Russian literature of the XX century*. Moscow, 1995. P. 41–65. (In Russ.)
10. Shraer, M. D. Nabokov and Bunin. Poetics of rivalry. *Nabokov: themes and variations*. St. Petersburg, 2000. P. 128–192. (In Russ.)

Received: 3 February, 2021; accepted: 5 March, 2021

ЕКАТЕРИНА НИКИТИЧНА МАТЮШКИНА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы гуманитарного факультета
Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
ekaterina-matyush@yandex.ru

«ЧАСТНЫЙ» ЧЕЛОВЕК В РОМАНЕ Б. ОКУДЖАВЫ «ПУТЕШЕСТВИЕ ДИЛЕТАНТОВ»

Аннотация. Высказывается предположение, что в прозаическом наследии Б. Окуджавы, в частности в романе «Путешествие дилетантов», концептуальное значение имеет проекция прошлого на современную автору действительность. Время составляет основу поэтики, пронизывает всю ткань его исторических произведений, создается своеобразное звучание удаленных эпох. Период написания исторических романов связан для Б. Окуджавы с рассмотрением внутренних закономерностей, которыми жила определенная часть советской интеллигенции, а также с существенной переоценкой прежних представлений о свободе и человеке. Писатель всегда стремится вступить в диалог с читателем, поделиться мыслями о праве на выбор, об ответственности, о бессилии перед историей. При этом автор как поэт, для которого свойственно лирическое мироощущение, дает эмоциональную, субъективную оценку исторических событий, показывая их через призму восприятия «частного» человека. «Дилетант» или «фрайер» в художественном сознании Б. Окуджавы является синонимом к слову «интеллигент», а все творчество писателя можно рассматривать как размыщение о судьбе интеллигента в чуждом, даже враждебном для него мире. Герои, находящиеся в конфликте с обществом, имеют право на свой «глоток свободы» – поступок, состояние души, обретение индивидуально-личностного бытия в истории.

Ключевые слова: Б. Окуджава, исторический роман, эпоха, «глоток свободы», интеллигент, «частный» человек

Для цитирования: Матюшкина Е. Н. «Частный» человек в романе Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 79–83. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.604

ВВЕДЕНИЕ

Историческая проза Б. Окуджавы несет в себе приметы времени, аккумулирует основные процессы своей эпохи. В творческом наследии писателя и поэта представлены внутренние закономерности, которыми жила определенная часть советской интеллигенции. Точное определение писательского существования Б. Окуджавы находит С. Бойко:

«Его тактику условно можно было бы обозначить как менее радикальную, ориентированную на сохранившиеся возможности конструктивного действия – в рамках или вопреки сложившейся общественной конъюнктуре <...> Окуджава действительно отдаляется от диссидентских акций. Это требовало независимости другого рода: независимости уже не от официоза, а от общественного мнения в своем кругу» [2: 275–276].

Время написания исторических романов (период «застоя») связано для Б. Окуджавы с существенной переоценкой прежних представлений о современной ему действительности, о свободе и человеке. Высказывается предположение, что в прозаическом наследии Б. Окуджавы, в частности в романе «Путешествие дилетантов», концептуальное значение имеет проекция прошлого на современную автору действительность. Время составляет основу поэтики, пронизывает всю ткань его исторических произведений, создается своеобразное звучание удаленных эпох. Период написания исторических романов связан для Б. Окуджавы с рассмотрением внутренних закономерностей, которыми жила определенная часть советской интеллигенции, а также с существенной переоценкой прежних представлений о свободе и человеке. Писатель всегда стремится вступить в диалог с читателем, поделиться мыслями о праве на выбор, об ответственности, о бессилии перед историей. При этом автор как поэт, для которого свойственно лирическое мироощущение, дает эмоциональную, субъективную оценку исторических событий, показывая их через призму восприятия «частного» человека. «Дилетант» или «фрайер» в художественном сознании Б. Окуджавы является синонимом к слову «интеллигент», а все творчество писателя можно рассматривать как размыщение о судьбе интеллигента в чуждом, даже враждебном для него мире. Герои, находящиеся в конфликте с обществом, имеют право на свой «глоток свободы» – поступок, состояние души, обретение индивидуально-личностного бытия в истории.

Показательным в контексте размышлений о месте человека в мире и обществе является роман «Путешествие дилетантов», опубликованный в журнале «Дружба народов» в 1976–1978 годах. Он по праву считается вершиной творчества писателя, самым известным историческим произведением Б. Окуджавы. В работе 1999 года Р. Чайковский приводит наглядные результаты опроса среди читателей:

«75 % респондентов читали роман “Путешествие дилетантов” и 30 % из них отметили, что он произвел на них наибольшее впечатление. Такого результата можно было ожидать <...> и благодаря художественным качествам романа с его вечно щемящей идеей гонимых влюбленных» [11: 133].

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК РОМАНА Б. ОКУДЖАВЫ «ПУТЕШЕСТВИЕ ДИЛЕТАНТОВ»

Неоднократно Б. Окуджава сам раскрывал исторический источник своего романа «Путешествие дилетантов», называя главным документом

статью П. Е. Щеголева «Любовь в равелине» (1908). В 1981 году на творческом вечере в ЦДЛ писатель на вопрос, кто же является прообразом князя Мятлева – главного героя романа, ответил:

«Это подлинная история, происшедшая с князем Сергеем Трубецким, не декабристом, а однофамильцем. Я впопыхах, чтобы не писать биографию Трубецкого, назвал его Мятлевым – первой пришедшей мне в голову фамилией» [3: 68].

Так, Б. Окуджава не раз подчеркивал, что его романы нельзя рассматривать как учебник истории, а его задача как писателя всегда состояла в том, чтобы рассказать о себе, о своих чувствах и переживаниях, используя определенный исторический материал, в данный момент совпадающий с авторским настроением:

«Я постоянно во власти одного недуга: потребности рассказать о себе, поделиться с окружающими своими представлениями о жизни. Видимо, что-то во мне должно совпасть с чем-то в истории: слово, жест, поступок, столкновение» [6: 138].

НОМИНАЦИИ ГЕРОЯ-ИНТЕЛЛИГЕНТА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Б. ОКУДЖАВЫ

«Путешествие дилетантов» не содержит в себе традиционного инварианта заглавия русского исторического романа, согласно которому в название нередко выносилось имя исторического лица: Ф. Булгарин «Дмитрий Самозванец», Д. Мережковский «Павел I», «Александр I», А. Н. Толстой «Петр Первый», Ю. Тынянов «Пушкин» и др. В названии произведения Б. Окуджавы появляется своеобразная метафора, с одной стороны, задающая динамику всего произведения, с другой – содержащая явную модальность при определении главных героев. Дальнейшая расшифровка понятия дается уже в стихотворении 1982 года «По прихоти судьбы – Разносчицы даров...», которое он посвятил своей жене:

Я написал роман «Прогулки фрайеров»,
и фрайера меня благодарили <...>
Освистаны их речи и манеры <...>
Пока не замело следы их на крыльце
и ложь не посмеялась над судьбою,
я написал роман о них, но в их лице
о нас: ведь все, мой друг, о нас с тобою <...>
я мог бы написать, себя переборов,
«Прогулки маляров», «Прогулки поваров»...
Но по пути мне вышло с фрайерами¹.

К слову «фрайер» поэт предлагает следующее авторское определение: «В буквальном переводе с нем.: франт, жених, а в обыденном смысле – мнение люмпена об интеллигенте»². Таким образом, «дилетант» (или «фрайер») в художе-

ственном сознании Б. Окуджавы является синонимом к слову «интеллигент», а все творчество писателя можно рассматривать как размышление о судьбе интеллигента в чуждом, даже враждебном для него мире. «Путешествие» его дилетантов не прекращается даже в конце романа:

«По некоторым слухам, Лавиния Ладимировская, похоронив Мятлева, навсегда покинула Россию. Однако господин ван Шонховен в потертом армячке, по-видимому, продолжает пересекать заснеженные пространства, оставляя нам в назидание свои следы» (528)³.

По точному замечанию В. Выдриной, в романе «представлены не бегство влюбленных, не путешествие Мятлева и Лавинии по Кавказу как тающие, а путешествие как акт возвышения души, бегство как обретение внутренней свободы» [4: 18]. Уже в названии обозначен интерес к личности «частного» человека – дилетанта.

В 1997 году, отвечая на вопрос анкеты журнала «Дружба народов» о судьбе и роли русской интеллигенции в XX столетии, Б. Окуджава особо подчеркнул:

«Интеллигент – это человек, независимо мыслящий, жаждущий знаний, бескорыстно служащий общественному доброму, не приемлющий насилия, признающий гуманные средства достижения цели, уважающий личность, склонный к сомнению в собственной правоте, не стремящийся к власти. Интеллигент – не профессия, а состояние души, крови <...> Интеллигент не склонен изменять историю – он стремится понять ее и спешствовать ей. Судьба интеллигенции в советские времена была весьма трагична, но, несмотря на это, она продолжала выполнять свое предназначение собирателя и хранителя российской культуры» [8: 190].

Таким образом, для него интеллигентность не определяется уровнем образования, это совокупность моральных качеств, наличие собственной жизненной позиции. Герои-интеллигенты Б. Окуджавы – «частные» люди с романтическим мироощущением, которые попадают волею судьбы в определенные исторические обстоятельства, но всегда стараются противостоять им.

Концептуальное значение имеет то, что Б. Окуджава выбирал только те эпохи, которые давали возможность явных аллюзий на современную ему действительность. Важным для определения специфики романа «Путешествие дилетантов» представляется утверждение О. Розенблюм:

«Это роман о жизни в эпоху безвременья, когда тошно – и есть у Окуджавы именно такие высказывания, о том, как же тошно и безнадежно было в 1970-е гг.» [9: 370].

Действительно, особенно остро вопрос о свободе для Б. Окуджавы звучит на рубеже 1960–1970-х годов, когда интеллигенция, воодушевленная преобразованиями «оттепели», испытала

полное крушение прежних идеалов. В. Сергеева, обозначая цели, которые ставит перед собой исторический романист, пишет:

«...автор может расставить неожиданные – или, наоборот, в чем-то предсказуемые – акценты как в реальности, современной для автора, так и в реальности, современной для любого читателя» [10: 152].

Становится очевидным, почему слова, произнесенные Лавинией в романе «Путешествие дилетантов»: «Да здравствует свобода!», оказываются созвучными строкам стихотворения «Я вас обманывать не буду...» (1969):

«...» какой-то призрачной свободы
достался мне шальной глоток.

Единственный. И без обмана
средь прочих ненадежных слов,
как сладкий яд, как с неба манна,
как дар судьбы без лишних слов⁴

Заявленная в стихотворении тема «глотка свободы» приобретает особое звучание в исторической прозе Б. Окуджавы. При этом уместнее говорить о цене «глотка свободы» в жизни человека: каждый герой имеет право на свой миг свободы, который неизменно заканчивается трагедией. Жизнь человека для Б. Окуджавы не равнозначна отчужденным силам истории, она возможна только в условиях духовной свободы личности. На вопрос, что вкладываете вы в понятие «свобода», писатель в интервью ответил: «Свобода – это прежде всего уважение к личности» [12: 14].

Николаевская эпоха для Лавинии и Мятлева представляется временем полного подавления любой свободы человека, в поисках которой герои покидают Петербург, отправляясь на Кавказ: «ибо ежели вы вырываетесь за шлагбаум, начинается истинная свобода» (222). Такое романтическое «путешествие» дало возможность хоть на мгновение ощутить иллюзию свободы, вырваться из атмосферы интриг и обмана:

«...и все-таки за шлагбаумом что-то ведь произошло, если они могли, безнаказанно обнявшись, покачиваться в дорожной рыдване...» А когда она возносится, эта полосатая палка, не вы ли слышите голоса воли, жизни, простора, надежды? И пусть вскоре все это гаснет, но разве единий вздох, доставшийся вам, восхищенное «ах!», вырвавшееся из вашей истомленной ожиданием души, – разве все это – пустая фантазия? Вздор?...» (302–303).

По точному замечанию С. Неретиной, само «бегство» дилетантов Б. Окуджавы соотносимо с понятием «свободы»:

«Мятлев и Лавиния, пустившиеся во имя любви в свой крестный путь, на поиски рая, которого нет и о котором знали, что его нет. Раю было само их путе-

шествие...» Любовь и свобода сошлись на своем многогодичном пути...» «Дилетанты» – этим подчеркивается Окуджавой принципиальная незавершенность темы» [7: 139].

Однако и этот «глоток свободы» трагичен, а само «путешествие» героев не было длительным. Вскоре их задерживают и препровождают в Петербург: Лавинию – к законному супругу, Мятлева – в крепость. Показательным в этом отношении является письмо Лавинии Мятлеву: «Я так надеялась, что за шлагбаумом начнется иная жизнь, да, видимо мы выехали не за тот шлагбаум: особых перемен в своей судьбе не замечаю» (233). «Путешествие» оборачивается крушением прежних идеалов и надежд.

Кроме николаевской эпохи лейтмотивом через весь роман проходят многие значимые события истории России. Примером является упоминание в начале романа об участии Мятлева в сражении на реке Валерик в ходе Кавказской войны:

«У реки Валерик, в группе охотников князь совершил вылазку. Предприятие было удачным, но в последнюю минуту горская пуля все-таки его достала. Долгое время жизнь князя висела на волоске» (9).

К данным событиям Б. Окуджава обращается неслучайно, автор собирал материалы о жизни М. Лермонтова, для которого сражение на реке Валерик – событие знаковое. Это первый большой бой, в котором он участвовал и после которого был представлен к награде. Валерикское сражение оставило неизгладимый след в его памяти и судьбе. Лермонтов не появляется на страницах романа, но есть свидетельство о том, что главный герой – князь Мятлев был знаком с ним и был секундантом на его последней дуэли:

«В кавказском поединке от пули недавнего товарища по какому-то там недоразумению пал молодой, но уже знаменитый поэт...» Князь Мятлев был секундантом у одного из них, у кого точно, не берусь утверждать...» О погибшем поэте князь говорить избегал» (7–8).

С событиями восстания декабристов в первую очередь связан образ старика Распевина – декабриста, отправленного в ссылку в Сибирь, а затем переведенного на Кавказ в действующие войска солдатом:

«В прошлом блестательный поручик, умница, человек широкой души и самых благородных нравов, полный радужных надежд, поддавшись велению сердца и человеческого долга, вышел на отважный поединок со злом, был повержен, сломлен» (9).

Эта ситуация парадоксальным образом созвучна истории главного героя первого исторического романа писателя «Бедный Авросимов»

(1969). Писарь является свидетелем допросов Павла Пестеля, постепенно проникается его идеями, даже продумывает план побега декабриста из Петропавловской крепости. Г. Белая справедливо отмечает, что эволюция декабристской тематики в творчестве автора тесно связана с переоценкой «того исторического фанатизма, под знаком которого прошли детство и юность Окуджавы и его сверстников» [1: 14]. В романе единожды испытанный героем «глоток свободы» оказывается разрушительным. Авросимов появляется на страницах «Путешествия дилетантов», случайно повстречавшись на пути «беглецов»: «Фамилия так же нелепа, как сам старик. Какая-то драма свела его с ума, да мало ли драм на свете?» (314). Герои писателя свободно перемещаются по пространству произведений Б. Окуджавы. Примером может служить упоминание о Пестеле в последнем историческом романе «Свидание с Бонапартом» (1983): Тимоша «укатил на Украину знакомиться с “замечательным человеком” <...> с холодной и неотвратимой немецкой фамилией»⁵. Лавинию и Мятлева, вырвавшихся «за шлагбаум» привычной жизни, общественного мнения, преследуют сыщики. Данный факт становится своеобразной отсылкой к более раннему роману Б. Окуджавы «Мерси, или Похождения Шипова: Старинный водевиль» (1971), посвященному «истинному проишествию» – доносу на Л. Толстого, результатом которого явился обыск в Ясной Поляне. Со своей стороны писатель подчеркивает

всю абсурдность ситуации, связанной с преследованием влюбленных:

«...главную массу составляют шпионы по любительству, шпионы-бессребреники, совмещающие основную благородную службу с доносительством и слежкой <...> Шпионство у нас – не служба, а форма существования» (41).

Подобных обращений к своим же текстам у автора можно обнаружить достаточно много. А. Малышев, анализируя жанровое сходство между романами, отмечает:

«Амплуа главного героя Б. Окуджавы – нестандартное поведение в стандартной ситуации, неприятие общественных условности и социальных рамок, но не сознательное бунтарство <...> а инстинктивное тяготение к “состести, благородству, достоинству”» [5: 109].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роман «Путешествие дилетантов», как и все творчество Б. Окуджавы, невозможно рассматривать без учета его связи с современной писателю действительностью. Время составляет основу поэтики, пронизывает всю ткань его исторических произведений, создается своеобразное звучание удаленных эпох. Автор всегда стремится вступить в диалог с читателем, поделиться мыслями о свободе, праве на выбор, ответственности, бессилии перед историей. Тема «путешествия дилетантов» (или «прогулки фрайеров») связывает все его романы в единое повествование о поиске независимости, о судьбе отдельного человека в истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Окуджава Б. Ш. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 2001. С. 394.

² Там же.

³ Окуджава Б. Ш. Путешествие дилетантов. М.: Известия, 1986. 560 с. В тексте в круглых скобках указаны страницы.

⁴ Окуджава Б. Ш. Стихотворения... С. 330.

⁵ Окуджава Б. Ш. Свидание с Бонапартом // Избранные сочинения: В 2 т. М.: Современник, 1989. Т. 1. С. 487–488.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Б е л а я Г. Булат Окуджава, время и мы // Окуджава Б. Избранные произведения: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 3–24.
- Б о й к о С. С. Творчество Булата Окуджавы и русская литература второй половины XX века. М.: РГГУ, 2013. 602 с.
- Булат Окуджава. Творческий вечер 21 марта 1981 года в ЦДЛ / Общ. ред. Л. Шилова. Переделкино, 1997. 78 с.
- В ы д р и н а В. В. «Путешествие в Арзрум» А. С. Пушкина как один из источников художественной стратегии Б. Окуджавы в романе «Путешествие дилетантов» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 324 (июль). С. 18–21.
- М а л ы ш е в А. В. Поэтика прозы Б. Окуджавы // Бахтин и время. Саранск: Крас. окт., 1998. С. 108–109.
- «Минувшее меня объемлет живо...» (Ю. Давыдов, Я. Кросс, Б. Окуджава, О. Чиладзе об историческом романе) // Вопросы литературы. 1980. № 8. С. 124–154.
- Н е р е т и н а С. С. Тропы и концепты. М., 1999. 220 с.
- О к у д ж а в а Б. XX век: вехи истории – вехи судьбы. Анкета // Дружба народов. 1997. № 4. С. 189–191.

9. Розенблум О. М. «...Ожидание большой перемены»: Биография, стихи и проза Булата Окуджавы. М.: РГГУ, 2013. 538 с.
10. Сергеева В. С. История и вымысел в исторической прозе // Вестник славянских культур. 2016. № 4 (42). С. 151–162.
11. Чайковский Р. Милости Булата Окуджавы: работы разных лет. Магадан: Кордис, 1999. 162 с.
12. «Я свое предназначение выполнил» / Беседовал Д. Левшинов-Лукавской // Известия. 1997. 14 июня. С. 14–18.

Поступила в редакцию 03.09.2020; принята к публикации 26.02.2021

Original article

Ekaterina N. Matyushkina, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russian Federation)
 ekaterina-matyush@yandex.ru

“PRIVATE” PERSON IN BULAT OKUDZHAVA’S NOVEL *THE JOURNEY OF AMATEURS*

A b s t r a c t. The article suggests that in the prose legacy of Bulat Okudzhava, in particular in his novel *The Journey of Amateurs*, the projection of the past on the modern reality the author lives in has a conceptual meaning. Time forms the basis of Okudzhava’s poetics, permeates the entire fabric of his historical works, and creates a kind of consonance of remote epochs. For Okudzhava, the period when he wrote historical novels was associated with reviewing the internal laws a certain part of the Soviet intelligentsia lived up to, as well as with a significant re-evaluation of previous ideas about freedom and the human. The writer always strives to enter into a dialogue with the reader, to share thoughts about the right to choose, about responsibility, about powerlessness in the face of history. At the same time, the author, being a poet and thus having a lyrical worldview, gives a subjective emotional assessment of the historical events, showing them through the prism of the perception of a “private” person. A “dilettante” or an “amateur” in Okudzhava’s artistic consciousness is synonymous with the word “intellectual”, and all his works can be considered as a reflection on the fate of an intellectual in an alien and even hostile world. Heroes who are in conflict with society have the right to their “breath of freedom” – an act, a state of mind, the acquisition of individual and personal existential place in history.

Key words: Bulat Okudzhava, historical novel, epoch, “breath of freedom”, intellectual, “private” person

For citation: Matyushkina, E. N. “Private” person in Bulat Okudzhava’s novel *The Journey of Amateurs*. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):79–83. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.604

REFERENCES

1. Беляева, Г. Булат Окуджава, время и мы. *Okudzhava B. Selected works*. Moscow, 1989. Vol. 1. P. 3–24. (In Russ.)
2. Бойко, С. С. Булат Окуджава’s creative works and Russian literature of the second half of the XX century. Moscow, 1991. 602 p. (In Russ.)
3. Evening with Bulat Okudzhava on March 21, 1981, in the Central House of Writers. (L. Shilov, Ed.). Peredelkino, 1997. 78 p. (In Russ.)
4. Видрина, В. В. *A Journey to Arzrum* by Alexander Pushkin as one of the sources of Bulat Okudzhava’s artistic strategy in the novel *The Journey of Amateurs*. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2009;324:18–21. (In Russ.)
5. Малышев, А. В. Poetics of Bulat Okudzhava’s prose. *Bakhtin and time*. Saransk, 1998. P. 108–109. (In Russ.)
6. “The past embraces me vividly...” (Yu. Davydov, J. Kross, B. Okudzhava, O. Chiladze about historical novel). *Issues of Literature*. 1980;8:124–154. (In Russ.)
7. Неретина, С. С. Tropes and concepts. Moscow, 1999. 220 p. (In Russ.)
8. Окуджава, Б. The XX century: milestones of history – milestones of fate. Answers to the questionnaire. *Friendship of Peoples*. 1997;4:189–191. (In Russ.)
9. Розенблум, О. М. “...Waiting for the big change”: Biography, poetry and prose of Bulat Okudzhava. Moscow, 2013. 538 p. (In Russ.)
10. Сергеева, В. С. History and fiction in historical prose. *Bulletin of Slavic Cultures*. 2016;4(42):151–162. (In Russ.)
11. Чайковский, Р. Graces of Bulat Okudzhava: works of different years. Magadan, 1999. 162 p. (In Russ.)
12. “I have fulfilled my purpose” (D. Levshinov-Lukavsky, Ed.). *Izvestiya*. 1997. June 14. P. 14–18. (In Russ.)

Received: 3 September, 2020; accepted: 26 February, 2021

ТРАДИЦИИ ТВОРЧЕСТВА Э. Т. А. ГОФМАНА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГОРОДСКОМ ФЭНТЕЗИ

Аннотация. Цель исследования заключается в выявлении элементов поэтики творчества Э. Т. А. Гофмана, которые используются и переосмыляются писателями, чьи произведения можно отнести к субжанру отечественного городского фэнтези. Его специфика определяется тем, что фэнтезийный хронотоп обусловлен городским пространством, в котором происходят сверхъестественные события, потенциально не мотивированные научным знанием, а в поэтике доминирует мотив двоемирия (параллельно сосуществуют два мира – обыденный и сверхъестественный) и элементы городского фольклора. В качестве объекта исследования, кроме непосредственно произведений Гофмана, выступили сочинения М. и С. Дяченко, О. Кожина, В. В. Орлова, Г. Л. Олди, А. Ю. Пехова, Е. А. Бычковой, Н. В. Турчаниновой. Обозначенная цель подразумевает решение следующих задач: определить особенности гофмановского романтического героя, наследуемые писателями отечественного городского фэнтези; выявить черты городского хронотопа, свойственные произведениям Гофмана и городскому фэнтези; раскрыть мотивный комплекс, характерный творчеству Гофмана и отечественному городскому фэнтези; обнаружить черты зарождающегося детективного жанра (на примере новеллы «Мадемуазель де Скюдери») и свойственной ему игровой природы, которая находит свое отражение в изучаемом фэнтезийном субжанре. Актуальность исследования обусловлена необходимостью рассмотреть городское фэнтези в контексте мировой литературы. Научная новизна работы определяется тем, что ранее рецепция творчества Гофмана в произведениях фэнтези не рассматривалась. В работе используются методы мотивного анализа, интертекстуального анализа, рецептивной эстетики. Выясняется, что в произведениях городского фэнтези творческая рецепция Гофмана переживает второй (после 1830–1840-х годов) виток популярности. Особенно продуктивным оказывается образ двойника, который в городском фэнтези демонстрирует новые формы воплощения.

Ключевые слова: городское фэнтези, Гофман, романтический герой, рецепция, мотив родового проклятия, мотив сделки с дьяволом, городской хронотоп, двойник, мотив безумия, мотив куклы / автомата

Для цитирования: Сафон Е. А. Традиции творчества Э. Т. А. Гофмана в отечественном городском фэнтези // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 84–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.605

ВВЕДЕНИЕ

Рецепция творчества Э. Т. А. Гофмана – тема, которая стала предметом научного исследования еще в начале XX века (статьи А. И. Кирпичникова [7: 96], Т. Левита [10], С. Родзевича [15]). С 1970-х годов начинается выход гофмановедческих работ, в которых рассматриваются не только заимствование отдельных элементов поэтики писателя, но и особенности художественного мышления Гофмана, которые используют российские авторы, возможные формы полемики с немецким писателем (А. Б. Ботникова «Э. Т. А. Гофман и русская литература» (1977), сборники «Художественный мир Э. Т. А. Гофмана» (1982), «В мире Э. Т. А. Гофмана» (1994)).

1830–1840-е годы в России считаются периодом пика интереса к творчеству Гофмана [8: 99]. В это время появляются как оригинальные произведения, для которых его сочинения послужили неким источником вдохновения (А. Погорельский с циклом «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» [4: 12]), так и множество произведений в духе откровенного подражания (В. Н. Олин «Странный бал», «Черный паук, или Сатана в тюрьме») [8: 101].

Несмотря на то что с указанного периода прошло уже почти два столетия, наследие великого фантаста находит свое отражение в творчестве авторов сегодняшнего дня, и прежде всего авторов городского фэнтези.

РОМАНТИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ ГОФМАНА В ГОРОДСКОМ ФЭНТЕЗИ

Центральная тема творчества писателя, выдающаяся в нем представителя романтического направления, – противостояние возвышенной неординарной личности с бытовым миром флистеров. В такой личности вмещается «вся история мира» [24: 694–697], но это не избавляет ее от неудовлетворенности жизнью: она мучается стремлением к некоему идеалу, который не может выразить. Такой персонаж смотрит исключительно ввысь, поэтому не замечает, что происходит у него под ногами, шокирует окружающих, то есть ставит себя в оппозицию по отношению к простым обывателям. В городском фэнтези также обнаруживаются подобные герои – неуверенные в себе, несобранные неудачники, которые переживают полное перерождение при контакте с миром сверхъестественного [19: 131].

Например, сэр Макс из «Лабиринтов Ехо» М. Фрая в земном мире страдает вечной бессонницей, не может ни построить отношения с девушкой, ни устроиться на нормальную работу, а при перемещении в иной мир вдруг превращается в преуспевающего мага и сыщика; юная замкомплексованная девушка Александра из романа «Vita Nostra» М. и С. Дяченко, получив приглашение обучаться в университете для людей со сверхъестественными способностями, постепенно перерождается в Слово, часть великого Гипертекста, управляющего миром. Эти персонажи отходят от внешней пассивности, чтобы стать настоящими романтическими героями, которые, по верному замечанию Д. Л. Чавчанидзе, с самого своего рождения стоят на позиции активного отрицания [22: 61].

По мнению упомянутого исследователя, Гофман в своих романах проводит некий «опыт о личности» («Эликсиры Сатаны», «Житейские взрзения кота Мурра») [22: 79], которая вследствие своей двойственной, наполовину возвышенной, наполовину сугубо земной природы оказывается в ситуации тупика, из которого принципиально не может быть выхода, так как романтик никогда не сможет найти себе место в реальной жизни. В центре произведения городского фэнтези также часто оказывается личность, погружая которую в череду фантастических событий, автор ставит некий опыт, однако его герой выходит победителем из сложившейся ситуации, причем неважно, принимает он свою новую сверхъестественную природу или нет (М. и С. Дяченко «Vita Nostra», Д. С. Лукьяненко «Черновик»). Такой герой либо полностью перемещается в сверхъестествен-

ный мир, либо отказывается от него, выбирая реальность (О. Кожин «Охота на удачу»). В любом случае, его духовное становление позволяет придать роману законченную форму.

Приход фантастического в жизнь героя Гофмана носит внезапный характер. Так, в объятия Перегринуса Тиса из «Повелителя блох» вдруг бросается прекрасная сказочная принцесса Гамахея, а одаренная удивительной мудростью блоха вручает герою чудесное стекло, помогающее читать мысли других существ. При этом введение в текст сверхъестественного значительно ускоряет скорость развития событий: если до этого жизнь героя текла размеренно и автор делал акцент исключительно на самых важных событиях, то теперь происходящее начинает напоминать ускоренную съемку, то есть повествование приобретает кинематографический характер. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в городском фэнтези: Константин Алексеев из «Нюансеров» Г. Л. Олди внезапно получает по наследству квартиру от незнакомой ему гадалки Заикиной, а приехав на место, не только вовлекается в круг людей, умеющих менять будущее, но буквально за пару дней и сам обретает данное умение; Герман из романа О. Кожина «Охота на удачу» случайно находит чудесную монетку-талисман и моментально становится мишенью для демонов, желающих ее заполучить, заставляя героя переживать все новые и новые смертельно опасные ситуации.

При создании образа героя Гофман нередко прибегает к определенному ряду мотивов.

1. Мотив родового проклятия (новелла «Вампиризм», повесть «Майорат», роман «Эликсиры сатаны»): его персонаж не просто обречен страдать благодаря воздействию чей-то негативной воли, но вынужден сам творить зло.

2. Мотив сделки с дьяволом (новеллы «Огненный дух», «Игнац Деннер», «Зловещий гость», «Приключения в новогоднюю ночь»). Чаще всего герой жертвует своей бессмертной душой ради обретения счастья в любви. Так, в новелле «Огненный дух» молодой полковник Виктор фон С. готов отречься от Бога ради чувства к саламандре, являющейся к нему ночью в образе прекрасной рыжеволосой девушки:

«Я чувствовал на губах обжигающие поцелуи, и <...> услышал слова: «Можешь ли ты ради обладания мною отречься от неведомого тебе блаженства на небесах?»!»¹

Мотив проклятия и мотив сделки с дьяволом также часто присутствуют и в городском фэнтези. Чаще всего они фигурируют в романах о вампирах [18]. К примеру, в цикле А. Ю. Пехова, Е. А. Бычковой, Н. В. Турчаниновой «Киндрэт»

тема семейного проклятия зашифрована уже в самоназвании вампиров – «киндрэт» (от англ. kin «родственники», «семья» и dratted «проклятый»)². Здесь же можно обнаружить и вариацию мотива сделки с дьяволом: герои соглашаются стать вампирами ради романтических отношений с теми, кто уже отказался от мира смертных и отдал свою душу ради вечной молодости.

3. Мотив отказа от чудесного дара: проходя через многочисленные испытания, герой начинает понимать, что должен полагаться только на собственные силы и не пытаться претендовать на возможности, предоставляемые им миром сверхъестественного. Так, Перегринус Тис из «Повелителя блох» отказывается от волшебного стекла, которое помогало читать чужие мысли: «Преступление, безбожное преступление желать, подобно павшему ангелу света, сравнивать себя с вечной силой, которая читает в душах людей, потому что владеет ими»³. Также поступает и юный Герман Воронцов из романа О. Кожина «Охота на удачу»: поверив к финалу произведения в собственные силы, добровольно отказывается от волшебной монетки, наделявшей его сверхъестественной удачей.

4. Мотив безумия, причем безумием страдают как люди, так и фантастические персонажи – призраки. Апогей трагической коннотации в случае с сумасшествием героя в его посмертном состоянии обусловливается тем, что если для живого человека сам факт завершения жизненного пути выступает в качестве своеобразного «лекарства» от душевной болезни, то в случае с мертвым героем от безумия нельзя излечиться (повести «Майорат» и «Игнац Деннер»). Творческое развитие образа мертвого сумасшедшего обнаруживается во многих произведениях городского фэнтези. В качестве примера возьмем образ Некрополита из вышеупомянутого романа О. Кожина: священник, решивший построить церковь на месте вепсского капища, сходит с ума, основывает секту и объявляет себя мессией. Разъяренные прихожане убивают его, но он продолжает свое существование на границе мира живых и мира мертвых, убивает детей и подростков мужского пола и превращает их в зомби, будучи при этом в полной уверенности, что покойные по доброй воле хотели примкнуть к его «пастве».

5. Мотив двойника, который, по словам Е. В. Новиковой, проявляется и на уровне персонажей, и на уровне романтической раздвоенности сознания одного героя [14], благодаря чему исследователь выделяет следующие типы двойников:

5.1. Двойник-ничтожество, которого посторонние наделяют прекрасными свойствами и талан-

тами, свойственными герою-оригиналу (Цахес из «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер»);

5.2. Герой, в итоге отказывающийся от романтически возвышенной составляющей в пользу бытового (Бальтазар из «Крошка Цахес, по прозванию Циннобер», Ансельм из «Золотого горшка»);

5.3. Подмена одного героя другим: Перегринус Тис из «Повелителя блох» мечтает жениться на прекрасной принцессе Гамахее, но в итоге находит свое семейное счастье с дочерью бедного переплетчика; Виктория из «Золотого горшка» хочет выйти замуж за студента Ансельма, но становится надворной советницей Геербранд, то есть выходит замуж за приятеля своего бывшего жениха, потому что он обладает соответствующим положением в обществе;

5.4. Подмена реального человека куклой-автоматом (Клара замещается роботом Олимпией в «Песочном человеке»);

5.5. Доппельгангер, воплощающий темную сторону человеческой души (Коппелиус у Натаниэля из «Песочного человека», граф Викторин и сумасшедший монах у Медарда из романа «Эликсиры сатаны»);

5.6. Двойник-пародия на романтического героя (Пауль Талькебарт и Альберт из новеллы «Огненный дух», кот Мурр и Крейслер из романа «Житейские воззрения кота Мурра») [14].

В городском фэнтези традиция двойника также представлена в многообразии форм⁴:

5.2. Кирилл из романа С. Лукьяненко «Чистовик» отказывается от сверхъестественной части своей души, обладающей умением перемещаться между мирами, в пользу жизни рядового москвича. Ивга Старж из цикла «Ведьмин век» М. и С. Дяченко жертвует своим алтарем – Великой Матерью ведьм ради того, чтобы на Земле не случилась катастрофа и ведьмы не уничтожили всех людей.

5.3. Замену одних героев другими можно обнаружить в романе М. и С. Дяченко «Долина совести»: главный герой по имени Вадим, обладающий сверхъестественным умением привязывать к себе людей, которые при расставании с ним умирают, отказывается от любви своей однокурсницы Анны и женится на Анджеле, наделенной таким же умением привязывать людей, как и он сам. Его единственный друг и одноклассник Дмитрий Шило умирает, когда Вадим заканчивает школу и уезжает поступать в московский вуз, но вместо него он обретает другого друга – Захара Богорада (его он сначалаанимает частным сыщиком, чтобы узнать о прошлом своей жены Анджелы). Таким образом, возникают пары двойников – Захар и Дмитрий, Анджела

и Анна. В то же время Анджела и Влад также представляют собой двойников – некую аналогию доктора Джекила и мистера Хайда: Анджела всю жизнь активно пользуется своей властью над мужчинами, выманивая у них деньги, а затем убивая их, тогда как Влад скрывается от всякой возможности завести узы⁵, чтобы снова не стать причиной гибели привязавшихся к нему людей.

5.4. Кукла, заменяющая собой человека: влюбленный в автомата Олимпио Натанаэль из «Песочного человека» Гофмана убежден, что его подруга живая (доминирует мотив оживления). С другой стороны, по мнению В. В. Гиппиус, образ куклы / автомата также определяет и мотив омертвения [3: 303], связанный с идеей нравственной деградации героя, а как следствие, гибели его души. В городском фэнтези традиционно преобладает образ куклы, ориентированный на семантику омертвения. Например, души персонажей романа О. Кожина «Охота на удачу» зашивались в кукольные тела из-за долгов за проживание в местной гостинице:

«Я уже начал создавать для вас удобное вместилище. – Швец любовно похлопал сухонькой ладошкой по заготовке [руки]. <...> Эту часть примерить можно прямо сейчас... Острие иглы вошли в тряпичную конечность <...> Не веря своим глазам, Воронцов смотрел, как участок кожи на предплечье девушки натянулся, копируя состояние ткани. Из двух крохотных дырочек лениво сочлились ярко-красные ниточки крови»⁶.

5.5. Доппельгангер – темная сторона героя, занимающая его место, обнаруживается в романе Г. Л. Олди «Свет мой, зеркальце»: отражение из зеркала писателя ужасов Бориса Ямщика вылезает из-под стекла, а Ямщика перекидывает в мир зазеркалья. Причем двойник заставляет героя полностью пересмотреть свои взгляды на жизнь в земном мире: Борис не любит не только свою жену, называет ее исключительно не по имени (Неля), а по прозвищу (Кабуч), но и испытывает отвращение ко всем людям вообще. Показателен тот факт, что у них нет детей не потому, что кто-то из них бесплоден, а потому, что Ямщика дети вообще никогда не интересовали. Напротив, его двойник искренне заботится о его супруге, то есть показывает Борису, каким мужем он должен бы быть. Возвращаясь из мира зазеркалья, Борис пытается соответствовать уровню своего двойника, однако это получается лишь отчасти. Таким образом, двойник оказывается носителем темного начала только по отношению к главному герою, тогда как по отношению к другим демонстрирует лучшие, чем у Ямщика, качества.

Еще один тип, который у Гофмана не встречается, – двойник-животное, выявленный в романе М. и С. Дяченко «Пещера». В произведении все герои во сне раз в неделю перемещаются в мир Пещеры, где каждый воплощает собой какое-то животное: хищника (сааг, схруль) и жертву (сарна). Соответственно, хищники поедают своих жертв, благодаря чему в реальной дневной жизни отсутствуют войны и преступления.

ТРАДИЦИИ ГОФМАНОВСКОГО ХРОНОТОПА В ГОРОДСКОМ ФЭНТЕЗИ

Городу (Берлину, Дрездену, Нюрнбергу, Парижу, Франкфурту-на-Майне) как литературному топосу отводится в творчестве Гофмана большое значение. Анализируя новеллы писателя, действие которых происходит в Берлине («Кавалер Глюк», «Выбор невесты», «Эпизод из жизни трех друзей»), А. Ю. Михайлова замечает, что в этих произведениях крайне подробно описываются улицы города, что в принципе для романтической практики нехарактерно [12: 288]. Такое же бережное воспроизведение улиц города мы можем найти в городском фэнтези. К примеру, В. В. Орлов в трилогии «Останкинские истории» рисует панораму Москвы, подробно воссоздавая места обитания своих персонажей, отлично знакомые коренным жителям столицы:

«Шли они берегом Яузы, а потом пересекли бульвар и голым, асфальтовым полем Хитрова рынка добрали до Подкопаевского переулка и у Николы в Подкопае свернули к Хохлам»⁷.

Городской хронотоп Гофмана выстраивается по принципу «переживания города» [13: 907]. Речь идет о явлении, когда город из объекта созерцания переходит во внутренний мир человека, становится частью его души [5]. Так, в новелле «Мастер Мартин-бочар и его подмастерья» читатель оказывается на улицах средневекового Нюрнберга, видит не только стоящие на них дома, но и их внутреннее убранство, уклад жизни обитателей. С точки зрения автора настоящей статьи, глубина «переживания» усиливается в творчестве Гофмана тогда, когда при построении образа города используется мотив фантастического «двоемирия» и привычные объекты и локусы обретают новый смысл, заставляя в бытовом разглядеть чудесное.

Время в произведениях немецкого писателя часто протекает в двух планах («Ночные этюды», «Эликсиры сатаны»): как время бытовой реальности – линейное, и как время сверхъестественного мира – мифологическое, вечное, в котором ведется бесконечная борьба Добра и Зла. Причем

земное время оказывается «частным проявлением времени сакрального» [21: 92]. По мнению Ф. П. Федорова, данный факт является основной причиной для формирования трагической иронии позднего романтизма:

«...человек, погруженный в бытовое, историческое время <...> оказывается обреченным на неизменность; объявивший себя субъектом, оказывается лишь субъектом бытового времени <...> марионеткой вечности. Все это и делает неизбежным появление в позднеромантическом сознании такой категории, как судьба, ведущая к гибели» [21: 92].

Ослепление бытовым не позволяет человеку увидеть мир вечного, поэтому чудак Перегринус Тис не знает, что он царь Сикакис («Повелитель блох»), обладающий могущественным талисманом древности, соседи знают архивариуса Линдгорста, но не знают скрывающегося под его личиной мага («Золотой горшок»). Осознание истинной природы мира вечного обычно происходит только к концу повествования, тогда же наступает и понимание свойственной ему мифологичности [10: 287], однако это доступно только некоторым героям. Совершенно аналогичную ситуацию мы видим и в городском фэнтези: известный промышленник Константин Алексеев из романа Г. Л. Олди «Нюансеры» внезапно получает от незнакомой ему старой гадалки наследство, а по приезде в город узнает, что он относится к группе так называемых нюансеров – людей, способных программировать будущее с помощью перемещения предметов. К финалу произведения он полностью осваивает новые для себя навыки и начинает пользоваться преимуществами своего положения. В романе «Свет мой, зеркальце» того же автора мы видим писателя Бориса Ямщика, который оказывается перемещен своим двойником из Харькова в мир зазеркалья, где знакомится с демонами, пожирающими человеческие души, помогающими ему вернуться обратно и победить двойника.

ГОФМАНОВСКИЙ ДЕТЕКТИВ В ГОРОДСКОМ ФЭНТЕЗИ

Новелла Гофмана «Мадемуазель де Скюдери» считается первым произведением детективного жанра в европейской литературе [1], [20: 55]. Особо примечательна данная новелла тем, что следствие в ней носит многоуровневый характер: серия убийств расследуется сыщицей-любительницей, по имени которой названа новелла, королем, учредившим особый суд во главе с председателем Ларени, полицией и графом Миоссаном, который заманивает в ловушку, а потом ликвидирует самого преступника. Несмотря

на такой обширный список сыщиков, именно любительскому расследованию мадемуазель де Скюдери сопутствует успех. Ее деятельности присущ игровой характер [6]: игра с преступным ювелиром Кардильяком начинается со стихотворения, которое она пишет в ответ на заявление короля о необходимости направить больше усилий на поимку убийцы. Стихотворение это потом она назовет «необдуманной шуткой». В ответ получит от убийцы письмо, в котором он процитирует ее стихи, таким образом, продолжая игру и все больше вовлекаясь в круговорот последующих событий.

Игровая природа данной детективной новеллы гармонично коррелирует с игровой природой, свойственной городскому фэнтези [9: 105], [11], [20: 55], которое и само достаточно часто обращается к детективным сюжетам, благодаря чему нам кажется возможным говорить о «фэнтезийном детективе» как о самостоятельном современном литературном явлении (в качестве примера можно взять повести из цикла М. Фрая «Лабиринты Ехо», роман Г. Л. Олди «Нюансеры»).

Обратим внимание, что мадемуазель де Скюдери представляет собой тип «наивного сыщика» [6]: она не имеет навыков сыскной работы и не получала юридического образования. К этой же категории можно отнести и сэра Макса из «Лабиринтов Ехо» М. Фрая, который в земной жизни был диспетчером в редакции малотиражной газеты, а в фантастическом мире Ехо вдруг стал Ночным Лицом (заместителем) Почтеннейшего Начальника Малого Тайного Сыскного Войска, играючи расследующим любые преступления. По словам Т. И. Хоруженко, детективный элемент повестей базируется на конфликте профанного и магического, а поимка преступника обеспечивает сохранение равновесия одновременно в обоих мирах [23: 210]. Максу удается раскрыть дела прежде всего не с помощью своих сверхъестественных способностей, а невероятной удачи: он всегда оказывается в нужном месте в нужное время.

На мотиве игры с преступником основан роман Г. Л. Олди «Нюансеры»: перед смертью старая гадалка Заикина, умеющая видеть и планировать будущее, узнает, что во время ограбления банка будет убит ее правнук, поэтому она составляет особый план-игру, который должен свести с ума будущего убийцу. Ее план успешно реализуется, однако в итоге убийца прощен: после лечения он полностью теряет память и получает возможность вернуться к любимой женщине и отказаться от преступной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного исследования автор статьи приходит к выводу, что создаваемый Гофманом романтический герой в рецепции городского фэнтези претерпевает значительные изменения: если он делает выбор в пользу сверхъестественного мира, то его погружение не отягчено, как у Гофмана, профанно-бытовой составляющей; если же он делает выбор в пользу бытовой реальности, как, скажем, происходит с героем С. Лукьяненко из «Черновика» или героем О. Кожина из «Охоты на удачу», то делает это согласно своим представлениям о чести, долге и личном высоком предназначении.

Выясняется, что в городском фэнтези находят свое отражение многочисленные принципы моделирования двойников, используемые Гофманом, предлагаются также и новые типы. Например, тип животное-двойник – альтер этого героя,

чей генезис отсылает нас к фольклорной волшебной сказке.

Отметим, что выстраиваемый немецким писателем хронотоп в лице авторов городского фэнтези находит продолжателей, бережно сохраняющих традицию: авторы как будто признаются в любви изображаемым городам (реальным и вымышленным), в которых время делится на бытовое – сиюминутное и сакральное – вечное, мифологическое, причем только избранным героям удается проникнуть во временную мифологическую плоскость, тем самым получая контроль над временем бытовой реальности. Предлагаемый тип «наивного сыщика», изображаемого Гофманом в лице мадемузель де Скюдери, для городского фэнтези оказывается не просто достаточно продуктивным, но расширяется новыми свойствами героя – магическими умениями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гофман Э. Т. А. Огненный дух // Гофман Э. Т. А. «Песочный человек» и другие ночные этюды. М.: Иностранка, 2019. С. 929.
- ² Пехов А. Ю., Бычкова Е. А., Турчанинова Н. В. Киндрэт. Кровные братья. М.: Альфа-книга: Армада, 2007. С. 404.
- ³ Гофман Э. Т. А. Повелитель блох // Гофман Э. Т. А. Новеллы. М.: Худож. лит., 1978. С. 321.
- ⁴ В соответствии с классификацией Е. В. Новиковой.
- ⁵ Дяченко М. и С. Долина совести. М.: Эксмо, 2007. С. 374.
- ⁶ Кожин О. Охота на удачу М.: АСТ, 2014. С. 197.
- ⁷ Орлов В. В. Альтист Данилов. М.: Терра, 1994. С. 64.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бент М. Немецкая романтическая новелла [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/bent-nemeckaya-romanticheskaya-novella/evolyuciya-zhanra-novelly-u-gofmana.htm> (дата обращения 19.01.2021).
2. Ботникова А. Б. Э. Т. А. Гофман и Россия. Предисловие // Гофман Э. Т. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 2000. С. 297–322.
3. Гиппиус В. В. Люди и куклы в сатире Салтыкова // Гиппиус В. В. От Пушкина до Блока / Отв. ред. Г. М. Фридлендер. М.; Л.: Наука, 1966. С. 295–330.
4. Голова К. В. Рецепция творчества Э. Т. А. Гофмана в русской литературе первой трети XIX века: Автoref. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2006. 24 с.
5. Горнова Г. В. Переживание города // Вестник Омского государственного педагогического университета: Электрон. науч. журн. 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgupi-8.pdf> (дата обращения 19.01.2021).
6. Кириленко Н. Н. Детектив: логика и игра // Новый филологический вестник. 2009. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://slovorggu.ru/nfv2009_2_9_pdf/06Kirilenko.pdf (дата обращения 19.01.2021).
7. Кирпичников А. И. Антоний Погорельский. Эпизод из истории русского романтизма // Кирпичников А. И. Очерки истории новой русской литературы. 2-е изд. М.: Книжное дело, 1903. Т. 1. С. 76–120.
8. Кожикова А. В. Русские эпигоны Гофмана: к проблеме трансформации элементов романтической поэтики // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2007. № 32. С. 99–103.
9. Козьмина Е. Ю. Классический и фантастический детектив // Новый филологический вестник. 2012. № 2 (21). С. 96–106.
10. Левит Т. Гофман в русской литературе. Послесловие // Гофман Э. Т. А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Недра, 1930. С. 333–371.
11. Мельник В. В. Познавательно-эвристическое значение художественной литературы детективного жанра [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://detective.gumer.info/txt/melnik.doc> (дата обращения 01.10.2021).
12. Михайлова А. Ю. Берлин в изображении Э. Т. А. Гофмана-новеллиста // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 286–291.

13. Михайлова А. Ю. Художественное пространство города в новелле Э. Т. А. Гофмана «Мастер Мартин-бочар и его подмастерья» // Вестник ННГУ. 2010. № 4–2. С. 907–909.
14. Новикова Е. В. Типология героев-двойников и структурные особенности представления двойничества в произведениях Э. Т. А. Гофмана // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 11 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://human.sciencedata.ru/2014/11/8202> (дата обращения 20.01.2021).
15. Родзевич С. К истории русского романтизма (Э. Т. А. Гофман и 30–40 гг. в нашей литературе) // Русский филологический вестник. Варшава, 1917. Кн. 1. С. 194–237.
16. Сафон Е. А. Поэтика городского фэнтези. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2020. 96 с.
17. Сафон Е. А. Жанровое своеобразие романа В. В. Орлова «Альтист Данилов» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Филология. Журналистика». 2017. № 1. С. 57–62.
18. Сафон Е. А. Тема власти в романе А. Ю. Пехова, Е. А. Бычковой, Н. В. Турчаниновой «Киндрэт. Кровные братья» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2020. № 8. С. 17–20.
19. Сафон Е. А. Традиции городской фэнтези в повести М. Ю. Лермонтова «Штосс» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2017. № 1. С. 131–138.
20. Тамарченко Н. Д. Детективная проза // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 55–56.
21. Федоров Ф. П. Время и вечность в сказках и каприччио Гофмана // Художественный мир Э. Т. А. Гофмана. М.: Наука, 1982. С. 81–106.
22. Чавчадзе Д. Л. Романтический роман Гофмана // Художественный мир Э. Т. А. Гофмана. М.: Наука, 1982. С. 45–80.
23. Хоруженко Т. И. Русское фэнтези на границе с детективом: трансформации жанра // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Филология. 2018. № 1. С. 209–216.
24. Steffens H. Caricaturen des Heiligen. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1821. Bd. 2. 752 s.

Поступила в редакцию 25.01.2021; принята к публикации 26.02.2021

Original article

Elena A. Safron, Cand. Sc. (Philology), Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-7752-3403; 00inane@gmail.com

HOFFMANNIAN TRADITIONS IN DOMESTIC URBAN FANTASY

A b s t r a c t. The purpose of the research is to identify the elements of Ernst Theodor Hoffmann's poetics used and rethought by the writers, whose works can be attributed to the subgenre of domestic urban fantasy. Its specificity is determined by the fact that the fantasy chronotope here is shaped by the urban space, where the supernatural events potentially not motivated by scientific knowledge take place, and that its poetics is dominated by the motif of the double world (where two worlds – the ordinary and the supernatural – coexist in parallel with each other), and some elements of urban folklore. The works of Hoffmann and the books of M. and S. Dyachenko, O. Kozhin, V. V. Orlov, H. L. Oldie, A. Yu. Pekhov, E. A. Bychkova, and N. V. Turchaninova were selected as objects of research. The stated goal implies addressing several tasks. The first one is to determine the specific features of Hoffmann's romantic hero, inherited by the authors of domestic urban fantasy. The second task is to reveal the features of the urban chronotope inherent in the works of Hoffmann and urban fantasy. The third one is to reveal the set of motifs typical for the works of the studied writers. And the final task is to discover the features of the emerging detective genre (for example, in Hoffmann's novel *Mademoiselle de Scuderi*) and its characteristic gameplay nature, which is reflected in the studied fantasy subgenre. The relevance of the study is due to the need to investigate urban fantasy in the context of world literature. The research novelty lies in the fact that the reception of Hoffmann's creativity by the authors of fantasy has not been studied so far. The author uses the method of motivational analysis and intertextual analysis, as well as the method of receptive aesthetics. It turns out that in urban fantasy the creative reception of Hoffmann has been experiencing the second round of popularity (after the 1830s and the 1840s), with the image of a doppelganger being especially productive and demonstrating new forms of embodiment in urban fantasy.

K e y w o r d s : urban fantasy, Ernst Hoffmann, romantic hero, reception, family curse motif, devil's bargain motif, urban chronotope, doppelganger, madness motif, doll/machine motif

F o r c i t a t i o n : Safron, E. A. Hoffmannian traditions in domestic urban fantasy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):84–91. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.605

REFERENCES

1. Bent, M. German romantic novella. Available at: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/bent-nemeckaya-romanticheskaya-novella/evolyuciya-zhanra-novelly-u-gofmana.htm> (accessed 19.01.2021). (In Russ.)

2. Botnikova, A. B. Ernst Theodor Hoffmann and Russia. Foreword. *Hoffmann E. T. A. Collected works*. In 6 vols. Vol. 6. Moscow, 2000. P. 297–322. (In Russ.)
3. Gippius, V. V. People and dolls in Saltykov's satire. *Gippius V. V. From Pushkin to Blok*. (G. M. Friedlander, Ed.). Moscow, Leningrad, 1966. P. 295–330. (In Russ.)
4. Golova, K. V. The reception of Ernst Theodor Hoffmann's creativity in Russian literature of the first third of the XIX century: Author's abstract of Diss. Cand. Sc. (Philology). Magnitogorsk, 2006. 24 p. (In Russ.)
5. Gornova, G. V. Experiencing the city. *Newsletter of Omsk State Pedagogical University*. 2006. Available at: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgpu-8.pdf> (accessed 19.01.2021). (In Russ.)
6. Kirilenko, N. N. Detective story: logic and game. *New Philological Bulletin*. 2009. No 2. Available at: http://slovorggu.ru/nfv2009_2_9_pdf/06Kirilenko.pdf (accessed 19.01.2021). (In Russ.)
7. Kirpichnikov, A. I. Antony Pogorelsky. An episode from the history of Russian romanticism. *Kirpichnikov A. I. Essays on the history of new Russian literature*. Moscow, 1903. Vol. 1. P. 76–120. (In Russ.)
8. Kozhikova, A. V. Russian epigones of Hoffmann: to the problem of transformation of romantic poetics elements. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2007;32:99–103. (In Russ.)
9. Koz'mina, E. Yu. Classic and fantastic detective story. *New Philological Bulletin*. 2012;2(21):96–106. (In Russ.)
10. Levit, T. Hoffmann in Russian literature. Afterword. *Hoffmann E. T. A. Collected works*. In 6 vols. Vol. 6. Moscow, 1930. P. 333–371. (In Russ.)
11. Mel'nik, V. V. Cognitive and heuristic value of fiction in the detective genre. Available at: <http://detective.gumer.info/txt/melnik.doc> (accessed 01.01.2021). (In Russ.)
12. Mikhailova, A. Yu. An image of Berlin in E. T. A. Hoffmann's novels. *Bulletin of the Chuvash University*. 2010;1:286–291. (In Russ.)
13. Mikhaylova, A. Yu. Arts space of the city in E. T. A Hoffmann's novelette "Master Martin the Cooper and His Journeymen". *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2010;4–2:907–909. (In Russ.)
14. Novikova, E. V. Typology of heroes-doubles and structural features represent duality in the creations of E. T. A. Hoffmann. *Humanities Scientific Researches*. 2014. No 11. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/11/8202> (accessed 01.20.2021). (In Russ.)
15. Rodzevich, S. History of Russian romanticism (E. T. A. Hoffmann and Russian literature in the 30s and the 40s). *Russian Philological Bulletin*. Warsaw, 1917. Book. 1. P. 194–237. (In Russ.)
16. Safron, E. A. The poetics of urban fantasy. Petrozavodsk, 2020. 96 p. (In Russ.)
17. Safron, E. A. Genre texture of V. V. Orlov's novel "The Violist Danilov". *Proceedings of Voronezh State University. Series "Philology. Journalism"*. 2017;1:57–62. (In Russ.)
18. Safron, E. A. Theme of power in the novel "Kindrat. Blood Brothers" by A. Yu. Pekhov, E. A. Bychkova, N. V. Turchaninova. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. Tambov, 2020;8:17–20. (In Russ.)
19. Safron, E. A. Traditions of urban fantasy in M. Yu. Lermontov's novella "Stoss". *Vestnik of Nothern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences"*. 2017;1:131–138. (In Russ.)
20. Tamarchenko, N. D. Detective prose. *Poetics: dictionary of up-to-date terms and concepts*. Moscow, 2008. P. 55–56. (In Russ.)
21. Fedorov, F. P. Time and eternity in Hoffmann's fairy tales and capriccios. *The artistic world of E. T. A. Hoffmann*. Moscow, 1982. P. 81–106. (In Russ.)
22. Chavchadze, D. L. Hoffmann's romantic novel. *The artistic world of E. T. A. Hoffmann*. Moscow, 1982. P. 45–80. (In Russ.)
23. Khoruzhenko, T. I. Russian fantasy on the border with the detective story: genre transformation. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Philology*. 2018;1:209–216. (In Russ.)
24. Steffens, H. Caricaturen des Heiligen. Leipzig, 1821. Bd. 2. 752 s.

Received: 25 January, 2021; accepted: 26 February, 2021

СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА ШУМИЛО

кандидат филологических наук, доцент кафедры украинского языка и литературы

Национальный университет «Черниговский коллегиум»
им. Т. Г. Шевченко (Чернигов, Украина)

ORCID 0000-0003-2633-284X; shumilosm@gmail.com

ПОВТОР КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ В ЛИТЕРАТУРЕ СТИЛЯ «ПЛЕТЕНИЕ СЛОВЕС»: К ВОПРОСУ О ЗАИМСТВОВАНИИ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТРОПОВ

Аннотация. Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью стиля «плетение словес» и его литературных источников, а также значительными расхождениями исследователей во взглядах на его природу. Настоящая статья содержит анализ главного тропа плетения словес – художественных повторов с точки зрения их литературных источников, которые автор статьи усматривает в гимнографических текстах. Цель – установить преемственность украшенного стиля от литургической поэзии, а также рассмотреть приемы аллюзии и реминисценции как одни из ведущих в поэтике средневековых житий, написанных в стиле «плетение словес». При исследовании мы опирались на методы сравнительного, источниковедческого, герменевтического, лингвистического анализа художественного текста. Рассмотрение художественных повторов в украшенном стиле средневековых житий позволило прийти к таким выводам: во-первых, реминисценции и аллюзии на храмовое действие являются важнейшими приемами для средневекового агиографа, во-вторых, главным тропом, заимствованным из литургической поэзии, является художественный повтор, в-третьих, он выполняет несколько разных функций в средневековом житии. Так, он служит ключевым словом для выражения определенной идеи автора, в частности, в Житии Сергия Радонежского, написанном Епифанием Премудрым, – для идеи постепенного возрастаия и совершенствования святого. Повтор, сопряженный с приемами антитезы и амплификации, позволяет автору подчеркнуть особенно важные моменты произведения, усилить выразительность текста благодаря апелляции к литургической поэзии. Изучение повтора как художественного тропа, заимствованного из гимнографии, позволяет иначе взглянуть и на природу украшенного стиля, и на писательскую задачу автора, и на развитие средневековой литературы в целом.

Ключевые слова: «плетение словес», Епифаний Премудрый, Константин Преславский, митрополит Кирилл Киевский, художественный повтор, гимнографические аллюзии

Для цитирования: Шумило С. М. Повтор как художественный прием в литературе стиля «плетение словес»: к вопросу о заимствовании гимнографических тропов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 92–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.606

ВВЕДЕНИЕ

Повтор – одна из самых ранних фигур художественной речи, восходящая, по мысли А. Н. Веселовского, к греческому эпосу и особенно характерная для славянских литератур [3: 76]. Его суть – в регулярном воспроизведении идентичных языковых элементов. Различают метрические, звуковые (рифма, аллитерация, ассоцанс), морфологические, или деривационные, лексические (анафора, эпифора, рефрен, припев) и синтаксические повторы¹.

В гимнографии повтор встречается очень часто. Думается, повторы в греческих литургических произведениях генетически связаны с худо-

жественными повторами античной литературы и риторики, поскольку древнейшие гимнографические тексты имеют связь с проповедями таких знаменитых воспитанников античной риторической школы, как Иоанн Златоуст, Василий Великий и Григорий Богослов². Оригинальные же произведения древнерусской литературы заимствуют повтор как фигуру речи из богослужебных произведений и используют ее так же, в тех же контекстах, что и древние гимнографы. Предлагаем рассмотреть сначала повторы в литургических произведениях, а затем в агиографии.

Повторы в гимнографии являются важной составляющей амплификации и выполняют

усилительно-выделительную функцию при антитезе. Можно разделить гимнографические повторы на две группы: сочетающиеся с амплификацией и сочетающиеся с антитезой. Проанализируем оба вида. Прием амплификации как основной для богослужебных произведений был бы невозможен без лексических повторов: сосредоточивая мысль на каком-то событии евангельской истории и распространяя описание этого события, гимнограф неизменно использовал лексический повтор. Это позволяло ему, с одной стороны, удержать мысль, что так важно при расширении описания, а с другой – украсить текст тем или иным ключевым словом и тем самым углубить его понимание. Повтор в средневековой литературе, в отличие от новой, воспринимался чисто эстетически – как игра слов. Многие средневековые повторы сейчас показались бы нам тавтологией, тогда как ранее они, очевидно, украшали произведение и доставляли реципиенту эстетическое удовольствие.

ПОВТОР В БОГОСЛУЖЕНИИ СТРАСТНОЙ СЕДМИЦЫ (ПО РУКОПИСИ ЦВЕТНОЙ ТРИОДИ)

Службы Страстной седмицы – одни из самых ярких в художественном смысле литургических текстов. Для анализа мы выбрали утреню Великого четверга – воспоминание Тайной вечери. В Евангелии от Иоанна тайная вечеря описана довольно подробно: воспроизведены последние наставления Иисуса. Другое важное событие этого вечера, предательство Иуды, евангелисты описывают очень скрупульно – как произошедшее не на глазах учеников и потому не поддающееся описанию с подробностями. Гимнограф же особенное внимание обратил именно на сюжет предательства и рассказал о нем расширил амплификацией. Так, три тропаря подряд в каноне посвящены тому, что Христос указывает на предателя среди учеников. Все они – амплификация, при помощи которой расширяется короткий евангельский рассказ. В каждом из тропарей повторяется слово «предатель» и однокоренные слова. Тропари также украшены рефреном:

«Покишаа главою Иуда злъ продзря подзвишаа, подобно время иски предати Судио на осуждение, иже веха есть Господь и Богъ отецъ нашихъ.

Самъ Христос другомъ вопиаше: «Единъ предастъ мя». Веселie забывша, тугою и страхом одержими баху: «Кто сей есть, скажи, – глаголюще, – Боже отецъ нашихъ»³.

Иже со мною руку свою в солило вложить дерзостию, тому обаче добро бы врат житийских пройти никаклиже: се же рек, являша Богъ отецъ нашихъ»³.

В стихирах на хвалитех гимнограф еще больше заостряет внимание на моменте предатель-

ства, добавляя к повторяющемуся слову «предатель» еще одно – «льстец». Это обусловлено соотнесением стихир на хвалитех с иудиным целованием. Здесь автор использует повтор однокоренных слов в очень близкой позиции, что отражает средневековое восприятие эстетики повтора:

«Иуда предатель лъстивъ сый, лукавымъ лобзаниемъ предаетъ Спаса Господа...»⁴.

«Иуда, рабъ и льстецъ <...> последоваше бо Учитлю и в себѣ поучашся на предание, глаголаше въ себѣ: предамъ Сего <...> Отдать цѣлование и предать Христа...»⁵.

В одной из стихир на хвалитех использован прием амплификации в совокупности с фигурой повтора (в тексте подчеркнуты различные виды повтора):

«Днес Иуда нищелюбия съкрывает лице и лихомства открывает образ: не кому о нищихъ печется, не кому миро продаетъ грѣшныя, но небесное миро, и от него усвояет сребренники. Течет ко иудеям, глаголеть беззаконныемъ: «Что ми хощете дати, и азъ вам предамъ Его». О, сребролюбия предателя! Добру куплю творить, куплю к воле купующихъ, непродаляемого куплю творить, не скупъ является въ ценѣ, но яко раба бѣщааго продаетъ: обычна бо крадущимъ помѣтати съвѣщаннаа. Нынѣ поверже святая псомъ ученикъ, бѣсование бо сребролюбия на своего Владыку бѣситися сотвори его. Егоже искушения бѣжимъ, зовуше: долготерпѣливе Господи, слава Тебѣ»⁶.

При помощи амплификации гимнограф описывает тот фрагмент, который в Евангелиях подан очень коротко: говорят Иуды с иудеями. Стоит отметить, что в древнегреческом языке, как и в русском, слова «продать», πωλούν, и «предать», προδίδει, несколько схожи между собой. На игру и повторы схожих по звучанию слов в греческой, коптской и сирийской гимнографии неоднократно указывал С. С. Аверинцев [1: 112–117]. В частности, он подчеркивал использование Романом Сладкопевцем соседствующих слов «преданный» и «проданный» по отношению ко Христу в каноне на Иуду Предателя [1: 116].

Повторы играют также роль выделения ключевых слов: тот или иной гимн концентрирует внимание реципиента на каком-то одном понятии, предлагает его рассмотрение с разных сторон, и ключевые слова наиболее удобны для этого сосредоточивания на конкретной идее. Так, первая песнь канона на Великий четверг акцентирует внимание на славе Христа: рассказ о начале Его крестного пути должно предварять многократное прославление. Эта мысль в первой песни звучит рефреном в ирмосе и тропарях, все они заканчиваются словами: «Славне бо прославися Христос Богъ нашъ»⁷. Обращает на себя внимание невозможное по меркам современного

языка соседство слов «Славно прославися», которое в средневековом тексте выполняет функцию усиления. Здесь оно служит, кроме прочего, аллюзией на радостный гимн Великой Субботы, который исполняется на вечерне между паремиями и имеет рефрен «Славно бо прославися»⁸. Паремийный тропарь в силу своей праздничной приуроченности и указанию на его многократное исполнение⁹ является одним из самых узнаваемых в богослужении. Использование его конечной фразы «Славно прославися» в начале страстных служб, в частности в первой песне канона на Великий четверг, играет важную роль в общей композиции Страстных богослужений. Именно повтор сообщает ему то исключительное звучание, из-за которого оно становится легко узнаваемым.

Практически каждый тропарь канона имеет, по меньшей мере, дважды повторяющиеся слова. Так, в третьей песни один из тропарей при помощи повторов акцентирует внимание на неразумности Иуды:

«Безуменъ муж, иже предатель, – Своимъ ученикомъ предрекл еси, незлобе, – и не имат разумѣти сия. И яко безуменъ сый не имат разумѣти. Обаче во Мнъ пребудете, и вѣрою утвердитеся»¹⁰.

Девятая песнь канона построена на смешении разных значений лексемы «слово». Здесь вспоминается о том, что Христос – это воплотившееся Слово, что тайная вечеря – это Его последнее слово, в смысле наставление, Его ученикам, что сами ученики понесут слово о Нем во вселенную. Эта игра на совмещении смыслов начинается еще в ирмосе:

«Учреждения Владычия и бесмертнѣи трапезы на горничнѣм месте высокими умы, вѣрни, приидите, насладимся, возшедша Слова, от словесе научившееся, Егоже величаемъ»¹¹.

Последующие тропари как бы подхватывают эту словесную игру и продолжают ее развивать:

«Идите, – ученикомъ Слово рече, – Пасху на горничнѣм мѣсте, юже умъ утверди, ихже тайно уча, устрите бесквасным истинным словом, твердое же благодати величайте.

Содевая Отець прежде вѣкъ премудрость, ражает Мя в начатокъ путем, въ дела созда, яже нынѣ тайно творима: Слово бо не сый естеством, гласы усвоая, егоже нынѣ прияхъ»¹².

Итак, повторы в гимнографических текстах выполняют несколько функций: усилительную, выделительную, в частности, с их помощью автор выделяет ключевые слова, композиционную, когда гимнограф при помощи повторов закрепляет основную мысль внутри большой амплификации, и жанрообразующую, например, в жанре

канона. Все эти особенности литургических повторов заимствовались славянами и повторились, в первую очередь, в оригинальных богослужебных произведениях.

ПОВТОРЫ В ТРИОДИ КОНСТАНТИНА ПРЕСЛАВСКОГО

Одним из первых гимнографических произведений, написанных славянами, являются дополнения к триоди Константина Преславского. Болгарский книжник, переводя постную Триодь, дописал в будничные трипесицы несколько своих тропарей, которые по стилю и основной идеи не отличались от оригинальных. Так поэтические особенности византийской гимнографии органично входят в оригинальные славянские песнопения. В дописанных Константином тропарях широко представлены антитезы и повторы, характерные для византийской Триоди:

«Рай Адам затвори неудержанием си,
Вторыи же Адам, Христос Бог мои, отверзи и постом.
Темже и весело приимемъ»¹³.

Повторяя имя «Адам», гимнограф вводит противопоставление ветхого Адама и Христа, характерное для средневекового мировосприятия. В этом же тропаре обращает на себя внимание слово «весело» по отношению к обетованному Раю. Здесь оно встречается впервые, но во многих последующих тропарях оно повторяется, становясь ключевым словом в произведении Константина: автор, очевидно, подчеркивает идею о радости великопостного подвига:

«Елико мы, верни, приимъ весело поста вход
И масло веселия главы си помажемъ, не сѣтующе,
Но воспевающе: Господа поите и прѣвзносите»
(Попов: 238).

И далее:

«Съмысльно лица своя веселою водою омыемъ,
Вопиюще: Отче нашъ, Иже еси на небесехъ, остави
Прѣгрѣшениа наша, поющихъ Тя, Христе, во вѣкъ»
(Попов: 289).

Думается, повторение слова «весело» также входит в антитетическую парадигму: пост традиционно ассоциируется с печалью как временем покаяния. Называя его «веселым», гимнограф указывает на внутреннее значение: приближение к Богу, очищение, предошущение Пасхи. Соединение антитезы и повтора, а также введение в текст неявного противопоставления – традиционные для византийской гимнографии литературные приемы, заимствованные Константином Преславским.

Повтор используется гимнографом и для усилительно-выделительной функции. Так, святость

начинаемого постного подвига описана при помощи повторения корня *-свящ-*:

«Братие, се връме наста пръосвященънаго поста,
Священъно его приемем, дълы добрыми
съврывающи...» (Попов: 396).

Ту же функцию играет повтор в следующем тропаре, посвященном идее покаяния: повторяется слово «окаянный»:

«Ръки слез ми даруи, Спасе милостиве, да измыю
душу мою, Окаанную, и сердце же си, окаанное
гръхы...» (Попов: 397).

Чаще всего идея покаяния подчеркивается при помощи повторов корня *-грѣх-*:

«Ныня прежде исхода твоего, душе моя грѣшная,
Прилежно со слезами возопи: съгрѣшихъ къ Тебѣ,
Господи, Богу единому» (Попов: 405).

При помощи повторов Константин Преславский делает акцент на том, что пост – хорошее время, чтобы положить начало праведной жизни:

«Кыи начаток сотвориши, душе моя, како же почнеши
Плакати ся, грѣшнаа, все житие въ грѣсхъ живуще,
Но еже отступи ти от грѣхъ» (Попов: 402).

Эта идея подчеркивается в дальнейших тропарях указанием на то, что хорошо начатый пост будет иметь славное окончание:

«Сетути ты, душе, и плачи ся горько Христови,
Молящи ся безгрѣшно скончати поста течения
И воскресения святаго доити, Христа Бога
славящее» (Попов: 404).

Повтор также используется автором, чтобы упорядочить каноны внутри недельного цикла. В канонах на среду и пятницу ключевым словом является «Крест». Обычно у Константина оно связано также с повтором семы «свет» в таких словах, как «сиять», «заря», «лучи» и т. д.:

«Сияет Крест, и мир весь озаряется,
Имже немощни препоясашася силою» (Попов: 407).
«Аще на месте Крест возруженъ есть,
Но шлет весьде лючю свою, въсего мира
просвѣтая» (Попов: 409).

В канонах на четверг обычно повторяется слово «апостолы», поскольку этот день традиционно считается посвященным их памяти:

«Имуще апостолы святии область грѣхы
раздрешати наша, Узы моя раздрешите...»
(Попов: 416).

Итак, Константин Преславский заимствовал из византийских литургических произведений основные литературные приемы: повтор и, реже, антитеза. Его творчество – это самое начало оригинальной славянской литературы, заимство-

ванные им тропы навсегда вошли в обиход славянских гимнографов, а позже – проповедников и агиографов.

ПОВТОРЫ В МИНЕЕ (НА ПРИМЕРЕ СЛУЖБЫ МИТРОПОЛИТУ ПЕТРУ, СОСТАВЛЕННОЙ МИТРОПОЛИТОМ КИПРИАНОМ)

В качестве примера рассмотрим еще один оригинальный богослужебный текст чуть более позднего периода – службу святому Петру, митрополиту Киевскому, составленную митрополитом Киприаном. Художественный повтор в этой службе – один из основных приемов. Особенно выделяется использование повтора для **выделения** ключевых слов. Очевидно, такими ключевыми словами является для автора словосочетание «земля Русская», которое многократно используется в произведении:

«Кыими похвальными венъци увяземъ святителя
<...> реку многих чудесъ, земля Рускоя веселяща теченьми?..

Приидите, верныхъ сбори, псаломски въсплещемъ руками <...> въспевающе похвалу земли Русстей...»¹⁴

«Ты проявилъ еси, Владыко, последнему роду нашему чудотворца святителя Петра, земли Рустей утверждение...»¹⁵

Митрополит Петр, как известно, был первым иерархом, который перенес свою кафедру в Москву из Владимира, куда она временно переместилась из разрушенного монголами Киева. В связи с этим гимнографу особенно важно подчеркнуть единство «Русской земли» при том, что на глазах у архиереев того времени формируется два новых государства, так что гимнограф уже не вправе именовать владения митрополита собственно Русью или каким-то иным именем, он обозначает только территорию – только землю.

Воспевая митрополита Петра, Киприан, очевидно, стремится сосредоточить внимание recipiента на представлении о нем как о хорошем пастыре и управителе: он постоянно повторяет слова «правило», «пастырь» и «стадо» или «овцы». Как правило, одно и то же слово повторяется в пределах одного тропаря или стихиры, что усиливает эстетический эффект повтора. Тропари или стихиры с повторяющимся словом соседствуют друг с другом. Это свидетельствует о сознательном использовании повтора как художественного тропа с целью усиления и выделения:

«Великий пастырь всех, Христос, овцам тя, блаженне, показа своим пастыря и учителя...

Великий человекомъ Пастырь и Спаситель от Девы яко человекъ приходит. Пучиною щедрот Вифлеемъ

уготовися. Пастыри, въспевайте общее възведение, вещающе концемъ»¹⁶.

Здесь в двух соседствующих тропарях канона, на «Славу...» и «И ныне...», по два раза используется слово «пастырь», причем в разных значениях: это и Христос, и Петр, и просто иерарх церкви. Таким образом, подчеркивается идея о единстве пастырского служения и о подражании Христу в этом.

Художественный повтор появляется в тексте службы и вне связи с ключевыми словами: он украшает стихиры и тропари, акцентирует внимание реципиента на той или иной идее, выраженной в конкретном песнопении. Так, в тропаре восьмой песни канона трижды повторяется корень *-добр-* в очень близком соседстве:

«...Подобникъ показася изрядный Пастуха доброго, избравъ своя Его добродетели добре»¹⁷.

То, что в современном литературном произведении было бы воспринято как тавтология, являлось украшением, имело функцию эстетического воздействия.

Аналогично в стихирах на хвалитех повторяется корень *-венец-*:

«...и ныне сугубых венецъ от Венцодавца приим»¹⁸.

В одном из тропарей шестой песни обращает на себя внимание повтор слов «воспевать» и «общее»:

«Мужие и священници срадуются намъ днесъ, общему отцу празднующе, съгласуютъubo и воспеваютъ въкупе общая, истинни безмолвьници и прости – вси обще тебе въспеваютъ, представлю въкупе и учителю»¹⁹.

Единоначатие слов «срадуются» и «соглашаютъ» в этом тропаре призвано подчеркнуть идею единого прославления святителя, так же как и слово «общее». Это тоже элемент художественного повтора на фонетическом и морфемном уровнях.

В той же песни можно наблюдать использование корневого повтора:

«Чадо порочное азъ единъ быхъ, отче, страстью скверными, воистину недостоинъ доброго ти, славне, и красного празнования. Но ты, очистивъ мою скверну, преподобне, душевную, покажи мя вечери твоей достойна»²⁰.

Использование анафоры как одной из разновидностей повтора особенно ярко отражено в икосе:

«Новый чудотворецъ явися <...> съгласно зовемъ ти сице: Радуйся, страстей темныхъ прогонитель! Радуйся, света бестраснаго дом! Радуйся, бесовъськыя раздрушишъ козни! Радуйся, аггельськыя веселя чины! Радуй-

ся, высою боговидения чиста! Радуйся, глубино смиренія, болезни омывая!...»²¹

Начиная каждую синтагму с восклицания «Радуйся!», так называемого хайретизма, гимнограф традиционно соотносит икос с жанром акафиста. Знаменательно, что во времена митрополита Киприана акафист переживал свое возрождение и только начинал входить в обиход [4], так что заимствование из акафиста является не столько традиционной жанровой формой, сколько аллюзией на входивший тогда в употребление акафист – текст для келейного чтения.

Итак, митрополит Киприан широко использует повтор как художественное средство для усиления, выделения какой-либо идеи, для сосредоточения на ключевых словах. Корневой повтор нередко используется для украшения песнопения – в качестве своеобразной игры слов. Повтор, кроме того, призван подчеркивать противопоставления и служить средством конкретизации тех или иных описаний. Так, идея пастырства конкретизируется при помощи повторов слов «правило» или «отец». Эти слова указывают на такие аспекты пастырства, как получение собственным примером и родственная, отеческая любовь.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПОВТОР В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АГИОГРАФИИ

Все аспекты использования художественного повтора были вполне усвоены агиографией, что свидетельствует об определенной преемственности этого жанра от гимнографии. Рассмотрим в качестве примера Житие Сергия Радонежского. Характерным признаком стиля «плетение словес» является так называемый **семантический** повтор, то есть повтор слов, имеющих одинаковые семы. Как правило, этот вид повтора связан с оригинальной синтаксической конструкцией, характерной для исследуемого стиля, – называнием синонимов, обозначением какого-то лица, предмета или понятия не конкретным словом, а целым рядом слов с тождественными или близкими значениями. Цепочки синонимов или синонимичных словосочетаний, сближающие стиль агиографии с гимнографическим (см. об этом подробнее: [2]), особенно характерны для предисловия к Житию и Похвального слова Сергию Радонежскому. В тех главах Жития, где говорится о мирском периоде жизни Сергия, тавтологические перечисления встречаются значительно реже. Первый длинный синонимический ряд встречаем в главе «О пострижении святого»: «...того уединение, и дръзвновение, и стенание, прошение и всегдашнее моление...

слезы теплые, плакания душевные, молитвы непрестаны, стояния неседальны...»²². Такое длинное перечисление словосочетаний с общей для них семой «горячая молитва» призвано привлечь особое внимание читателя к данному моменту, в то время как при описании мирской жизни Сергия автор удерживается от введения в текст риторических длиннот и сам считает начало своего произведения несколько затянутым: «Не зазрите же ми грубости моей, понеже и до зде писах и продльжих слово о младенстве его, и о детстве его, и прочее о всем белецком житии его...» (ЖСР: 309). Это распределение семантических повторов в тексте демонстрирует монашеское миросозерцание автора. Для агиографа мирской период жизни Сергия, безусловно, важен и нуждается в изложении, но несравненно важнее монашеское житие преподобного, которое должно быть описано возвыщенно, наиболее украшенным стилем.

Разновидность семантического повтора – **корневой** повтор, на базе которого могут возникать и развертываться текстовые словообразовательные гнезда, сквозные для произведения в целом²³. Агиограф многократно прибегает к этому художественному средству:

«Бог наш великодатель, и благых податель, и богатых даров Дародавец»; «...родися от родителя добродону...» (ЖСР: 290). «Тешитася и утешитася! Се бо дарова вама Бог тешения...» (ЖСР: 396).

Корневые повторы делают прозу более звучной и поэтичной, заставляя слова эхом звучать в предложении. В Житии Сергия Радонежского они служат средством усиления и утверждения какой-то мысли. Так, например, подчеркивается доброта и благородство Сергия:

«Отрок же предобный, предобраго родителя сын... иже от родителей добродоных и благоверных произыде, добра бо корене добра и отрасль расте, добру кореню... якоже сад благородный показася, и яко плод благоплодный процвете, бысть отроча добролепно и благопотребно...» (ЖСР: 304).

Настойчивое утверждение одного и того же качества через два-три корня (-добр-, -благ-, -род-) максимально концентрирует внимание читателя на этой характеристике Сергия. Кроме того, корневой повтор нередко служит созданию противопоставлений: «...неудобь исповедимую повемь повесть, не вема, елма же чрез есть нашу силу творимое» (ЖСР: 287). Противопоставлены друг другу «неудобь исповедимая» и «повесть», «не вема» и «повемь». В других местах: «Сице может мое омрачение просветити и мое неразумие вразумити» (ЖСР: 289); «...како плотяни сущее, бесплотныя враги победиша...» (ЖСР:

327). Этот прием так же, как повтор синонимов и синонимических сочетаний, роднит Житие Сергия с гимнографическими текстами, поскольку на повторении и противопоставлении однокоренных слов построены многие образные выражения богослужебных произведений, например, один из тропарей канона Иоанну Крестителю: «Неплодствующя мя бесплодием, всеблаженне, сотвори дѣлателя добродѣтелей благочадие присно приносити...»²⁴.

Корневой повтор выполняет в Житии еще одну функцию: с его помощью автор подчеркивает взаимонаправленность действий субъекта и объекта, как правило, человека и Бога или земного человека и небесного, то есть святого: «Весь бо Господь славити славящая Его и благословляти благословяще Его...» (ЖСР: 285); «нъ обаче сподоби мя принести похвали тебе [Сергию], приносящему мольбы о моей худости къ Христу Богу нашему» (ЖСР: 272); «славящая Мя бо... Аз прославлю... лепо бо нам того похвалити; похвала бо его... нам паче спасение духовное содевает...» (ЖСР: 272). Повтор в приведенных примерах заостряет внимание на содействии и взаимодействии небесного и земного: насколько дольнее движется к горнему, настолько горнее спускается к дольнему. Такое словоупотребление может иметь сакральный смысл и отправлять читателя к богословским текстам, часто оперирующим подобными противопоставлениями. Сравним с известной формулой, толкующей воплощение Сына Божия: «Бог вочеловечился, чтобы человек обожился».

В отдельных случаях целый абзац или целая глава Жития пронизаны однокоренными словами, вследствие чего образуется важное для данного фрагмента словообразовательное гнездо с вершиной в определенном слове: «слава», «свет», «дар» и т. п. Так, в первом абзаце Жития многократно встречаются слова с корнем *-слав-*, *-благ-*, чemu B. N. Топоров посвящает отдельную главу своей работы [5: 356–366]. Глава Жития Сергия Радонежского «О пострижении святого» содержит различные слова с корнем *-един-*, так что вся она подчиняется одной мысли – об единении:

«...еже единому в пустыни сей жительствовати и единьстовати и безмльствовати...» (ЖСР: 311); «...и оставляет его [Сергия] въ пустыни единого безмльствовати и единьстовати...» (ЖСР: 311); «...желанием вжелах сего, еже житии ми единому в пустыни, без всякого человека...» (ЖСР: 312); «...того [Сергия] уединение и дръзновение...» (ЖСР: 313).

Многократное повторение слова должно способствовать уяснению его смыслов и формированию устойчивого образа Сергия как отшельника.

Акцентуация корня *-един-* может быть рассмотрена и как аллюзия на труд Дионисия Ареопагита «Об именах Божиих», где слово «единица» представлено в качестве одного из имен Божества²⁵.

Еще одна разновидность семантических повторов – **повтор тропов** (в первую очередь, метафор), обладающих общими семантическими компонентами или построенных по одинаковой схеме. Особого внимания в Житии Сергия заслуживают те тропы, с помощью которых Епифаний описывает преподобного. Автор, изображая Сергия, вводит в текст многочисленные образные выражения, эпитеты, сравнения. При этом каждой главе или совокупности глав присущи свои повторяющиеся тропы, то есть в каждой главе Сергий предстает перед нами несколько иначе, чем в предыдущей. Это дает возможность проследить представления агиографа о святыни и формировании личности святого.

В предисловии Епифаний чаще всего связывает образ Сергия с понятием дара:

«...должни есмы благодарити Бога о всем, еже дарова нам такова старца свята...» (ЖСР: 285); «слава Богу о неизреченном Его даре...» (ЖСР: 285); «...поистине велико то [присутствие Сергия] есть нам от Бога даровавша...» (ЖСР: 285).

Сергий для Епифания – это дар от Бога нашей грешной земле. Завершая главу, автор еще несколько раз повторяет корень *-дар-*, прибегая к корневому повтору и еще раз останавливаясь на той же мысли: «Той бо есть Бог наш Великодатель, и благых Податель, и богатых даров Дародавец» (ЖСР: 289).

Также в предисловии представление о Сергии связано в Житии с понятием пользы: «...такая потреба толикую и таковую пльзу [память о Сергии] въ забытие положити...» (ЖСР: 289); «...велит в след жития его [Сергия] ходити и от сего примет ползу» (ЖСР: 283) и т. д. Повтор слова «польза», практически всегда сопутствующего в начальных строках Жития упоминанию о Сергии, закрепляется тут же цитатой из Лавсаика (и одновременно из Жития Марии Египетской), которая получает значение ключевой фразы для предисловия: «Тайну бо цареву лепо есть таити, а дела Божия проповедати добро есть и полезно...» (ЖСР: 283). Знаменательно, что понятия дара или пользы как средства для начальной обрисовки образа преподобного в последующих главах Жития встречаются со значительно меньшей частотностью.

В главах, описывающих детство и отрочество святого, встречаются эпитеты «благородный», «чудный» или «дивный», «избран-

ный» и особенно «добрый» или «благой»: «Сий предобрый и вседоблий отрок...» (ЖСР: 306); «добрый же отрок достоин бысть даров духовных...» (ЖСР: 306) и т. д. Автор подчеркивает, что именно доброта, то есть «благость» в средневековом понимании этой лексемы, является началом святой жизни. Кроме того, в главах о жизни юного Сергия неоднократно возникает слово «знамение», вся мирская жизнь Сергия пронизана божественными указаниями на будущий славный подвиг. Каждый рассказ о таких «знамениях» автор завершает одной и той же фразой: «...еже и бысть» (ЖСР: 303, 304, 306, 308), обращая внимание читателя на тот период, когда пророческие предзнаменования исполняются. Фраза «еже и бысть», несколько раз возникающая в начальных главах, звучит как рефрен, выполняя функции организации и поэтизации текста. Кроме того, повтор данного рефrena имеет и скрытую функцию некоего психологического воздействия на читателя. Автор обращает внимание читателя не на то, о чем говорится сейчас, а на то, что будет после, во время монашеского жития Сергия, то есть в тот период жизни, который для автора как монаха обладает несравненно большей ценностью. Автор всегда устремлен к тому, что случится («еже и бысть») в последующем.

В той части текста, где описывается иноческий и игуменский периоды жизни святого, агиограф использует два эпитета: «блаженный» и «преподобный». Они становятся постоянными для центральных глав произведения и последовательно чередуются друг с другом. Слово «преподобный» возникает, когда говорится о юношеском желании Сергия постричься: «Сам же преподобный юноша зело желаше мнишеского жития» (ЖСР: 311). Очевидно, что для автора преподобие и блаженство – неотъемлемые качества иноческой жизни; до монашества назвать человека преподобным нельзя: «добрый» отрок превращается в «преподобного» только после пострига. Наконец, в Похвальном слове Сергию встречаем большое разнообразие метафорических наименований святого. Похвальное слово, написанное Епифанием, довольно продолжительно и отличается особенной риторической укращенностью. Оно заключает в себе похвалу Сергию, описание братской скорби по нему, молитвенные возвзвания к нему и к Богу самого автора и примеры молитв к Сергию других людей. Здесь агиограф использует большое количество поэтических иносказаний, которые можно разбить на несколько групп по признакам, переносимым на образ Сергия.

Во-первых, это иносказания со световой символикой: «...яко луча, тайно сияющи и блистающи...»; «...яко светило светлое възсия посреди тмы и мрака...»; «яко звезда незаходи маа...» (ЖСР: 322). Тропы, с помощью которых Сергий изображается как источник света, имеют самую большую частотность у Епифания. В картине мира писателя XV века светоносность является главным качеством святого. Помимо красивого поэтического образа, такие метафоры несут в себе скрытый смысл – намек на сакральное понимание света, которое особенно важно для периода второго южнославянского влияния. Во-вторых, автор связывает представление о Сергии с понятием благоухания: «...яко кадило благоуханное, ...яко яблоко добровонное, яко шипок благоуханный, ...яко ароматы благоухания, яко миро излианное...» (ЖСР: 322). В-третьих, встречаем описания внутренней красоты Сергия посредством сравнений с цветами и деревьями: «...яко цвет прекрасный, ...яко сад благоцветущ, ...яко кипарис при водах, яко кедр, иже в Ливане...» (ЖСР: 322). В-четвертых, автор сравнивает Сергия с драгоценными металлами и камнями, в чем снова можно видеть указание на внутреннюю красоту: «...яко злато посреди бръния, ...яко измаагд и сапфир пресветлый, ...яко камень честный...» (ЖСР: 322). В-пятых, встречаем иносказания, где общей семой является стойкость: «...яко град нерушим, яко стена неподвижима, яко забрала тверда...» (ЖСР: 322). В-шестых, употреблены слова с общей семой «плодоносность»: «...яко виноград плодоносен, яко гроздь многоплоден, ...яко маслина плодовита...» (ЖСР: 322).

Кроме того, представления о Сергии связаны с понятием сладости: «...яко сладкий источник...»; «...кто слыша добрый его и сладкий ответ, не насладися когда сладости словес его...» (ЖСР: 321). Наконец, Сергий представлен как тайна, глубоко скрытая от посторонних глаз: «...яко оград заключен..., яко врътоград затворен, яко запечатленный источник..., яко луча, тайно сияющи...» (ЖСР: 322).

На основании этих наблюдений можно выделить несколько понятий, которые для автора неотделимы от представления о совершенстве: светоносность, благоуханность (ср. с выражением, присущим гимнографии: «...в воню благоухания духовнаго...»), красота, драгоценность, твердость, плодоносность, сладость и тайна (по-

нятия расположены в порядке убывающей частотности употребления их в тексте). Епифаний сравнивает Сергия с неким таинственным источником света, благоухания, сладости, стойкости, который приносит благие плоды, – так можно резюмировать наблюдение образных средств, к которым прибегает агиограф в Похвальном слове Сергию.

Итак, повтор тропов в повествовании позволяет проследить движение образа Сергия:

ПРЕДИСЛОВИЕ: Сергий как дар свыше, данный людям для их пользы.

ГЛАВЫ О МИРСКОЙ ЖИЗНИ СВЯТОГО: Сергий как добрый, чудный, избранный отрок.

ГЛАВЫ О МОНАШЕСТВЕ СВЯТОГО: Сергий как блаженный и преподобный, Сергий-пастырь.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО: образ Сергия связан с представлениями о свете, благоухании, сладости, красоте, тайне и плодоносности.

Таким образом, система повторов в стиле «плетение словес», и в частности в агиографии этого стиля, важна для определения ключевых слов и понятий, актуальных для философской картины мира автора. В Житии Сергия Радонежского представлена система повторов, позиции и сочетания которых определяют стилистические особенности произведения и его образную систему.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обилие повторов, вариантов, параллелей становится тем художественным приемом, который во многом определяет писательский метод агиографа и обуславливает особенности стиля «плетение словес». Этот метод, несомненно, заимствован средневековыми агиографами из гимнографии, влияние которой, таким образом, было несомненно очень велико. Это обусловлено как богослужебной практикой средневековых книжников, то есть частотой восприятия литургических текстов, так и их несомненной лиричностью и высокой утонченностью. Повтор, сопряженный с приемами антitezы и амплификации, позволяет автору подчеркнуть особенно важные моменты жития, усилить выразительность текста через апелляцию к литургической поэзии. Изучение повтора как художественного тропа, заимствованного из гимнографии, позволяет иначе взглянуть и на природу украшенного стиля, и на писательскую задачу автора, и на развитие средневековой литературы в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Повтор // КЛЭ / Гл. ред. А. А. Сурков. Т. 1. М: Сов. энциклопедия, 1962. 1088 стб.

- ² Карабинов И. А. Постная Триодь: исторический обзор ее плана, состава, редакций и славянских переводов. СПб.: Типография В. Д. Смирнова, 1910. 296 с.
- ³ Триодь Цветная, XVI в. РГБ, собр. ТСЛ, Ф. 304. I, № 399. Л. 45.
- ⁴ Там же. Л. 46.
- ⁵ Там же. Л. 46–46 об.
- ⁶ Там же. Л. 48.
- ⁷ Там же. Л. 43.
- ⁸ Там же. Л. 91.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Л. 4 об.–44.
- ¹¹ Там же. Л. 45.
- ¹² Там же. Л. 45 об.
- ¹³ Попов Г. Триодни произведения на Константин Преславски // Кирило-Методиевски чтения. Кн. 2. София: Издателство на Болгарската академия на науките, 1985. С. 284. Далее в круглых скобках будет указана фамилия и через двоеточие страница.
- ¹⁴ Служба с житием митрополиту Петру, составленные митрополитом Киприаном // Седова Р. А. Святитель Петр митрополит Московский в литературе и искусстве Древней Руси. М.: Русский мир, 1993. С. 66.
- ¹⁵ Там же. С. 72.
- ¹⁶ Там же. С. 74.
- ¹⁷ Там же. С. 88.
- ¹⁸ Там же. С. 90.
- ¹⁹ Там же. С. 75.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 76.
- ²² Житие Сергия Радонежского, написанное Епифанием Премудрым // Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 313. Далее в круглых скобках будет указано ЖСР и через двоеточие страница.
- ²³ Николина Н. А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 11–24.
- ²⁴ Канонник, XVII в. РГБ, Собр. ТСЛ, Ф. 304. I, № 289 (1195). Л. 76.
- ²⁵ Дионисий Ареопагит. Корпус сочинений. С толкованиями преп. Максима Исповедника / Пер. с греч. и вступ. ст. Г. М. Прохорова. 5 изд., испр. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2013. С. 302–309.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С. С. От берегов Евфрата до берегов Босфора. Литературное творчество сирийцев, коптов и ромеев в I тысячелетии от Р.Х. // Аверинцев С. С. Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой, К. Б. Сигова. Киев: Дух і літера, 2006. С. 12–217.
- Авласович С. М., Гридинева Л. Н. Смысл стиля «плетение словес» в «Житии Сергия Радонежского» // Филологический ежегодник. Омск, 2002. Вып. 4. С. 223–229.
- Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 648 с.
- Максим (Козлов), диакон. Византийские и русские досинодальные акафисты // Журнал Московской Патриархии. 1992. № 3. С. 43–49.
- Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 2. М., 1998. 864 с.

Поступила в редакцию 11.01.2021; принята к публикации 26.02.2021

Original article

Svetlana M. Shumilo, Cand. Sc. (Philology), National University “Chernihiv Collegium” named after T. G. Shevchenko (Chernihiv, Ukraine)
ORCID 0000-0003-2633-284X, shumilosm@gmail.com

REPETITION AS A LITERARY DEVICE IN “FLOWERY STYLE” WRITINGS: THE ISSUE OF HYMNOGRAPHIC TROPS BORROWING

Abstract. The research relevancy is determined by insufficient study coverage of the “flowery style” and its literary sources, as well as wide disagreements among scholars over its nature. This article contains the analysis of literary

repetitions as the major trope of the “flowering style” with special focus on their literary sources, which the author discovers in hymnographic texts. The paper intends to establish the “flowery style” succession from liturgical poetry and also examine allusion and reminiscence as two leading literary devices for the poetics of the medieval saints’ lives written in the “flowery style”. The author used the methods of comparative, source study and hermeneutic analysis, as well as the linguistic analysis of literary texts. Examining literary repetitions in the “flowering style” of the medieval saints’ lives led to several conclusions. Firstly, reminiscence and allusion to the church divine service and ceremonial are the most important devices for medieval hagiographers. Secondly, literary repetition is the main trope borrowed from liturgical poetry. Thirdly, repetition performs several functions in the medieval saints’ lives. Thus, it serves as a key word for expressing an author’s certain idea – for instance, Epiphanius the Wise uses it in *The Life of St. Sergius of Radonezh* to promote the message and demonstrate this saint’s gradual growth and improvement. Coupled with antithesis and amplification, repetition enables the author to emphasize especially significant moments of the work and enhance text expressiveness by appealing to liturgical poetry. Addressing repetition as a literary device borrowed from hymnography gives a different view of the “flowering style” nature, writers’ objectives and the evolution of medieval literature in general.

К e y w o r d s : “flowery style”, Epiphanius the Wise, Constantine of Preslav, Metropolitan Cyprian of Kiev, literary repetition, hymnographic allusions

F o r c i t a t i o n : Shumilo, S. M. Repetition as a literary device in “flowery style” writings: the issue of hymnographic tropes borrowing. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):92–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.606

REFERENCES

1. Averintsev, S. S. From the shores of the Euphrates to the shores of the Bosphorus. The literary works of the Syrians, Copts and Romans in the first millennium AD. *Averintsev S. S. Collected works* (N. P. Averintseva, K. B. Sigov, Eds.). Kiev, 2006. P. 12–217. (In Russ.)
2. Avlasovich, S. M., Gridneva, L. N. The meaning of the “flowery style” in *The Life of St. Sergius of Radonezh*. *Philological Yearbook*. Omsk, 2002. Ed. 4. P. 223–229. (In Russ.)
3. Veselovskiy, A. N. Historical poetics. Moscow, 1989. 648 p. (In Russ.).
4. Maksim (Kozlov), Deacon. Byzantine and Russian pre-synodal akathists. *Journal of the Moscow Patriarchate*. 1992;3:43–49. (In Russ.)
5. Toporov, V. N. Sanctity and saints in Russian spiritual culture. Vol. 2. Moscow, 1998. 864 p. (In Russ.).

Received: 11 January, 2021; accepted: 26 February, 2021

ДАРЬЯ ОЛЕГОВНА УШАКОВА

аспирант кафедры литературы факультета русской филологии и национальной культуры

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина (Рязань, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-4956-247X; davydova.dash@yandex.ru

ХРИСТИАНСКИЕ ЦЕННОСТИ В ЦИКЛЕ КАВКАЗСКИХ ОЧЕРКОВ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Аннотация. Цикл кавказских очерков Я. П. Полонского рассматривается с точки зрения отражения в нем национальных традиций кавказских народов и ценностных аспектов христианства. Исследование осуществлено с опорой на современную литературную этнopoэтику, с применением антропологического и аксиологического анализа, а также сравнительно-сопоставительного изучения художественных текстов с библейскими претекстами. В результате анализа корпуса этнографических очерков Полонского («Краткий исторический очерк городов Кавказского края», «Поездка в немецкую колонию Элизабетталь», «Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского», «Ночной вид Марткопского праздника») выявлены мотивы духовного единства и взаимного заступничества народов. Подчеркнуты взаимосвязь народных обычаяев кавказского населения с христианскими традициями, духовное братство народов и ценностное значение для них исторической памяти, единение людей в стремлении приблизиться к Богу в соблюдении евангельских заповедей. В художественных очерках («Два незнакомца – живой и мертвый», «Саят-Нова») обнаружены мотивы самопожертвования и духовного приращения таланта, которые Полонским возводятся к евангельскому тексту. Ключевыми для истинного поэта он считает христианские добродетели и духовный подвиг, истинное предназначение видит в служении народу.

Ключевые слова: Я. П. Полонский, кавказские очерки, библейские мотивы, евангельский текст, христианские ценности

Благодарности. Статья подготовлена по результатам реализации проекта РФФИ № 17-04-00501а («Литературное наследие Я. П. Полонского: исследование и комментарий»).

Для цитирования: Ушакова Д. О. Христианские ценности в цикле кавказских очерков Я. П. Полонского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 102–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.607

ВВЕДЕНИЕ

Творчество Я. П. Полонского гармонично вошло в стремительно развивающуюся русскую литературу второй половины XIX века, которой был свойствен интерес к жизни простого народа, национальному быту и духовно-нравственным основам человеческого бытия. Период службы на Кавказе в канцелярии наместника и редакции газеты «Закавказский вестник» (1846–1851) стал для Полонского временем творческого роста, о чем свидетельствует обширный комплекс произведений, в которых ярко отразились кавказские впечатления поэта. Некогда камерная поэзия, проникнутая верой в «служение истине, добру и красоте» [13: 273], обогатилась темами, мотивами и образами, выросшими из богатейшего источника – исторического прошлого Грузии, ее природы, фольклора и народной жизни. Поэт отошел от привычного

для русской литературы 1820–1830-х годов романтизированного изображения Грузии, он представил повседневную жизнь народов Кавказа и Закавказья, подчеркнув их культурную самобытность. Богатство тем, живость и реалистическая верность изображения быта и людей, их характеров, жизненных ценностей и словаря определили новизну кавказских произведений Полонского.

В последние десятилетия творчество Я. П. Полонского становится объектом изучения с точки зрения духовной христианской традиции в контексте библейских мотивов, образов и идей. И. В. Моклецова выделяет в поэзии Полонского глубоко религиозное сопререживание, в котором воззрения поэта восходят к «христианскому братству, основанному на евангельских

заповедях, заботливом отношении к беспомощным и отвергнутым» [11: 14]. И. Л. Багратион-Мухранели объясняет интерес поэта к кавказским реалиям единым корнем русского и кавказского Православия [2: 14–15], чем подчеркивает важность национальных скреп братских народов, с одной стороны, с другой – глубокий подтекст художественных произведений, связанный с религиозной общностью кавказских народов. В мотиве покоя Е. А. Гаричева видит выраженное автором стремление «к равновесию земного и небесного», «веру в идеал и способность к состраданию» [4: 385]. Т. В. Федосеева пишет о связанном с библейскими ценностями поиске Полонским «гармонии физического, душевного и духовного в человеке», которую находит в «восстановлении утраченной человечеством душевной цельности» в «идеале самоутверженной христианской любви» [17: 394].

В настоящей статье кавказские очерки Я. П. Полонского рассматриваются с опорой на современную литературную этнографику (В. Н. Захаров) [8], с применением антропологического (О. А. Бердникова)¹ и аксиологического анализа (В. Н. Аношкина-Касаткина, М. М. Дунаев, А. М. Любомудров, А. В. Моторин) [1], [6], [10], [12], а также приемов сравнительно-сопоставительного анализа художественных текстов с библейскими претекстами (И. А. Есаулов, И. С. Юропин) [7], [14].

Анализируемые нами произведения: «Поездка в немецкую колонию Элизабетталь» (1848)², «Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского» (1848)³, «Ночной вид Марткопского праздника» (1848)⁴, «Краткий исторический очерк городов Кавказского края» (1847)⁵, «Саят-Нова» (1851)⁶, «Два незнакомца – живой и мертвый» (1847)⁷ были опубликованы в 1847–1851 годах в газетах «Закавказский вестник» и «Кавказ». Впоследствии они не переиздавались и не становились объектом самостоятельного исследования. Цикл кавказских очерков Я. П. Полонского впервые анализируется с точки зрения рецепции библейских текстов и воплощения ценностных ориентиров личности писателя.

В этнографическом очерке «Поездка в немецкую колонию Элизабетталь» вместе с воссозданием картины повседневной жизни писатель обращается к вопросу духовной жизни колонистов. Это прослеживается в подробном описании событий воскресного дня и личного участия в них автора. Полонский отмечает, что воскресенье для поселян не просто день отдыха от физического труда, а время духовного развития: колонисты откладывают привычные дела и направляются

в «кирку» – местную церковь, что, по мнению автора, благотворно влияет на объединение народа. Соборное пение прихожан подчеркивает духовную гармонию жителей колонии, их внутреннюю твердость и стойкость: голоса всех присутствующих «смешались в один протяжный, торжественный гимн» (135). Эта идея соотносится с библейским мотивом совместной молитвы: «И нитка, втрое скрученная, нескоро порвется» (Еккл. 4:12).

Очерки Я. П. Полонского «Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского» и «Ночной вид Марткопского праздника» ранее были нами рассмотрены в аспекте инонационального этнографизма [15]. В настоящем исследовании мы отмечаем выраженное в них осмысление Полонским евангельской идеи единства населяющих Кавказ народов.

Очерк «Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского» представляет собой подробное описание народного праздника подле развалин Марткопского монастыря. Однако за этнографической точностью прослеживается авторское осмысление вопроса о народном единстве через призму православия. Полонский подчеркивает массовость народных праздников, куда приходили люди вне зависимости от возраста, социального положения, национальности и вероисповедания:

«Есть такие праздники, на которые стекается народ за сотни верст, где все сословия от пастуха до князя принимают равное участие и где целые десятки тысяч костров освещают ночное небо, оглашаемое неумолкаемыми песнями» (143).

Автор отмечает, что в Грузии от былого величия православных церквей и монастырей теперь остались только руины. В ценностном аспекте его внимание направлено на глубину народной памяти, где хранятся имена и события, в честь которых эти памятники были основаны.

В очерке «Ночной вид Марткопского праздника» отражается стремление Я. П. Полонского увидеть главную составляющую гармоничной жизни инонационального Кавказа. Он замечает, что христианская религиозность в проведении праздника тесно переплетается с народными обрядами. Духовную близость людей автор подчеркивает изображением общего хоровода, где выделяет символичные действия поселян: они «...кладут друг другу на плечи руки, как бы опираясь друг на друга, чтобы не упасть, делают два прыжка направо и потом прыжок налево...» (147). Близость рук и движения танца символически изображают единение людей в любви к родной земле, традициям и обычаям. Мотив духовного

единства народа как непреходящей вечной ценности перекликается с евангельской идеей о вере и гармоничности отношений верующих: «да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино...» (Иоан. 17:21, 22). Вера «во Христе», утверждает автор, порождает духовное братство народов.

Эта гармония веры и традиций соотносится со взглядами автора, глубоко ценившего православные основы миросоздания. Вместе с тем культурная оригинальность марткопских праздников позволяет ему передать духовное единство всего многонационального населения Грузии.

Восходят к библейскому тексту и сведения, помещенные в «Кратком историческом очерке городов Кавказского края». Описывая жизнь местного населения городов Северного Кавказа, Грузии, Азербайджана и Армении, Я. П. Полонский обращается к истории возникновения населенных пунктов, а также обнаруживает особенности народного мировидения и духовности. В связи с этим особенную ценность для поэта приобретают старинные легенды и предания, в которых запечатлена история. Именно они становятся связующим звеном между прошлым и настоящим, в них просматриваются общенациональные, ветхо- и новозаветные идеи, объединяющие многонациональное государство.

Об уездном городе Нахичевань Я. П. Полонский пишет как о бывшей столице Армянского царства, в котором еще сохраняют память далекого прошлого «развалины некоторых мечетей и древних зданий» (58). К их числу относится небольшая молельня местных армян, называемая «Ноевой гробницей». Народное почитание ветхозаветного героя не случайно, согласно библейскому тексту, после длительного потопа Ноев ковчег прибрел к сухе, впоследствии кавказской земле: «И остановился ковчег в седьмом месяце, в семнадцатый день месяца, на горах Араратских» (Быт. 8:4). Кроме того, автор указывает, что недалеко от Нахичевани находится местечко Маранд, где, по преданию, погребена жена Ноя. Память о семье ветхозаветных праведников занимает особое место в жизни горцев, так как именно их земли стали первым пристанищем ковчега, там же провел остаток жизни и сам Ной, а его сын Иафет считается прародителем народов Кавказа.

Привлекая обширный исторический материал, восстановленный из преданий и легенд, Я. П. Полонский подчеркивает глубинное значение исторической и культурной памяти народов, искони населяющих Кавказ. Залог гармоничного сосуществования грузин, армян, азербайджанцев на одной исторически сложившейся территории

автор видит в общности исторических событий, бережно сохраняемых народной памятью в национальных преданиях и легендах, библейских сюжетов и образов. В этой совокупности усматривается выражение духовных взглядов народов.

Своим идейным содержанием к историко-этнографическим очеркам Я. П. Полонского примыкают художественные очерки «Два неизнакомца – живой и мертвый» и «Саят-Нова». Ранее нами была рассмотрена жанровая специфика и стилевая характерность этих произведений [16]. Их сюжетную основу составляют живые впечатления писателя от знакомства с жизнью социальных низов Тифлиса. Повествование Полонский сопровождает авторскими комментариями, в которых прослеживается его отношение к вопросам нравственности, миропонимания, основанного на осознании обитателями Тифлиса православных догм и ценностей. Эти идеи и установки оформляются в систему библейских мотивов.

В очерке «Саят-Нова» Я. П. Полонский рассказывает о судьбе армянского поэта – Арутана Саядяна, подчеркивая в его личной биографии значимость подвига христианина:

«Бедный армянин по происхождению, ткач по ремеслу, сазандар, или певец по влечению души своей, гуляка в юности, отшельник в старости, наконец, христианин, с крестом в руках убитый врагами на пороге церкви, – вот кто был Саят-Нова» (2).

Автор выделяет самобытный талант «сазандаря» и наполняет повествование аллюзиями к библейскому тексту. Мотив духовного богатства восходит к наставлениям Иисуса Христа. В Нагорной Проповеди он неоднократно предупреждал людей от чрезмерной привязанности к земным благам: «Но собирайте себе сокровища на небе... Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф. 6:19–24).

Жизнеописание Саят-Новы доказывает, что вместо скопления скоропреходящих благ человеку лучше позаботиться о приобретении внутреннего богатства, которое подлинно ценно и которое будет его вечным достоянием. Саят-Нова, по замечанию Я. П. Полонского, осознавал божественное происхождение своего таланта, поэтому, прежде чем стать сазандарем, «наложил на себя семилетний пост в честь Иоанна Крестителя, который считался у армян покровителем всех ремесел» (2). Такая глубокая нравственная подготовка отразилась в поэзии народного певца религиозными мотивами и духовными ценностями. Он взрастил свои песни из веры, поэтому его лирика далека от любовного и легендарного характера грузинских и татарских песен. Его

стихи часто «торжественно-поучительны», в них звучат нравственные советы, утверждение любви к Богу, ближнему, духовным знаниям, терпению и смириению. Полонский указывает, что для Саят-Новы источником вдохновения стали священные книги и христианские заповеди, подарившие его лирике особенное звучание. Е. В. Греджева в песнях ашуга выделяет философскую тему – размыщения лирического героя над судьбами человечества [5: 218]. Действительно, Полонскому близки мысли Саят-Новы о вечности поэзии и преемственности в искусстве, выраженные в цитируемых из песен ашуга отрывках. Нельзя не заметить также, что в них слышится поучительность с отголосками заповедей: призыв служить своему дару с усердием и главным смыслом бытия считать не материальные блага, а духовные: «...похватай хоть звезды с неба – без добрых дел и мудрость семя пропащее» (3).

В первую очередь сазандар видит свое призвание в служении таланту через заботу о душе: «...если не хочешь славы от мира сего, получишь алмазы небесного царства...» (3). Поэт тогда будет вознагражден, когда расширит свой талант, обращаясь к христианским добродетелям и в творчестве, и в жизни. Не может он быть равнодушен к несправедливости, от которой страдает его народ. Духовное подвижничество «сазандаря» было тесно связано с его непростым жизненным путем и оказалось близким Полонскому. Как пишет Т. В. Федосеева, образ народного певца послужил ориентиром в творческом самоопределении русского поэта, который «глубоко и эмоционально переживал несправедливости и несовершенства мира» [18: 46]. Автор признает гармоничность песен ашуга, в своей лирике он желает подобного единения чувства, слова и мысли. Однако в поэзии Полонского лирический герой находится в поиске гармонии. Следуя наблюдениям исследовательницы, мы отметим, что, включая творчество Саят-Новы в живую народную традицию, автор очерка подчеркивает его индивидуальность, обоснованную характером христианина и незаурядной судьбой.

Сюжет художественного очерка «Два незнакомца – живой и мертвый» разворачивается в городских трущобах Тифлиса. Рассказчик знакомит читателя с обитателями этой среды – это «живой», бедный русский дворянин, промотавший отцовский капитал, и «мертвый» – молодой поэт-грузин Луарсаб. В очерке противопоставлена идея духовного богатства как высшей ценности человека поискам материального благополучия, выраженная в библейском сюжете о блудном сыне. Как учит притча, человек только тогда об-

ретет душевный покой, когда осознает свою греховность и покается: «...сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк. 15:11–32). История «живого» не позволяет говорить о его покаянии в будущем, но его искренность, бесхитростный характер и глубокое душевное сокрушение о безвременной кончине друга дают надежду на такую возможность.

Жизнь случайного знакомого, названного Я. П. Полонским «живым», тесно переплетается с судьбой «мертвого» – поэта Луарсаба. Это имя восходит к имени грузинского царя Луарсаба II, принужденного шахом Аббасом перейти в ислам, сохранившего верность Святой Церкви Христовой и принявшего за это мученическую смерть [9]. В имени героя очерка очевиден намек на то, что герой очерка должен обладать высокими нравственными качествами – быть христианином, готовым на самопожертвование.

Судьба и психологические особенности личности Луарсаба отражены в рассказе «живого», стремящегося представить полную картину дружеских отношений с юным поэтом. Их история перекликается с притчей о добром Самарянине, который проявил милосердие и бескорыстно помог попавшему в беду человеку (Лк. 10:25–37). Русский человек пришел на помочь бедному грузину, когда с ним произошел несчастный случай: юношу столкнули на мостовую и он разбился. Ценность проявленного «живым» человеколюбия усиливается ответной добротой Луарсаба: за труд переводчика при русском путешественнике он запросил в качестве платы лишь «пустое место на спине у лошади» (191). Автор подчеркивает значение взаимопонимания молодых людей в период их жизненных неудач. Не материально, но морально Луарсаб поддерживал жизненные силы товарища: «...мы вместе читали, вместе думали» (191). Взаимопомощь была естественной для двух друзей, что транслирует читателю христианскую истину: любовь к ближнему есть главное сокровище человека.

Наиболее полно образ Луарсаба раскрывается в изображении его как поэта. Это был простодушный молодой человек, отличавшийся задумчивостью, даже странностью. Обладая «страстной жаждой знания», он не мог всецело посвятить себя образованию и творчеству из-за крайней бедности его семьи. На юношу оказывала давление жестокая социальная действительность, оставлявшая свой след в его незрелой душе, принужденной смиряться с жалким положением. Автор очерка обнаруживает причину, подорвавшую жизненные силы Луарсаба: «...мать его

за каких-нибудь двадцать червонцев, продала часть сестры его!» (192). Обстоятельство, идущее вразрез с христианским мироощущением поэта, разрушает его жизненную опору. В этом эпизоде просматривается антитеза мотива жертвенности, восходящего к евангельскому тексту. В православии жертва Иисуса Христа – фундамент веры. Его жертва – это искупление грехов человечества, подвиг, взлет веры. Поступок матери нарушает понятие о христианской жертвенности, так как она своей волей лишает дочь выбора. Луарсаб не может этого принять, в угнетающей его душу ситуации он видит проявление несправедливости и жестокости мира и от этого страдает. Он не может простить мать. Душу молодого поэта отягощает обида, осознание собственной беспомощности истощает нравственные силы, все это приводит к безвременной смерти.

В очерке Я. П. Полонский затрагивает вопрос служения таланту. В образе Луарсаба писатель показывает, как духовное опустошение может привести творца к трудностям в жизни и творчестве. В судьбе юноши «слово» занимало особое место: он работал у переплетчика, с упоением читал все, что попадалось ему под руку, знал несколько языков и, наконец, стал поэтом. Настоящий поэт, по мысли Полонского, должен расширять внутренние ресурсы души. Истинное творчество – в служении людям, и тогда оно не прерывается и обретает продолжение:

«Много песков поглощают моря, унося их волнами, / Но берега их сыпучими вечно покрыты песками. / Много и песен умчит навсегда невозвратное время – / Новые встанут певцы, и услышит их новое племя»⁸.

Авторское отношение к перипетиям судьбы поэта прослеживается в речи «живого»: «А вдохновенье, это нравственная болезнь – единственный выход одно только творчество. – Если талант не равен вдохновению, беда!» (191). Луарсаб, слишком зависимый от воздействия грубой действительности, не способен стать настоящим поэтом, он не смог во всей полноте развить свой талант и дать волю вдохновению. В мыслях молодого поэта рождались идеи и образы, он восхищался творчеством Мильтона, но зачастую сжигал свои творения. Робкая и нежная, надорванная страданиями, душа юноши не смогла выдержать дарованную ему силу таланта. В размышлениях «живого» слышится авторское понимание скорой смерти поэта, ее причина – в оскудении нравственных сил: «Человек – растение... Суха почва – и растение гибнет. Это старая истина» (191). Таким образом, Луарсаб, наделенный тонкой душев-

ной организацией, не сумел справиться с выпавшими на его долю жизненными испытаниями. Он не смог отстраниться от грубой действительности, направить силы на поиск истинного источника восполнения душевных сил – веры и безраздельно посвятить себя дарованному свыше таланту.

Смерть юного поэта призвана подчеркнуть бессмысленность душевных терзаний и зависимости от материальной стороны жизни. Главная задача человека – забота о душе. В связи с этим автор очерка несколько раз обращает внимание на старика, читающего возле гроба юноши Псалтырь. Он подчеркивает важность его занятия и надеется, что псалмы помогут душе, разлучившейся с телом, обрести упокоение в Небесном Царстве. Вероятно, «стрданное чтение» старика должно быть значимо не только для души усопшего, но и для всех обитателей тифлисских трущоб:

«...не сам ли Бог привел его сюда – в это место, чтобы этим надмогильным чтением разбудить сонную совесть грязного разврата... и быть может спасти кого-нибудь...» (183).

Таким образом, в мотивах таланта, талантливой личности и жертвенности прослеживаются идеи обретения человеком нравственной чистоты и жизненной силы.

Результатом духовного спасения человека становится гармония мира. В стихотворении Я. П. Полонского «Заступница», первая редакция которого включена автором в публикацию художественного очерка «Два незнакомца – живой и мертвый», выражена мысль о том, что Иверия обретает спасение от иноземных агрессоров только благодаря своей сестре – России. С 1801 года Грузия в качестве губернии приняла подданство Российской империи и находилась под ее протекторатом, что помогло сдерживать захватнические действия Ирана и Турции в отношении этой земли, а следовательно, и исламский гнет [3]. Значимость духовного единства стран усиливается евангельским мотивом приближения Судного дня. Е. А. Федорова, осмысляя это стихотворение, пишет, что автор персонифицирует Иверию и Россию, называя их сестрами, не случайно. Уже в этом метонимическом переносе прослеживается христианское начало:

«Заступницей в народе считается Пресвятая Богородица, а Ее образ явлен в Иверской иконе Божией Матери. У Полонского Иверия на Страшном Суде свидетельствует в пользу России, подчеркивая ее бескорыстную помощь и любовь, готовность к самопожертвованию» [19: 31].

Сюжетно мольба Иверии о помиловании России может быть связана с эпизодами Евангелия от апостола Иоанна, когда Иисус занимает место слуги и омывает ноги Своим ученикам (Ин. 13: 1–20). Это действие имело духовный смысл: единства можно достичь только при нравственной чистоте – чистоте совести. Христос показал апостолам пример взаимного служения, не умоляя самой идеи старшинства.

Так и в стихотворении «Заступница» Я. П. Полонский создает образ благодарной Иверии, готовой «повергнуться во прах» ради спасения своей сестры: «О, Царь царей! Господь! суди мои дела, / Но милуй Русь!» (192). Тем самым в поэтике стихотворения автор транслирует евангельские мотивы единства и заступничества для родственных стран и народов. Добро, совершенное одним народом, вернется другому за пределами земного бытия. Как Иисус восстановил связь между людьми и Богом, умерев на кресте, так и Иверия готова на самопожертвование ради спасения России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выделенный нами комплекс мотивов: духовного единства и взаимного заступничества народов, самопожертвования, духовного приращения таланта, веры в силу Священного Писания и надежды на прощение грехов – отражает онтологические смыслы и духовное содержание истории. Рецепция библейского текста служит воссозданию объективной картины жизни кавказских народов в их историческом и культурном развитии. Их мироустройство основано на единении национальных традиций и принятии универсальных духовно-нравственных ценностей. Очерки послужили выражению нравственно-философской концепции автора и его взгляда на мир и творчество через призму христианских ценностей. Писатель транслирует идею духовного подвижничества человека как объединяющую христианские ценности: любовь к ближнему, сострадание, самопожертвование, народное единство, приращение таланта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Бердникова О. А. Антропологические художественные модели в русской поэзии начала XX века в контексте христианской духовной традиции: Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2009. 407 с.
- ² Полонский Я. П. Поездка в немецкую колонию Елизабетталь // Закавказский вестник. 1848. № 30. С. 127; № 31. С. 131–132; № 32. С. 135. Здесь и далее цитируется с указанием страницы в круглых скобках.
- ³ Полонский Я. П. Несколько слов о грузинских праздниках вообще по случаю Марткопского // Закавказский вестник. 1848. № 34. С. 143–144.
- ⁴ Полонский Я. П. Ночной вид Марткопского праздника // Закавказский вестник. 1848. № 35. С. 147.
- ⁵ Полонский Я. П. Краткий очерк некоторых городов Кавказского и Закавказского края // Кавказский календарь на 1847 год. 1848. С. 75–110.
- ⁶ Полонский Я. П. Саят-Нова // Кавказ. 1851. № 1. С. 2–3; № 2. С. 5–7.
- ⁷ Полонский Я. П. Два незнакомца: живой и мертвый // Закавказский вестник. 1848. № 44. С. 183–184; № 45. С. 187; № 46. С. 191–192.
- ⁸ Полонский Я. П. Саят-Нова. С. 6.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аношикина-Касаткина В. Н. Православные основы русской литературы XIX века. М.: Пашков Дом, 2011. 384 с.
2. Багратион-Муханели И. Л. «Другая жизнь и берег дальний...» Репрезентация Грузии и Кавказа в русской классической литературе. Тверь: Изд. Марины Батасовой, 2014. 456 с.
3. Вачнадзе М. История Грузии (с древнейших времен до наших дней) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://modernlib.ru/books/vachnadze_merab/istoriya_gruzii_s_drevneyshih_vremen_do_nashih_dney/read (дата обращения 20.10.2020).
4. Гаричева Е. А. Движение к покою в лирике Я. Полонского // Проблемы исторической поэтики. Вып. 5. Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / Отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск, 2008. С. 375–384.
5. Греджева Е. В. «Духовный опыт народов Востока в лирике Я. П. Полонского» // Я. П. Полонский: вопросы творческой биографии: Моногр. / Отв. ред. Т. В. Федосеева. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2019. С. 194–221.
6. Дунаев М. М. Православие и русская литература: В 6 ч. Ч. 1. М.: Христианская литература, 1999. 317 с.
7. Есаулов И. А. Евангельский текст в русской культуре и современная наука // Проблемы исторической поэтики. Вып. 6. Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / Отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск, 2011. С. 5–23.
8. Захаров В. Н. Русская литература и христианство // Проблемы исторической поэтики. Вып. 3. Петрозаводск, 1994. С. 5–11.

9. Коридзе Т. Луарсаб II // Православная энциклопедия. Т. XLI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2016. С. 521–523.
10. Любомудров А. М. О православии и церковности в художественной литературе // Русская литература. 2001. № 1. С. 107–125.
11. Моклесова И. В. О Родине и о себе: молитвенные размышления Я. П. Полонского // Я. П. Полонский: творчество, судьба, эпоха (посвящается 195-летию со дня рождения поэта) / Сост. Т. В. Федосеева. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2015. С. 8–17.
12. Моторин А. В. Духовные направления в русской словесности XIX века: Монография / А. В. Моторин; НовГУ им. Ярослава Мудрого. В. Новгород, 2012. 504 с.
13. Орлов В. Н. Полонский // История русской литературы: В 10 т. Т. VIII. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 261–283.
14. Юрюшин И. С. Библейский текст в русской литературе конца XIX – первой половины XX века: Курс лекций. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2015. 187 с.
15. Ушакова Д. О. Инонациональный текст в путевых очерках Я. П. Полонского кавказского периода творчества // Вестник РГУ им. С. А. Есенина. № 4 (65). Рязань, 2019. С. 132–141.
16. Ушакова Д. О. Художественный очерк в кавказской прозе Я. П. Полонского // Я. П. Полонский: личность, творчество, эпоха (посвящается 200-летию со дня рождения поэта) / Науч. ред. Т. В. Федосеева. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2019. С. 71–80.
17. Федосеева Т. В. Мотив искушения монаха в творчестве Я. П. Полонского // Проблемы исторической поэтики. Вып. № 12. Петрозаводск, 2014. С. 280–399.
18. Федосеева Т. В. О поэте и поэзии: творческая рефлексия и литературные оценки // Я. П. Полонский. Вопросы творческой биографии: Монография / Отв. ред. Т. В. Федосеева. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2019. С. 46–47.
19. Федорова Е. А. Духовная поэзия Я. П. Полонского (по журнальным публикациям и прижизненным изданиям) // Я. П. Полонский: личность, творчество, эпоха (посвящается 200-летию со дня рождения поэта) / Науч. ред. Т. В. Федосеева. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2019. С. 25–36.

Поступила в редакцию 23.11.2020; принята к публикации 08.02.2021

Original article

Daria O. Ushakova, Postgraduate Student, Ryazan State University named for S. A. Yesenin (Ryazan, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-4956-247X; davydova.dash@yandex.ru

CHRISTIAN VALUES IN THE SERIES OF CAUCASIAN TRAVEL ESSAYS OF YAKOV POLONSKY

A b s t r a c t. The series of Caucasian travel essays written by Yakov Polonsky is studied from the point of view of it reflecting the national traditions of the Caucasian peoples and the value aspects of Christianity. The research is based on modern literary ethnopoetics and uses anthropological and axiological analysis, as well as the comparative study of literary texts with biblical pretexts. The analysis of ethnographic essays of Polonsky (“A Brief Historical Review of Caucasian Cities”, “A Journey to the German Elizabetta Colony”, “Some Observations on a Holiday in the Village of Martkopi and Georgian Holidays in General”, “The Night View of a Holiday in the Village of Martkopi”) revealed the motifs of spiritual unity and mutual intercession of peoples. The study emphasizes the interrelation of folk customs of the Caucasian peoples with Christian traditions, the spiritual brotherhood of peoples, and the value of historical memory for them, as well as the unity of people in their desire to get closer to God by living the Gospel commandments. The analysis of Polonsky’s literary essays (“Two Strangers – the Living One and the Dead One”, “Sayat-Nova”) reveals the motifs of self-sacrifice and spiritual growth of talent, which he ascribes to the Gospel text. He considers Christian virtues and spiritual feats to be the key ones for a true poet and sees the true purpose in serving the people.

Key words: Yakov Polonsky, Caucasian series, biblical motifs, Christian values, evangelical text

For citation: Ushakova, D. O. Christian values in the series of Caucasian travel essays of Yakov Polonsky. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):102–109. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.607

REFERENCES

1. Anoshkina-Kasatkina, V. N. Orthodox foundations of Russian literature of the XIX century. Moscow, 2011. 384 p. (In Russ.)
2. Bagration-Mukhraneli, I. L. “Another life and the distant coast...” Representation of Georgia and the Caucasus in Russian classical literature. Tver, 2014. 456 p. (In Russ.)

3. Vachnadze, M. History of Georgia (from ancient times to the present day). Available at: http://modernlib.ru/books/vachnadze_merab/istoriya_gruzii_s_drevneyshih_vremen_do_nashih_dney/read/ (accessed 20.10.2020). (In Russ.)
4. Garicheva, E. A. Move to rest in Yakov Polonsky's lyric poetry. *The Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 2008. Issue 5. P. 375–384. (In Russ.)
5. Gredzheva, E. V. "Spiritual experience of the peoples of the East in Yakov Polonsky's lyric poetry". *Ya. P. Polonsky. Milestones of literary biography: Monograph*. Ryazan, 2019. P. 194–221. (In Russ.)
6. Dunaev, M. M. Orthodoxy and Russian literature. In 6 parts. Part 1. Moscow, 1999. 317 p. (In Russ.)
7. Yesaulov, I. A. The Gospel text in Russian culture and modern science. *The Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 2011. Issue 6. P. 5–23. (In Russ.)
8. Zakharov, V. N. Russian literature and Christianity. *The Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 1994. Issue 3. P. 5–11. (In Russ.)
9. Koridze, T. Luarsab II. *Orthodox encyclopedia*. Moscow, 2016. Vol. XLI. P. 521–523. (In Russ.)
10. Lyubomudrov, A. M. Orthodoxy and ecclesiasticism in fiction. *Russian Literature*. 2001;1:107–125. (In Russ.)
11. Mokletsova, I. V. About one's motherland and about oneself: prayerful reflections of Yakov Polonsky. *Y. P. Polonsky: creative works, fate, epoch (commemorating the 195th birthday anniversary of the poet)*. (T. V. Fedoseeva, Ed.). Ryazan, 2015. P. 8–17. (In Russ.)
12. Motorin, A. V. Spiritual trends in Russian literature of the XIX century. Velikiy Novgorod, 2012. 504 p. (In Russ.)
13. Orlov, V. N. Polonsky. *History of Russian literature*. Moscow, 1956. P. 261–283. (In Russ.)
14. Uryupin, I. S. Biblical text in Russian literature of the late XIX and the first half of the XX centuries: Course of lectures. Yelets, 2015. 187 p. (In Russ.)
15. Ushakova, D. O. J. P. Polonsky on national traditions. Travel essays written in the Caucasus. *The Bulletin of RSU named for S. A. Yesenin*. 2019;4(65):132–141. (In Russ.)
16. Ushakova, D. O. Literary essays written by Yakov Polonsky in the Caucasus. *Ya. P. Polonsky: personality, creative works, epoch (commemorating the 200th birthday anniversary of the poet)*. (T. V. Fedoseeva, Ed.). Ryazan, 2019. P. 71–80. (In Russ.)
17. Fedoseeva, T. V. The motif of a monk's temptation in Ya. P. Polonsky's work. *The Problems of Historical Poetics*. Petrozavodsk, 2014. Issue 12. P. 280–399. (In Russ.)
18. Fedoseeva, T. V. Poet and poetry: creative reflection and literary evaluation. *Ya. P. Polonsky. Milestones of literary biography: Monograph*. Ryazan, 2019. P. 46–47. (In Russ.)
19. Fedorova, E. A. Spiritual poetry of Yakov Polonsky (study of journal publications and lifetime editions). *Ya. P. Polonsky: personality, creative works, epoch (commemorating the 200th birthday anniversary of the poet)*. (T. V. Fedoseeva, Ed.). Ryazan, 2019. P. 25–36. (In Russ.)

Received: 23 November, 2020; accepted: 8 February, 2021

ПЕРЕВОД А. Д. КАНТЕМИРА ТРАКТАТА «КАРТИНА» КЕБЕТА ФИВАНСКОГО

Аннотация. Статья посвящена анализу трактата «Картина» греческого философа Кебета Фиванского, переведенного Антиохом Кантемиром с французского языка на русский. Научная новизна исследования заключается в том, что этот перевод с точки зрения источников анализируется впервые. Рассматриваются сохранившиеся рукописи перевода, устанавливаются источники, которые стали его основой. Автор приходит к выводу, что источниками для Кантемира послужили французский перевод Жиля Буало и греческий оригинал 1711 года. Анализируются особенности перевода Кантемира. Чтобы выяснить характеристики переводного текста, автор сопоставляет его с французским переводом Жиля Буало и переводом Г. А. Полетики. Делается вывод о том, что в переводе Кантемира проявляется влияние синтаксиса французского перевода и диалогичность.

Ключевые слова: перевод А. Д. Кантемира, «Картина» Кебета Фиванского, рукописи, источники, перевод Г. А. Полетики

Для цитирования: Фу Хэн. Перевод А. Д. Кантемира трактата «Картина» Кебета Фиванского // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 110–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.608

ВВЕДЕНИЕ

В 1729 году А. Д. Кантемир перевел с французского языка трактат «Картина» Кебета Фиванского. Почему франкоязычное издание дидактического трактата вызвало интерес Кантемира? С 1726 до 1729 год Кантемир сделал много переводов франкоязычных изданий: памфлет итальянского писателя Д. П. Марана, четыре сатиры и «Речь королю» Н. Буало, комедию «Курьер из Бордо» Герарда. Можно предположить, что с помощью своей переводческой деятельности он, с одной стороны, практиковал французский язык, с другой стороны, нравоучительное содержание «Картины» также служит одним из важнейших импульсов, о котором Кантемир писал в своем «Предисловии к читателю». Вероятно, тут не обошлось без влияния его учителя И. Ю. Ильинского, также переводчика Эпиктета. Аллегорическая фигура «Разум» в «Картине» перекликается с «Умом», который представляет собой придуманного адресата первой сатиры Кантемира (ранняя редакция 1729 года). Кроме этого, «Картина» оформлена в виде диалогов, и эта форма в дальнейшем будет иметь место в творчестве Кантемира.

К сожалению, перевод до сих пор не был целиком опубликован. Отрывок текста входит в из-

дание 1868 года «Сочинения, письма и избранные переводы кн. А. Д. Кантемира» (1868: 384–390)¹. Вероятно, из-за этого данный перевод почти не изучен. Наша статья фокусируется на характеристиках перевода Кантемира. Для выявления особенностей текста мы прибегаем к сравнительному методу.

Согласно данным Б. А. Градовой [2], [3], существуют две рукописи рассматриваемого перевода. В РНБ хранится авторизованная рукопись двух переводов из собрания историка М. П. Погодина: это песни Анакереонта и «Таблица» Кебета². Второй список находится в РГБ в составе собрания литературоведа А. В. Кокорева, в которое входят переводы «Энхиридиона» Эпиктета и «Таблицы» Кебета³. В последнем списке встречаются расхождения с авторизованной рукописью. Градова полагает, что эти различия являются «сверкой первоначального перевода с греческим оригиналом» [3: 54]. Мы не разделяем этого мнения. Приведем один пример. Речь идет о действии аллегорической фигуры «Прелесть». В авторизованной рукописи вычеркнуто слово «обманывает», вместо него поставлен глагол «прельщает» (Кп: л. 80 об.).

а в списке встречается «обманывает» (Кк: л. 83). Во французском переводе «*trompe*» (обманывает) (1672: 6)⁴, а в греческом оригинале «πλανῶσα» (бук. перев.: вводящая в заблуждение) (1711: 10)⁵. Очевидно, что слово «прельщает» на уровне семантики ближе к оригиналу. Эти расхождения оказываются не столько сверкой, сколько тонкой регулировкой стиля. Большинство разночтений заключаются в двух аспектах: слова заменяются синонимами и изменяется порядок слов. В списке наблюдается систематическая замена аллегорической фигуры «Фортуна» на «Щастие». С помощью гlosсы в авторизованной рукописи мы устанавливаем, что Кантемир относит слово «Щастие» к синонимам единицы «Фортуна» (См.: Кп: л. 82). Еще пример. В списке встречается «лице» (Кк: 90) вместо слова «мину» (Кп: л. 86) в авторизованной рукописи. Это, возможно, объясняется стремлением Кантемира уменьшить число заимствований⁶. Кроме того, писец списка, вероятно, не познакомился ни с греческим оригиналом, ни с французским переводом. Встречается следующая гlosса в списке РГБ: «В[о] французском, в греческом что иначе, по-рус[с]ки сказать не можно, разве дух» (Кк: л. 82 об.). В авторизованной рукописи в этих пробелах находятся соответствующие французское слово «*Génie*» и греческое слово «δαίμον». Таким образом, мы предлагаем выбрать авторизованную рукопись этого перевода как основной текст для нашего анализа.

Кантемир не указывает свои источники. Согласно нашим наблюдениям, он, вероятно, пользовался французским переводом члена Французской академии Жиля Буало (Gilles Boileau), который является братом Никола Буало. Кроме того что перевод Кантемира сходен с текстом Жиля Буало, мы замечаем, что Кантемир заимствовал два примечания из его варианта, ср.:

Сия была гадател[ь]ница некая, которая имела лицо девичье, а прочее тело л[ь]винное (Кп: л. 79).

C'estoit une Devineresse qui avoit le visage d'une fille & le reste du Corps d'un Lyon (1672: 6).

Так труден был в эту пещеру вход, что казалось, что нел[ь]зя в ней жить разве богом (Кп: л. 94 об.).

L'entrée estoit si difficile de la Caverne Corycienne, qu'il sembloit qu'elle ne pût estre habitée que des Dieux (1672: 12).

Поскольку перевод Жиля Буало многократно издавался, трудно определить, какое именно издание использовано Кантемиром. Вероятно, можно исключить первые два издания (1653, 1655 годов). В них заглавие не совпадает с переводом Кантемира, а в поздних изданиях заглавие соответствует последнему. Ср.:

Таблица Кевика-философа или Изображение житъя человеческого (Кп: л. 75)

Le Tableau de Cébès⁷ ou il est traité de la manière⁸ de parvenir⁹ à la Félicité¹⁰ naturelle (1653: s. p.)¹¹
Le Tableau¹² de Cébès¹³ (1655: 189)¹⁴
Le Tableau de Cébès, ou l'image de la vie humaine (1672: s. p.)

У нас есть гипотеза о французском источнике Кантемира. Он, вероятно, использовал франкоязычную книгу «*Le theatre moral de la vie humaine*», в состав которой входит перевод «Картины» Кебета, выполненный Жилем Буало. Эта книга была впервые опубликована брюссельским издателем Франсуа Фоппенсом (François Foppens). Главная часть книги представляет собой эмблемы моралистического характера, иллюстрирующие поэзию Горация. Эмблемы нарисованы известным иллюстратором Отто Вениусом (Otto Vaenius). Французский писатель Марен Леруа де Гомбервиль (Marin Le Roy de Gomberville) перевел иллюстрирующие поэзию Горация эмблемы с латыни на французский язык под названием «*La doctrine des mœurs*» (1646) и посвятил молодому Людовику XIV. В 1672 году Фоппенс добавил перевод Жиля Буало в конец книги и переименовал ее в «*Le theatre moral de la vie humaine*» [5: 171–172]. Наша аргументация гипотезы заключается в том, что в этот период усилился интерес Кантемира к нравоучительным вопросам, который был связан с Ильинским. Согласно заметкам Кантемира в его календаре, 2 февраля 1728 года он получил моральный трактат на русском языке вместе с письмами Ильинского (1868: 344). Издание Фоппенса также многократно выходило до начала работы Кантемира над переводом. Далее мы используем издание 1672 года.

Что касается греческого оригинала, то в описи библиотеки Кантемира обнаружено издание 1711 года, вышедшее в Утрехте (Epicteti Manual et Sententiae. Quibus accedunt Tabula Cebetis, & alia affinis argumenti, in linguam Latinam conversa a Marco Meibomio...)¹⁵. В нем представлены греческий оригинал и латинский перевод, сделанный датским ученым Маркусом Мейбомом (Marcus Meibom). Это издание, скорее всего, и является источником перевода Кантемира.

В связи с тем что текст Кантемира в основном опирается на французский перевод, мы главным образом сосредоточимся на сравнении этих двух текстов. Текст Жиля Буало оказывает влияние на перевод Кантемира преимущественно в двух аспектах: наблюдается 1) постпозитивное определение и 2) нанизывание на цепочку.

1) – Вне того – сказал он, – к воротам стоит жена некая красно убранная (Кп: л. 86)

Au dehors il y a vers la Porte une Femme debout bien parée (1672: 8)

2) Те же, напротиву, которые столь печал[ъ]ны, протягают руки, суть те, от которых она отняла, что было дала прежде, и для того они ее именуют ЗЛОЮ ФОРТУНОЮ (Кп: л. 83).

Ceux, au contraire, qui sont si tristes, & qui étendent¹⁶ les bras, sont les Personnes à qui elle a ôté¹⁷ ce qu'elle leur avait¹⁸ donné (1672: 7).

Нужно оговориться, что употребление постпозитивного определения встречается в переводе Кантемира не часто. Порядок слов у него в основном соответствует традиции русского языка, а не источнику, как наблюдается в его самом раннем переводе («Хроника» Константина Манассии).

По сравнению с текстом Жиля Буало перевод Кантемир более диалогичен. «Картина» состоит главным образом из диалогов между «я» и стариком, который объясняет «мне» значение «Картины». В тексте Жиля Буало представлено содержание диалогов, но, как правило, отсутствуют участники. То есть роль участников определена с помощью контекста, а не указана прямо. Кантемир в своем переводе добавляет указание на то, кому принадлежит соответствующий фрагмент беседы. Ср.:

— Что же — сказал я, — потом бывает?

Тотчас отвечал он: как они того напытятся, входят в ЖИТИЕ (Кп: л. 81).

Qu'arrive t'il après¹⁹ cela? Aussitôt²⁰ qu'ils ont pris ce Breuvage ils entrent en la vie (1672: 6).

Такое добавление позволяет читателю, с одной стороны, легко определить субъект и объект диалогов, с другой стороны, установить место действия. В греческом оригинале с помощью спряжения глагола мы можем определить старика, но голос «я» часто тонет во множестве безличных откликов: «Καὶ μάλα», «Εἴτα τί» и проч. Кроме того, в тексте Кантемира «я» обращается к старику на «ты», а не на «vous», как во французском переводе. Второе лицо единственного числа, нам кажется, помогает сократить дистанцию между адресантом и адресатом.

В целом перевод Кантемира относительно волен, он не был сделан им дословно. Некоторые расхождения между обоими текстами объясняются невнимательностью писца и самого Кантемира. Иногда встречаются пропуски, особенно в случае перечислений, однако их можно заполнить по списку РГБ, так что мы относим эти расхождения к оплошности писца. Иногда оказывается, что Кантемир сам перепутал слово, например, в гlosse ошибочно перевел «dueil» как «единоборство»: «(3) в греческом написано плачь, а во французском единоборство» (Кп: л. 85). Видно, что он воспринимает «dueil»

как «duel». Слово «dueil» представляет собой устарелую орфографию слова «deuil» (скорбь, печаль, грусть). Любопытно, что вариант Кантемира «плачь» на уровне семантики ближе к «deuil», чем к греческому оригиналу «όδυρμός» (жалоба, сетование) (1711: 18).

В 1759 году вышло первое издание перевода греческой книги «Епиктита, стоического философа, Енхиридион и Апофегмы, и Кевита Фивейского Картина...», выполненного Г. А. Полетикой. Спустя восемь лет перевод Полетики был переиздан [4: 263]. Полетика переводил с греческого оригинала, но не всегда строго следовал своему источнику. Вероятно, чтобы помочь читателю легко уловить содержание «Картины», его перевод снабжается добавлением:

Чтож то за путь, которым он им шествовать повелевает (курсив мой. — Ф. Х.), и как бы на оной попасть? Спросил я его (1759: 186)²¹.

Ποίαν οὖν²² ὄδὸν κελεύει βαδίζειν, ἢ πῶς; ἔφην ἐγώ (1711: 8).

— Скажи мне, пожалуй, — говорил я ему, — которая та дорога, и что надобно делать, чтоб на нее прийти? (Кп: л. 80 об.)

Dites-moi de grâce²³, où est ce Chemin, & ce qu'il faut faire pour y parvenir?

Кроме того, по сравнению с греческим оригиналом перевод Жиля Буало частично сокращает взаимодействие между «я» и стариком. Кантемир следует этому подходу Жиля Буало, а Полетика сохраняет содержание оригинала. Ср.:

И так, что она дает, ГЕНИУС брать повелевает, но получивши, как можно, спешить к приобретению постоянного и надежного дара. Какой то дар, спросил я его? Тот, которой они от учения получить могут, ежели к нему безвредны приидут. Как его называют? ПРЯМЫМ, сказал он, ЗНАНИЕM вещей полезных, которое есть дар постоянный и непременный..... (1759: 214–215)

ἄγον δίδω, κελεύει λαμβάνειν παρ' αὐτῆς καὶ συντόμως ἀπελθεῖν ἔχοντα πρὸς τὴν βεβαίαν, καὶ ἀσφαλῆ δόσιν. ποίαν ταύτην; ἔφην ἐγώ. ἦν λήψονται παρὰ τῆς παιδείας, ἦν διασωθῶσιν ἐκεῖ. Αὕτη οὖν τις ἔστιν; ἡ ἀληθῆς ἐπιστήμη, ἔφη τῶν συμφερότων, καὶ ἀσφαλῆς δόσις, καὶ βεβαία, καὶ ἀμετάβλητος (1711: 48–50).

Для того то он советует, получив от нее какое добро, тотчас прибегать к ИСТИН[Н]ОЙ НАУКЕ, которая уже даст на оное и безопасное владение, ежели можно оное зберечь пока до нее дойти. Понеже НАУКА СИЯ не ино[е], что разве ИСТИННОЕ ЗНАНИЕ полезных вещей, постоянного и безопасного владения (Кп: л. 98 об.–99).

Voila²⁴ pourquoi²⁵ il conseille de prendre les Biens qu'elle donne, & d'avait²⁶ recours aussitôt²⁷ à la Véritable Doctrine, qui en donnera une constante & assurée possession ; si on les peut conserver jusqu'à ce qu'on soit parvenu jusqu'à elle. (1672: 13).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного анализа мы приходим к выводу, что по сравнению с более поздним вариантом ранняя редакция перевода Кантемира

демонстрирует относительную гибридность на уровне лексики. В сравнении с текстом Жиля Буало в переводе Кантемира выявляются влияние синтаксиса французского перевода и диалогичность.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы / Статья и примеч. В. Я. Стоюнина; Под ред. П. А. Ефремова. СПб., 1868. Т. 2. В скобках указаны год издания и номер страницы.
- ² Перевод Антиоха Кантемира // РНБ. Соб. Погодина. 1797, далее – Кп. Ссылки на этот список приводятся в тексте с указанием сокращения названия рукописи и номера листа в круглых скобках.
- ³ Перевод Антиоха Кантемира Епиктетов Енхиридион. Переведен с греческого. Присовокуплена таблица Кевикова. В Париже 1744 г. // РГБ. Ф. 756. № 25, далее – Кк. Ссылки на этот список приводятся в тексте с указанием сокращения названия рукописи и номера листа в круглых скобках.
- ⁴ Le Theatre Moral de la Vie Humaine, representée en plus de cent Tableaux divers, tirez du Poëte Horace par le Sieur Otho Venius, et expliquez en autant de Discours Moraux par le Sieur de Gomberville. Avec la Table du Philosophe Cébès à Bruxelles, chez François Foppens, Marchand Libraire, 1672. Ссылки на это издание приводятся с указанием года издания и номера страницы в круглых скобках.
- ⁵ Epicteti Manual et Sententiae. Quibus accedunt Tabula Cebetis, & alia affinis argumenti, in linguam Latinam conversa a Marco Meibomio. Subjiciuntur eiusdem notae, emendationes Claudii Salmasii in Epictetum, notae illorum & alias viri docti in Dissertationes Epicteti ab Arriano digestas, & varians scriptura codicum manu exaratorum, cura Hadriani Relandi. Trajecti Batavorum [Utrecht]: Ex officina Culielmi Broedelet, bibliopolae, 1711. Ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием года издания и номера страницы в круглых скобках.
- ⁶ Об этом писал В. В. Веселитский, см.: [1].
- ⁷ Здесь и далее в ссылках указаны формы в оригинале, в тексте указаны формы, принятые в настоящее время. Cebes.
- ⁸ maniere
- ⁹ paruenir
- ¹⁰ Felicité
- ¹¹ Le Tableau de Cebes ou il est traité de la maniere de paruenir à la Felicité naturelle. A Paris, Chez Lovis Chamhovdry, au Palais, vis à vis la Saincte Chapelle, à l'enseigne Sainct Louis. 1653. Avec Priuilege du Roy.
- ¹² Tableav
- ¹³ Cébés
- ¹⁴ La Vie D'Epictete et L'Enchiridion ov L'Abbregé de sa Philosophie. Avec Le Tableav de Cébés, Traduis du Grec en François. A Paris, Chez Gvillavme de Lvyne Libraire Iuré au Palais, sous la montée de la Cour des Aydes. Avec Privilege dv Roy. 1655.
- ¹⁵ Александренко В. Н. К биографии князя А. Д. Кантемира // Варшавские университетские известия. Варшава, 1896. № 2, отд. III. С. 1–24; № 3, отд. IV. С. 25–46.
- ¹⁶ estendent
- ¹⁷ osté
- ¹⁸ avoit
- ¹⁹ apres
- ²⁰ Aussi-tost
- ²¹ Епиктета, стоического философа Енхиридион и Апофегмы и Кевита Фивейского Картина, или Изображение жития человеческого / Переведены с Греческого языка Коллежским ассессором Григорием Полетикою. СПб., 1759. Ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием в круглых скобках года издания и номера страницы.
- ²² οὐν
- ²³ grace
- ²⁴ Voyla
- ²⁵ pourquoys
- ²⁶ avoit
- ²⁷ aussi-tost

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веселитский В. В. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М.: Наука, 1974. С. 39–42.
2. Градова Б. А. Рукописи А. Д. Кантемира // Источники по истории отечественной культуры в собрании и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1983. С. 25–27.
3. Градова Б. А. Первые переводы А. Д. Кантемира // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1985. С. 53–54.

4. Николаев С. И. Отзвуки *parodia christiana* в русской литературе XVIII века // Чтения отдела русской литературы XVIII века. М.; СПб., 2018. Вып. 8: Русская литература XVIII столетия в науке XX века. Неолатинская гуманистическая традиция и русская литература конца XVII – начала XIX веков / Отв. ред. А. А. Костин. С. 258–267.
5. Saunders A. M. The seventeenth-century French emblem: a study in diversity. Geneva: Librairie Droz. 2000. P. 161–200.

Поступила в редакцию 14.01.2021; принята к публикации 26.02.2021

Original article

Heng Fu, Postgraduate Student, Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-5810-3895; baiheng_100@mail.ru

CANTEMIR'S TRANSLATION OF THE TREATISE "TABLET" BY CEBES OF THEBES

A b s t r a c t. The article presents the first of its kind analysis of the treatise "Tablet" attributed to the Greek philosopher Cebes of Thebes and translated by Antiochus Cantemir from French into Russian. The first part of the article discusses the preserved manuscripts of this translation and identifies the sources that Cantemir built his translation upon. The author comes to the conclusion that Cantemir used the French translation made by Gilles Boileau and the Greek original's edition of 1711. Then the author analyzes the specific features of Cantemir's translation, comparing this text with Gilles Boileau's French translation and the translation made by Grigoriy Poletika. It is concluded that the influence of the syntax of the French translation and its dialogicality is manifested in Cantemir's translation.

Key words: translation by Cantemir, "Tablet" by Cebes of Thebes, sources, manuscripts, sources, translation by Poletika

For citation: Fu, Heng. Cantemir's translation of the treatise "Tablet" by Cebes of Thebes. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):110–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.608

REFERENCES

1. Veselitsky, V. V. Antiochus Cantemir and the development of the Russian literary language. Moscow, 1974. P. 39–42. (In Russ.)
2. Gradova, B. A. Manuscripts of Antiochus Cantemir. *Sources on the history of Russian culture in the collection and archives of the Department of Manuscripts and Rare Books*. Leningrad, 1983. P. 25–27. (In Russ.)
3. Gradova, B. A. First translations of Antiochus Cantemir. *Research into monuments of written culture in collections and archives of the Department of Manuscripts and Rare Books*. Leningrad, 1985. P. 53–54. (In Russ.)
4. Nikolaev, S. I. Echoes of *parodia christiana* in Russian literature of the XVIII century. *Readings of the Department of Russian Literature of the XVIII century*. Moscow, St. Petersburg, 2018. Issue 8: Russian literature of the XVIII century in the science of the XX century. Neo-Latin humanistic tradition and Russian literature of the late XVII – early XIX centuries (A. A. Kostin, Ed.). P. 258–267. (In Russ.)
5. Saunders, A. M. The seventeenth-century French emblem: a study in diversity. Geneva, 2000. P. 161–200.

Received: 14 January, 2021; accepted: 26 February, 2021

НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА ШАРАПЕНКОВА

доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой германской филологии и скандинавистики Института филологии

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

natshar@mail.ru

Рец. на кн.: Литературное наследство. Том 105: Андрей Белый: Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Отв. ред. А. Ю. Галушкин, О. А. Коростелев; науч. ред. М. Л. Спивак; сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад. – М.: Наука, 2016. – 1120 с.

Филологическая серия «Литературное наследство», задуманная известным литературоведом, искусствоведом и коллекционером Ильей Зильберштейном в 1931 году, приобрела законное уважение, и в настоящее время на ней лежит печать академичности, особой выверенной точности и научного авторитета. В нынешнем 2021 году серия отмечает свое 90-летие.

В отечественной филологической науке в последние три десятилетия XX и особенно в начале XXI века значительно возрос интерес к наследию виднейшего русского писателя-символиста, поэта, критика, непревзойденного новатора в области языка, ритма, стиля, создателя «орнаментальной прозы» и оригинального мыслителя Андрея Белого (Б. Н. Бугаева, 1880–1934). Только в последнее десятилетие вышли в свет публицистические, критические и эстетические произведения писателя, его работы в области стиховедения и теории стиха, сложнейший философский и культурологический труд «История становления самосознющей души».

Вышедший в 2016 году 105-й том «Литературного наследства» восполнил некую лакуну в этом издательском «марафоне». Благодаря усилиям составителей тома – виднейшим исследователям литературы Серебряного века: академику РАН А. В. Лаврову и известному во всем гуманитарном мире слависту, руководителю русской кафедры Гарвардского университета Дж. Малмстаду, а также научному редактору тома – директору «Мемориальной квартиры Андрея Белого» (г. Москва) М. Л. Спивак, в свет вышли уникальные, ранее не опубликованные в полном объеме (некоторые – лишь фрагментарно) автобиографические материалы, а именно: 1-й раздел: «Автобиографии» (1927, 1929 годы); 2-й раздел: «Материал к биографии», «Ракурс к дневнику» (оба – 1929 год); 3-й раздел: богатейший и разнообразнейший, ранее не изданный биографический материал, к примеру:

«Жизнь без Аси» (А. Тургеневой, первой жены писателя), «Материалы к биографии. 1916–1927», материалы, фиксирующие публикационную и издательскую деятельность, места, в которых был писатель, особые материалы, связанные с погружением Андрея Белого в антропософское учение («Оккультные переживания», «Свидания с Доктором» (Доктором ученики называли основоположника антропософии Р. Штайнера) и многое другое; 4-й раздел: дневники 1930-х годов Андрея Белого.

Каждый раздел сопровожден богатым справочным аппаратом, откомментированы встречающиеся имена, события, понятия и др. Причем объем комментариев иногда превышает само автобиографическое произведение. Завершает этот фундаментальный том указатель иллюстраций (сост. Е. В. Наседкина) и аннотированный указатель имен (сост.: А. В. Лавров, Дж. Малмстад, М. Л. Спивак).

Отличительная черта этих автобиографических сводов – это, по словам издателей тома, то, что они «лишены тенденциозности», написаны Андреем Белым для внутреннего употребления, упорядочения жизненных фактов, памяти о важнейших событиях духовной жизни и фактах публицистической, литературной и иной сфер деятельности.

Издатели тома предупреждают читателя, что «Материал к дневнику» есть опыт «внутренней биографии» (с 1899 по 1915 год), созданный «для себя», в котором акцент сделан на впечатлениях, событиях, духовных и непосредственно оказавших влияние на становление мировоззрения Андрея Белого. Тогда как «Ракурс к дневнику» – опыт, документированный, так сказать, «внешней биографии» (с 1899 по 1930 год), где на первое место выходят факты, связанные со всевозможными выступлениями писателя, прочитанными им лекциями, в этом дневнике представлена своеобразная регистрация встреч и разговоров Андрея Белого со своими друзьями, соратниками, знакомыми, с участниками и свидетелями русского

Серебряного века (к примеру: 1916 год, ноябрь, Москва: «встречи с Бунином, Зайцевым, Ходасевичем» (с. 430) или 1916, Сергиев Посад: «дружба с Танечкой и С. М. Соловьевым (племянником русского философа Вл. Соловьева, поэтом, другом детства Андрея Белого, впоследствии священником. – Н. Ш.); беседы с Флоренским»), а также с представителями антропософского движения за рубежом. По сути, сами автобиографические своды воссоздают не только (и это немаловажно!) внешние и внутренние факторы формирования духовного, художественного, жизненного портрета Андрея Белого, но и дают богатейший дополнительный материал для создания культурного ландшафта всего Серебряного века и первых десятилетий культурной жизни Советской России.

Автобиографический ракурс важен для интерпретации художественных произведений большинства писателей и поэтов, но есть такие, как Андрей Белый, для которых «биографический опыт служит не только стимулом для творчества, но и непосредственным содержанием этого творчества» (с. 5). Ранние литературные Симфонии представляют собой биографический, духовный, ментальный «срез» жизни Андрея Белого, фиксируют в художественно-преломленном виде события начинаящего писателя-символиста. В Симфонии (2-й, драматической) автор шифрует свой «аргонавтический» опыт, запечатлевает свои духовные прозрения, утопии, предчувствия, окрашенные идеями философии В. Соловьева и Ф. Ницше. Автобиографизм образов, тематики, идейного комплекса (знамения грядущего апокалипсиса, «священное значение России», мистическое неонародничество) составляет один из содержательных уровней текста Симфонии. Для понимания и расшифровки его как нельзя лучше подойдет «Материал к биографии» (1-я часть всего корпуса рецензируемого тома), составленный самим Андреем Белым и позволяющий подробно проследить все отмеченные автором знаковые события.

Интереснейшими в «Материале к биографии» предстают записи, помеченные 1913–1915 годами, когда Андрей Белый открыл для себя тайноковедение Рудольфа Штайнера и стал адептом антропософского учения. Без понимания антропософских мотивов, образов сложно, даже подчас невозможно истолковать ту или иную сцену в романе «Петербург» (1913). Столь же необходим выход исследователя на антропософский уровень при интерпретации последнего романа «Москва» (1926–1930), первая часть которого («Московский чудак») создавалась параллельно с «Воспоминаниями о Р. Штайнере» (1925).

В романах «Петербург» и «Москва», повествиях, посвященных атмосфере профессорского

дома и формированию сознания ребенка («Котик Летаев», «Крещеный китаец»), поэме «Первое свидание» – везде мы видим, что пережитое, осмысленное, увиденное Б. Н. Бугаевым становится тем самым «непосредственным содержанием» этих прозаических и поэтических произведений. Для понимания более поздних периодов творчества в «Автобиографических сводах» представлен «Ракурс к дневнику» и «Дневники 1930-х годов».

«Дневники 1930-х годов» – одни из самых загадочных и ожидаемых исследователями составляющих тома. 4-й раздел представлен такими дневниковыми записями, как «Выдержки из дневника Андрея Белого за 1930–1931 гг.», «Из дневника 1931 г.», «Дневник. 32-ой г.», «Дневник 1933 года». Интерес к последнему этапу творчества Андрея Белого (20–30-е годы XX века) стремительно возрос. Это был крайне сложный, противоречивый, тревожный, но вместе с тем плодотворный период. Свое существование в это время сам Андрей Белый в письме к Иванову-Разумнику обозначил как «катакомба». Так, в записи от 1 января 1930 года читаем: «Господи, Боже мой, не новый год встречаем, а новый период. Два маленьких слабых существа спят, схватясь за руки, и поднимают к тебе, Боже, с мольбою глаза, и просят, просят, просят» (с. 843).

4-й раздел сопровождает подробная, отчасти со следами детективного расследования статья М. Л. Спивак «Поздние дневники Андрея Белого: пропавшие и уцелевшие», которая проясняет непростую и порой драматическую историю существования московских антропософов, арест как самих участников антропософского кружка (с 27.04.1931), так и архивных документов (включая дневники с 1925 по 1931 год) Б. Н. Бугаева. Поздние дневники были утрачены или пропали в недрах спецхрана ОГПУ. М. Л. Спивак восстанавливает в общих чертах, чему был посвящен пропавший дневник (с опорой на переписку писателя этих лет и на «Ракурс к дневнику»).

Особо хочется подчеркнуть иллюстративную сторону научного издания (сост. Е. В. Наседкина, ст. науч. сотрудник Мемориальной квартиры): все фотографии подобраны согласно событиям, описанным в дневниковой прозе, они сопровождают чтение и делают его зрительно-выпуклым.

Изданный в «Литературном наследстве» труд, вводящий в научный оборот богатейший автобиографический материал, уже востребован, но думается, что ему предстоит прийти не только к профессиональному-филологу, но и широкому читателю, всем тем, кто хочет прилизиться к пониманию уникального периода русской культуры – эпохи Серебряного века и переломного этапа – 20–30-х годов XX века.

11 марта 2021 года исполнилось 85 лет доктору филологических наук, профессору Замиру Курбановичу Тарланову.

ЗАМИР КУРБАНОВИЧ ТАРЛАНОВ

К 85-летию со дня рождения

Замир Курбанович Тарланов родился в селе Буркихан Агульского района Дагестана. С отличием окончил семилетнюю школу и поэтому без экзаменов был принят в Дербентское педагогическое училище, которое также окончил с отличием в 1955 году. Студенческие годы прошли на историко-филологическом факультете Дагестанского университета. Затем успешно учился в аспирантуре Ленинградского госуниверситета, по окончании которой в 1964 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Инфинитивные предложения в русском литературном языке XVIII века (по материалам басен и комедий)». Докторскую диссертацию на тему «Синтаксис русских пословиц» защитил также в ЛГУ в 1970 году в возрасте 34 лет!

С 1963 года Замир Курбанович живет и работает в г. Петрозаводске: сначала (в 1964–1975 годах) заведующим кафедрой русского языка Карельского педагогического института, затем (до 2011 года) заведующим кафедрой русского языка Петрозаводского госуниверситета.

Деятельная натура З. К. Тарланова служит примером неугасающего интереса к лингвистическим разысканиям. Историк русского синтаксиса, специалист в области общего языкоznания, фольклористики, стилистики художественного текста и кавказоведения, пропагандист русской речевой культуры, профессор Тарланов удостоен за свои заслуги званий заслуженного деятеля науки России, почетного работника высшего профессионального образования РФ, медалей К. Ушинского и «За доблестный труд», Государственной премии Республики Дагестан. З. К. Тарланов – автор более 300 научных трудов. Широкую известность в отечественном и международном научном сообществе получили его монографии, учебники, статьи и выступления на страницах авторитетных академических изданий. И сегодня юбиляр полон творческих сил, у него много научных планов, поэтому на его рабочем столе всегда лежат рукописи будущих статей и книг.

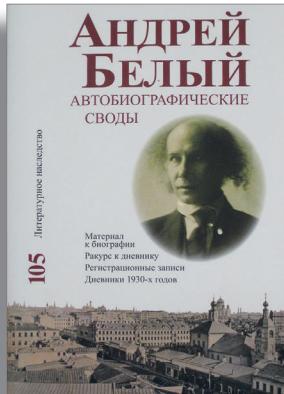
Вклад З. К. Тарланова в развитие русской филологической науки и в воспитание нескольких поколений студентов трудно переоценить, и неслучайно в этот знаменательный день его коллеги и ученики дарят прославленному юбиляру слова благодарности и уважения, пожелания здоровья и творческого долголетия!

Коллектив кафедры русского языка
Института филологии, выпускники филологического
факультета ПетрГУ разных лет

CONTENTS

Editorial note	7	LITERARY STUDIES
LINGUISTICS		
<i>Sadova T. S.</i> THE WORD “NADLEZHIT” AS PART OF THE IMPERATIVE FORMULA IN THE MILITARY CHARTER OF 1716..... 8		
<i>Pashkova T. V., Rodionova A. P.</i> DERIVATIONAL SUFFIXES <i>-NDU/-NDY/-ND(E)</i> AND <i>-HINE</i> IN THE LIVVI AND LUDIC DIALECTS OF THE KARELIAN LANGUAGE (IN THE NAMES OF ILLNESSES AND DISEASES)..... 17		
<i>Voronina L. V.</i> MINDFULNESS AS A COGNITIVE FACTOR FOR EXPLICATION OF JUDGMENTS IN TEXT UNITS WITH PURPOSE SEMANTICS 23		
<i>Galkina N. P.</i> TYPOLOGY OF CAUSATIVE CONSTRUCTIONS IN HYPOTAXIS (IN THE JOURNALISM OF THE XX–XXI CENTURIES) 32		
<i>Davidova T. S.</i> SOME PECULIARITIES OF TRANSLATING RUSSIAN REALIA INTO THE ENGLISH LANGUAGE (ANALYZING THE WORKS OF RUSSIAN WRITERS)..... 41		
<i>Rozhkova A. V.</i> SUBSTANTIVE PHRASES WITH THE GENITIVE CASE IN OLD RUSSIAN HYMNOGRAPHY..... 48		
<i>Chuikova O. Yu.</i> THE USE OF IMPERFECTIVE VERBS WITH GENITIVE PARTITIVE IN THE RUSSIAN LANGUAGE..... 55		
Reviews		
<i>Sharapenkova N. G.</i> The book review: Literary heritage. Volume 105. Andrey Bely: Autobiographical corpora: Materials for the biography. View angle for the diary. Registered records. Diaries of the 1930s..... 115		
Anniversary		
The 85th birthday anniversary of Z. K. Tarlanov..... 117		

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СВОДЫ

Содержание 105 тома «Литературного наследства» составляют автобиографические своды и поздние дневники Андрея Белого, писателя, чей биографический опыт служил не только стимулом для творчества, но и непосредственным содержанием этого творчества. Факты биографии Белого – необходимая основа для представления о его жизненном пути и для истолкования большинства его произведений. Комплекс представленных автобиографических сводов и дневников имеет огромное значение для понимания как жизни и творчества Андрея Белого, так и всей эпохи первой трети XX в.

Для специалистов в области теории и истории литературы, студентов и аспирантов филологических факультетов вузов, широкого круга читателей.

Литературное наследство. Том 105: Андрей Белый: Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Отв. ред. А. Ю. Галушкин, О. А. Коростелев; науч. ред. М. Л. Спивак; сост. А. В. Лавров, Дж. Малмстад. – М.: Наука, 2016. – 1120 с.

Отзыв о книге читайте в рубрике «Рецензии»

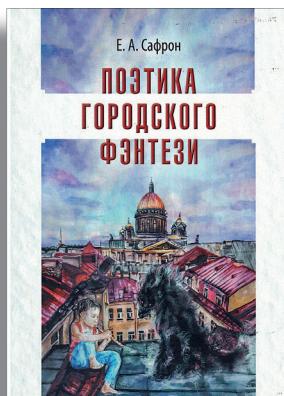
В СПЕКТРЕ АДЕКВАТНОСТИ К 60-летию профессора Ивана Андреевича Есаурова

Сборник статей посвящен 60-летию профессора, доктора филологических наук И. А. Есаурова. Включенные в издание публикации так или иначе перекликаются или непосредственно развивают научные идеи юбиляра, введенные им в филологический обиход категорий (соборность, пасхальность, закон, благодать, христоцентризм и др.), принципы построения новой концепции истории русской литературы, которую на протяжении десятилетий разрабатывает Есаулов. Широте охвата материала ученым (от древнерусской словесности до писателей конца XX века) соответствует и хронология статей юбилейного сборника. Статьи, в основном, посвящены проблемам теоретической и исторической поэтики, причем авторы выходят и за пределы собственно русской литературы, говоря в целом о Slavia Orthodoxa, о рецепции отечественной литературы за рубежом, о том, как проявляются разрабатываемые Есауловым категории в литературе других стран. Одной из важнейших составляющих, объединяющих статьи в сборнике, оказывается понятие спектра адекватности в истолковании произведений, предполагающее множественность интерпретаций в рамках границ этого спектра.

В спектре адекватности. К 60-летию И. А. Есаурова: сборник статей / Сост. Ю. Н. Сытина. – СПб.: РХГА, 2020. – 516 с.

Е. А. Сафон ПОЭТИКА ГОРОДСКОГО ФЭНТЕЗИ

Настоящая монография посвящена городскому фэнтези. В работе исследуются произведения современных авторов, пишущих на русском языке, – А. О. Белянина, М. и С. Дяченко, Р. Мельникова, С. Лукьяненко, А. Пехова, Е. Бычковой, Н. Турчаниновой, В. Орлова, О. Романовской, М. Фрайа. Для понимания процессов зарождения данного субжанра в русской литературе, истоки которого необходимо искать в том числе и в отечественной городской повести, автор обращается и к произведениям XIX в. – повестям М. Ю. Лермонтова, В. П. Титова, О. И. Сенковского.

Издание предназначено как для литературоведов, так для тех, кто в широком смысле интересуется историей отечественной фантастической литературы.

Сафон, Елена Александровна. Поэтика городского фэнтези : [монография] / Е. А. Сафон ; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозавод. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2020. – 95 с.

Д. В. Кузьмин СЛОВАРЬ КАРЕЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

«Словарь карельской народной географической терминологии» включает более 1400 словарных статей, в которых представлена лексика природных и культурных ландшафтов, бытующая или бытавшая в прошлом в карельских говорах на территории России и Финляндии. Он содержит целый ряд терминов, выявленных составителем в ходе многолетних полевых сборов и впервые вводимых в научный оборот. Уточнена семантика и ареальная характеристика многих терминов, известных по другим источникам. Кроме того, в словарь включено несколько десятков реконструированных географических лексем, утраченных карельскими говорами, но сохранившихся в составе географических названий. Самостоятельную ценность имеют топонимические иллюстрации (около 10 000 топонимов), которыми снабжено примерно две трети статей.

Д. В. Кузьмин. Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск: Периодика, 2020. 272 с.